ІЯ ОБЩЕСТВА имени МИХ. КАЧКОВСКОГО.
ъ Май, 1902. Ч. 317.

3 1761 08223213 3

УФРІЙ [illegible]ЕВИЧЪ,

Написалъ
ИВАНЪ НАУМОВИЧЪ.
(III-ье изданіе.)

PG
3948
135
968
902
.1
ROBARTS

Gift from the library of
Dar z biblioteky
PAUL ROBERT MAGOCSI

ЛЬВОВЪ.
Изъ типографіи Ставропигійского Института
подъ управленіемъ Іосифа Данилюка.

За редакцію отвѣчае Богданъ А. Дѣдицкій.

LIBRARY
JUN 01 2009
UNIVERSITY OF TORONTO

Presented to the
LIBRARIES *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by
PAUL MAGOCSI

Чаровникъ Онуфрій Грушкевичъ.

Онуфрій Грушкевичъ первый богачъ не лишь що его цѣлое мѣсто, но, щобы обойшолъ и десять миль та одеруги, ему ни въ другомъ якомъ мѣстѣ, ни въ селѣ пары не ма. Люди повѣдаютъ, що ему уже сто лѣтъ, то съ однимъ, то безъ одного, якъ звычайно люди собѣ свое говорятъ, а по правдѣ, ведля метрики, ему минуло 82 роки и не ма на цѣлое мѣсто лишь двое его однолѣтцѣвъ, Семенъ Покотило и слѣпая Марунька; но тѣ ему не пара, бо Семенъ четыре роки уже изъ печи не злазитъ и не мае ни одного доброго зуба, а слѣпая Марунька также десять лѣтъ свѣта не видитъ, сидитъ у своего внука, скорчена, на постели, та только що годна хату перейти на палици и „Отче нашъ" змовити; а нашъ Онуфрій еще добре не посивѣлъ, зубы еще мае добрыи, самъ газдуе, до церкви ходитъ, щобы якая непогода, подъ той высокій горбокъ, и въ церкви всю отправу спѣвае, и никто не годенъ такъ чисто вычитати Парамею або Апостола, якъ онъ.

За тое-то и всякая бесѣда межь народомъ и за его роки и за его богатство. Одни кажутъ, що выкопалъ мѣдяный котелъ съ червоными, другіи, стар

що будь-то розумнѣйшіи, повѣдаютъ, що такое зêлье ему нагилилъ якій-то венгеръ, и онъ тое зêлье сѣе въ пасѣцѣ, а люди, хотя прійдутъ до пасѣки, то оно никому не показуеся, лишь тому, кто до него знае венгерскую промову...

Мудровали его наши люди всѣляко, щобы по правдѣ довѣдатись, но Онуфрій не любилъ богато говорити, лишь якъ ему кто за зêлье скаже, онъ усмѣхаеся, та каже: „Не одно зêлье, небоже, не одно, а четверо ихъ есть у мене: одно до худобы, другое до пчêлъ, третье до поля, а четвертое до долгого вѣку“...

Онуфрій мае уже пра-правнуки, а тôлько уже его поколѣнья вымножилось, що, якъ справд[illegible]е поминки два разы на рôкъ, разъ въ осени, а Д[illegible]рій разъ въ зимніи мясницѣ, то самыхъ его сынôвъ, а невѣстокъ, а внукôвъ съ жêнками тôлько насходится, що тамъ дивоглядъ, а всѣ засобныи собѣ та честныи газды и газдыни, и дѣтва, щобы вы знали, якось видно, що изъ доброго кореня, и красныи, и хорошіи и смиренныи, що варто побачити...

Не ма що казати, хотя Онуфрій славный богачъ, но люди его любятъ. Онъ не лукавый человѣкъ, а доброго сердця; онъ знае и бѣдного поратовати где треба, и знае добрую раду дати. Сами паны та жиды, якъ що прикрое приходитъ, идутъ до старого Онуфрія на раду и его слово богато значитъ.

Два роки тому повдовѣлъ, та не разъ, кажутъ, сердечно собѣ заплаче за своею стратою, та и все въ домѣ Божомъ, якъ по парастасѣ по еи душѣ позвонятъ и „Вѣчная память“ дьяки заспѣваютъ. Пережилъ же онъ съ небôщкою на кругло шêстьдесять лѣтъ; не чула она отъ него ни онъ отъ ней марного слова, — гейбы одна душа была во двохъ

тѣлахъ, такъ они собѣ жили! Щобы Богъ далъ каждому христіанинови такое супружество и такое Божое благословеніе!

Не знати, мои читатели, що вы собѣ схочете за тіи зѣлья думати чи правда, чи не правда, а я вамъ напишу, що я знаю, та якъ то было, коли его своякъ, сынокъ покойного его сестрѣнця, Семена Паздерского, цѣкавый хлопецъ, що выучилъ былъ во Львовѣ уже шѣсть латинскихъ школъ, по смерти своего тата вернулся изъ Львова, та покинулъ школы и сталъ газдовати. Ему люди столько наговорили то за той котелъ, то за тіи зѣлья, що его собрала охота отъ старого щось довѣдатись, та одного разу по Службѣ Божой онъ его отпровадилъ домовъ, та уже и Онуфрій не пустилъ его, доки съ нимъ не съѣлъ, якъ той каже, що Богъ далъ, та вотъ якая межь ними была бесѣда:

Никола. Я давно, дѣду, рядъ былъ васъ порадитись, що менѣ робити, куда менѣ обернутись, чи „собъ,“ чи „цабе?“ Чи идти кончити школы, чи газдовати?

Онуфрій. И то добре, и то не зле, а то найлучше, до чого есть охота.

Никола. По правдѣ, лучшую маю охоту до грунту, та Богу дяковати, есть при чѣмъ быти; кобы я то то зналъ, що вы! Бо то люди богато за васъ повѣдаютъ, та не знаю, що въ томъ правда?

Онуфрій. За що?

Микола. Бо то люди говорятъ, що вы, чи то ваши тато еще, выкопали котелъ съ червоными, а другіи кажутъ за якіись зѣлья, що маете въ пасѣцѣ, що то отъ нихъ ведеся вамъ все, та такое здоровье и силу маете, и еще въ такой старости.

Онуфрій. За котелъ, сыну, не буду казати, бо не знаю; а за зѣлье то тобѣ скажу, що знаю четыре и знаю до нихъ промову. Якъ хочешь, дамь тобѣ тіи зѣлья на новое господарство, коли ты уже хочешь дома газдовати, но пообѣтуй менѣ, що ихъ такъ засѣешь и плекати будешь, якъ я тобѣ скажу.

Никола. О, дѣдусеньку солодкій, а я-жь бы васъ не послухалъ?!

Онуфрій. Инакше, сыну, слухати, якъ той каже, однимъ ухомъ, а другимъ выпустити, а инакше слухати цѣлымъ сердцемъ и твердо постановити: Такъ я буду робити, а не иначе. Бо то теперь свѣтъ инакшій насталъ, и инакшій ладъ межь людьми, а ты былъ уже въ томъ великомъ свѣтѣ, во Львовѣ, и тамъ ты бачилъ бôльше лихого, якъ доброго, бо лихое ходитъ нынѣ широкимъ гостинцемъ и шумитъ, або мешкае въ красныхъ покояхъ, а доброе стоитъ въ кутику, або и за дверьми... Васъ тамъ въ школахъ учатъ всего, та оно каждая наука добра, однако знаешь, що часомъ и добрая наука зведе изъ розуму, и человѣкъ розумный стане якъ бы безумный....

Я старый уже человѣкъ, и письменный, якъ знаешь, и люблю всякую науку, но такая наука, що безъ вѣры обходится, менѣ не подобалася, а видѣлъ я такихъ паничикôвъ, що то пріѣздятъ изъ Львова изъ школъ: якіи они мудрыи, якъ они, хотя прійдутъ въ церковь, то не молитись, а за чѣмъ иншимъ, якъ они стыдаются на свои грѣшныи тѣла крестъ положити, ударити поклонъ, якъ они собѣ розговорюютъ въ церкви и посмѣхуются, и якъ они знаютъ о всякихъ наукахъ высоко и мудро говорити, а не знаютъ ни одного псалма на Псалтири добре и съ христіанскимъ сердцемъ вычита-

ти, лишь такъ, якъ бы то всю мудрость они уже завоювали, а наши всѣ святыи книги то такъ, якъ бы то были уже непотребны ни на що! Я тебе пытаю, Николаю: чи не такій и ты? Бо если во Львовѣ уже изъ твоего сердця выкоренили вѣру, то шкода было бы для тебе моихъ слôвъ. Скажи менѣ: Есть у тебе молитвословъ? Молишся ты що день? — Скажи правду.

Никола. Правду кажете, дѣдусю; во Львовѣ стыдно где-которымъ школярямъ молитись. Но я былъ на станціи съ однимъ добрымъ хлопакомъ, що николи молитвы своей не опустилъ и всегда мы молились вразъ и ходили на набоженство до Волошской церкви.

Онуфрій. Тожь я тобѣ теперь скажу, дитино, що первое тое зêлье, що я сôбѣ нимъ вычаровалъ долгій вѣкъ, и всякое добро и честь у людей, то — молитва.

Никола. Ага, а второе?

Онуфрій. Пожди, еще до одного я не скôнчилъ промовы.

Никола. Правда, бо люди говорятъ, що вы знаете якуюсь венгерскую промову.

Онуфрій. Не венгерскую, бо я русскій человѣкъ изъ дѣда-прадѣда, то промова моя русская. Бачишь, Николаю, менѣ уже мôй отецъ лишили красный маетокъ, а коли умирали, прикликали мене до себе и повѣдаютъ: „Онуфрій, я уже упокоюся, а на тебе перейде вся праця; а маю я великій скарбъ, що я тобѣ въ руки отдамь, щобы ты его сохранялъ и николи не далъ изъ своего дому. Якъ бы, хрань Боже, огонь огорнулъ обôйстье твое, ты хапай той скарбъ, щобы не сгорѣлъ, бо хоть бы все сгорѣло, а если будешь его сохраняти коло своего сердця, доробишся назадъ всего добра и

никто тобѣ ничого злого не здѣлае.“ – Якъ сказали тіи слова, сягнули небôщикъ пôдъ постель — ахъ, такъ якъ бы то вчера было, – та добываютъ вотъ сію книжку и даютъ менѣ въ руки. Я поцѣловалъ ихъ въ руку и слезами ю омочилъ, бо то была праведная рука, щó мене выховала, щó мене провадила до всякого доброго дѣла, та и кажу имъ: „Тату, ваше слово святое и книжку тую я сохраню яко найбôльшую святость. Хоть бы я все стратилъ, но книжку тую я передамь моимъ дѣтямъ, коли буду умирати.

Никола. Та то Псалтирь!

Онуфрій. А Псалтирь! Давно, бачишь, была великая слава, кто зналъ Псалтирь, а нынѣ вы уже изъ псалтирниковъ посмѣхаетеся. Чи такъ?

Никола. Правда, що такъ! Но я, дѣдусю, слухаю васъ, и сердце мое возносится, бо я вижу, що вы изъ сердця говорите.

Онуфрій. Такъ слухай. Я тобѣ сказалъ, що первое зêлье, то — молитва, та и слово Божье. Я николи не опустилъ молитвы, николи не опустилъ набоженства, николи не оскоромился въ постѣ, я любилъ Матерь нашу, святую Церковь, я шановалъ духовныхъ, що приносятъ за весь міръ христіанскій офѣру и просвѣщаютъ насъ свѣтломъ вѣры и науки, и по правдѣ скажу тобѣ, що я не разъ самъ дивовался, якъ менѣ все велось, якій я былъ всегда здоровый и веселый. Я якъ рано встану, умыюсь, защêпну собѣ хату, щобы менѣ никто не прійшолъ, тогды и стаю до молитвы. Она менѣ не есть тягаремъ, но я солодко молюся, бо чи може быти на свѣтѣ що солодшого, якъ вознестись духомъ до Бога вразъ съ тѣми чистыми духами, що ему непрестанно служатъ? Такъ молюся, а въ сердцѣ моемъ такъ любо, такъ отрадно, що я тобѣ того вы-

мовити не годенъ. По правдѣ, менѣ тяжко оторватись отъ молитвы, а я вижу, що наши люди маютъ собѣ молитву за якую кару, за тягаръ! О, якіи они несчастливыи, если они не знаютъ, що для человѣка есть найсолодшое на свѣтѣ!...

Никола. Люди не вѣруютъ, щобы молитвою можно чого доступити, бо хотя молятся, а имъ не ведеся, то кажутъ: Рôвно молитись, або и не молитись."

Онуфрій. Коли я помолюсь къ Отцу небесному, я не гадаю о тôмъ, чи менѣ тутъ що поведеся, или нѣтъ. Бо Отецъ небесный не сотворилъ мене для тѣхъ марныхъ рѣчей, що на семъ свѣтѣ. Я пôддаюся Его премудрости и пріймаю изъ Его рукъ все, що менѣ дае, а якъ душею молюся, тогды, щобы все мое добро пропадало, менѣ здаеся, я бы не мôгъ оторватись отъ молитвы, бо щожь то-то, все добро наше? Отъ, пушечка персти, та ничого бôльше! Но щобы ты зналъ, що побожному человѣкови Богъ во всемъ помагае и все, хотя бы и якій припадокъ, выходитъ ему на доброе. Помолившися, я безпечно хожу весь день и не боюся никого. Въ сердцѣ моемъ такая веселость, що тяжко высказати, а веселость, — то здоровье и долгій вѣкъ. Я николи не допускалъ смутку до сердця моего, бо що менѣ може злого статись въ покровѣ Отца небесного, на которого я отъ дитинства наученъ крѣпко уповати? О, перечитай, Николаю, псаломъ 90! Послухаемъ, якъ тамъ пише святый царь Давидъ.

Никола читае весь псаломъ 90: „*Живый въ помощи вышняго* ..."

Онуфрій. Розумѣешь ты, Николаю, все то, що ты вычиталъ?

Никола Мало що розумѣю. Насъ въ школѣ того не учили.

Онуфрій. Такіи то и тіи школы! Учатъ васъ всякихъ языкôвъ и всякой поганской мудрости, а христіанской мудрости лишь трошенька.

Никола. Оно по правдѣ такъ. Теперь уже совсѣмъ ничого не чути за наше русское по школахъ.

Онуфрій. Свѣтъ перевернулся до горы ногами. На русской земли не учатъ по русски!... Но чей Господь змилуеся колись и надъ нашимъ православнымъ народомъ, що онъ не въ пожичанной, чужой, а въ своей русской бесѣдѣ буде учитись всякой премудрости, и ажь тогды свѣтло науки розширится межь нашимъ народомъ. Но я отскочилъ отъ нашой бесѣды. Слухай, сыну: Я малъ такій звычай, отъ сей 90 псаломъ каждого вечера отмовити и съ тѣми словами я каждого вечера обходилъ до-окола мое обôйстье. Люди не разъ, коли видѣли мене, що обхожу мое обôйстье до окола, всякое собѣ думали, та и говорили всякіи небылицѣ, а я не якими чарами, но тѣмъ Божимъ словомъ ограждалъ мое имѣніе, труды рухъ моихъ. И ты теперь станешь газдовати, и оженишся, и будешь дораблятись маетку, а я тобѣ ражу: роби и ты такъ, щобы ты каждого вечера, закѣмъ ляжешь на постель твою, помолившись дома съ женою и челядью твоею передъ святыми образами, выйшолъ еще на двôръ, и доокола обôйшолъ твое обôйстье и говорилъ цѣлымъ сердцемъ тіи слова:

„Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится. Речетъ Господеви: заступникъ мой еси, и прибѣжище мое, Богъ мой, и уповаю на него....

То такое, сыну, що каждый, кто на помочь Божую крѣпко уповае, то такъ якъ бы жилъ подъ дахомъ, якъ бы въ домѣ Отца небесного! Якъ дитина господарская не боится ніякого ворога въ домѣ своего рôдного тата, а жіе собѣ безпечно, такъ и той человѣкъ смѣло скаже до Господа Бога: „Заступникъ мой еси ты, и прибѣжище мое, Богъ мой и уповаю на него.“ Но безбожникъ, грѣшникъ, слôвъ тѣхъ не може вымовити, бо не мае лиця, назвати Бога своимъ заступникомъ, бо онъ Бога не любитъ, Богу не служитъ, дѣлами своими, и словами и мыслями своими отрêкаеся Бога.

Никола. О, якъ менѣ то подобалось, и по правдѣ николи не опущу того псальма ни одного вечера, и таки завтра запишу собѣ изъ нашой русской книгарни, що при Волошской церкви во Львовѣ, новую Псалтирь.

Онуфрій. Сердечно тя цѣлую за то. Боже тя благослови!

Никола. О, дѣдусю солодкій, ростолкуйте менѣ еще вотъ тіи слова сего псальма:

„Воззоветъ къ мнѣ и услышу его, съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прославлю его.“

Онуфрій. То значитъ такъ: Въ нуждѣ, въ бѣдѣ, въ смутку Богъ буде съ тобою, и легче тобѣ буде на сердцѣ, не допустишся роспуки такъ, якъ каждый грѣшникъ, коли на него прійде бѣда; Богъ выведе тя изъ всякого припадку, а еще и прославитъ тебе. О томъ скажу тобѣ также, що я пережилъ, бо то и мое житье не было безъ припадковъ и безъ вороговъ.

Никола. И счезли ваши вороги?

Онуфрій. *„Яко изчезаетъ дымъ.“* Всѣхъ я ихъ уже поховалъ!

То такъ было: Былъ тутъ въ мѣстѣ изъ краю, где теперь мурованый дôмъ Хаскля Червоного, еще старый деревяный, а въ немъ жилъ дуже цѣкавый жидокъ Мендель, що до всего хапался. Наши мѣщане звыкли были до него ходити на медокъ и я часомъ также, хотя небогато, но кôлька разъ на рôкъ при компаніи заходилъ. Онъ же держалъ и лотерею. Одного разу при компаніи выпилъ я собѣ стклянoчку меду, та собрала и мене охота попробовати счастья. Вытягъ я сороковця, та кажу Мендлеви, щобы далъ галки. Сягнулъ я, вытягъ три нумеры. Пиши! Мендель написалъ, я и не дивился, якіи, взялъ карточку, въ наперецъ завинулъ и вложилъ въ чересь. Въ середу потому вытягнули во Львовѣ всѣ мои нумеры. А былъ тутъ у насъ въ мѣстѣ піячина, що давнѣйше былъ мандаторомъ, Бартушкевичъ, но що дуже роспился, то ему декретъ ôтобрали и онъ валялся по-межь жиды, колотилъ людей однихъ съ другими и писалъ суплики. Якъ прійшли нумеры изъ Львова, онъ саме тогды былъ у Мендля. Мендель бере книжку свою съ нумерами и зазначуе, где кто трафилъ якій нумеръ, а Бартушкевичъ оперся надъ столикомъ, та очима водитъ по книжцѣ, чи не выгралъ кто, бо заразъ и была надѣя на одну або и бôльше порцій горѣлки...

Раптомъ крикнулъ Бартушкевичъ: Терно!

Жидъ поблѣдъ и затрясся..

— И то великое терно, 400 дукатовъ!...

Жидъ словилъ Бартушкевича за рамя: Цыть, ша!

— Знаешь, Мендель чіе? Я знаю, то Грушкевича; я тогды былъ, якъ онъ ставилъ; первый ставилъ Деребецкій, другій Микитовичъ по половинѣ

сороковця, о такъ, саме такъ, а оттакъ прійшолъ — Грушкевичъ и вытягъ сороковця, правда?

— Правда, каже жидъ, но — цыть...

— Та чому цыть? Я ему заразъ иду сказати, онъ добрый человѣкъ не пожалуе за такую новину дати и 20 реньскихъ, — о, що я кажу 20? Дасть бôльше и могоричъ.

— А я, каже жидъ, дамь 100 зр., но, Бартушкевичъ, треба розумъ мати.. ..

— Якъ то?

Жидъ оглянулся до-окола по хатѣ и повѣдае: Видишь, тутъ не ма никого, ни жѣнки моей, ни дитины, — никого, никого!

— Ну, та що?

— Та то: Никто не знае, лишь мы два, що у Грушкевича карточка!

— Ну... —

— Ну, — та то невеликая рѣчь тую карточку изъ его череса добыти, а тамъ иншую вложити, — повѣдае Мендель.

— Великая, великая рѣчь, — каже Бартушкевичъ, — бо Грушкевичъ не пье николи бôльше, якъ одну стклянку меду...

— Ну, то можно дати сильнѣйшого меду, — помѣрковалъ еврей и поглянулъ на Бартушкевича. — Ферштанденъ?.. (Розумно?)

— А-га, — каже Бартушкевичъ, — ферштанденъ... То такого меду съ такимъ порошкомъ бѣленькимъ, — такъ?

— Ну, — каже жидъ, — а якъ бы такъ?

— А — комисіи — крайсфизики — обдукціи — криминалы? Гмъ-гмъ!

— Ай вай, — повѣдае жидъ, — ты, Бартушкевичъ, такъ говоришь, якъ бы ты не былъ мандаторомъ и не зналъ ніякіи деликатныи гешефты

робити! Знаешь, що докторы скажутъ „нервеншлягъ,“ якъ мудрое слово съ ними поговорится? А нашъ сендзя Подгурскій якъ также що оближе, то все добре пôйде...

— Та... та — то правда! Ну, Мендель, най буде твое слово, но — менѣ що буде за тое?

— 100 реньскихъ.

— Мало...

— Ну, то скôлько?

— Сто дукатôвъ.

Жидъ поцмокнулъ, понагадался, тай ударили собѣ въ руки и выпили собѣ по стклянoчцѣ вина на могоричъ за мое — житье.

А менѣ то и не въ головѣ... Лишь сей ночи снится менѣ великая, глубокая яма; я хочу черезъ ню перескочити, скачу, на другомъ боцѣ падаю на крестъ, а той крестъ похляпанъ болотомъ! Встаю, мацаю коло себе: Слава Тебѣ, Боже, що я на своей постели; та то лишь сонъ такій былъ!

Ледва я собрался и помолился, кто приходитъ? Мендель. Ай вай, пане Грушкевичъ, я до васъ съ великою, нивроку, просьбою. Менѣ трафляеся добрый гешефтъ: купити хату, та треба заразъ дати задатокъ, а у мене не ма, бо я все маю въ гандлю и, якъ знаете, нивроку, межь людьми на процентахъ. Я васъ прошу, дайте менѣ 200 реньскихъ на реверсъ, дамь файный процентъ, по 6 отъ сотки за рôкъ! (Бо то давно инакшіи были проценты, якъ нынѣ, 6 отъ ста, то уже была страхъ великая лихва!)

У мене гроши дармо лежали, думаю собѣ: та най бере жидъ. Недолго и намышляюся, вытягаю изъ скрыни мѣшокъ сороковцêвъ, отчислилъ 200 реньскихъ, завязалъ въ торбинку и поставилъ на столѣ.

Дай же вамъ Боже здоровье, говоритъ Мендель; що то, нивроку, якъ у васъ человѣкъ не найде выгоду, то нигде. Ну, такъ ходѣтъ, я вамъ напишу реверсъ. (Векслей тогды еще не было.)

— Напиши тутъ. Я пôшлю по штемпель, кажу я ему.

— Ахъ, якъ бы я тутъ писалъ? А могоричъ где?

— Якъ на то, то найдеся и у мене.

— Инакше у васъ, а инакше у мене. Я знаю, що вы любите того старого, жолтого меду, що лишь до панôвъ великихъ отъ мене, нивроку, берутъ.

— Та где теперь рано мêдъ пити?!

— Чому? У мене есть рыбка, знаете, файна, по жидôвски приправлена, ай вай, по такой рыбцѣ то добре смакуе медокъ, хоть бы якъ раненько!

По правдѣ пôдкупилъ мене жидъ, и менѣ запахла жидôвская рыба; беру торбину съ сороковцями въ руки, — идемъ.

У Мендля уже стоитъ за столомъ Бартушкевичъ „пôдъ доброю датою,“ якъ кажутъ Поляки. Всталъ, склонился менѣ, щось скрутилъ головою, покрутилъ вусъ, лыкнулъ решту изъ квартирочки, сплюнулъ и зновь скрутилъ головою. Мендель, стерши лаву и попросивши мене сѣдати, пôдойшолъ до Бартушкевича, моргнулъ на него и положилъ коло него готовый уже штемпель изъ шафки.

— Двѣстѣ реньскихъ на рôкъ по 6 процентъ? пытае мене Бартушкевичъ.

Я кивнулъ головою.

Бартушкевичъ по мандаторски и скоро написалъ, а жидъ подписался.

— А свѣдки? — запыталъ я.

— Свѣдки — каже Мендель — будутъ заразъ.

Тутъ войшли до шинку два мѣщане, та и тіи подписались за свѣдковъ. Выпивши по порціи горѣлки, они и пôшли дальше, куда пустились.

Уже стôлъ накрытъ, на столѣ полумысокъ рыбы, добре пахнющой и наперченной, и колачъ плетенный жидôвскій. Попоѣли мы съ Бартушкевичомъ по двѣ порціи, — уже и несе Мендель медокъ жолтенькій. Ставитъ передемною одну стклянку, передъ Бартушкевичемъ другую и собѣ одну.

— Ну, дай намъ Боже здоровье!

Я беру стклянку до устъ, дивлюся, въ ней якаясь бѣлявая посуга. Здмухнулъ я се и покушалъ троха, и що лишь хочу добре потягнути, ажь ту раптомъ якъ крикне щось въ сѣняхъ, такъ мы всѣ сорвались на рôвныи ноги, лишили стклянки на столѣ, а сами выбѣгли до сѣней. Гвалтъ, гвалтъ! Що се такое? А то злодѣя зловили, якъ жидови изъ заду съ воза вытягъ торбу и съ тою торбою утѣкалъ на мѣсто! Зробился великій галасъ, его имили, бьютъ, чуприну обрываютъ, уже и ногами мѣсятъ, той реве якъ товарина, цѣлое мѣсто сбѣглось, а каждый кричитъ: „А бій, а бій!“а каждый, чѣмъ мае, бье. А тѣмъ часомъ жидокъ, сынъ Мендля, видячи, що въ шинку не ма никого коло меду, хапъ изъ одной, хапъ изъ другой стклянки, хлыснулъ добре, а потому, гадаючи, що изъ одной, изъ моей, за богато хлыснулъ, такъ що робити? перемѣни: Бартушкевича стклянку кладе на мое мѣстце, а мою на его. Мы приходимъ, якъ уже злодѣя полицаи отвели, назадъ до шинку, сѣдаемъ на свои мѣстця, видимъ, що добре надпитыи стклянки, та намъ то байдуже: пьемъ дальше и выпили до дна. Приносилъ менѣ Мендель еще и другую, но у мене такая натура была, що я николи двѣ не пилъ; беру реверсъ за ремѣнь, хочу уже ити, ажь тутъ дивлюся,

Бартушкевичови губы посинѣли якъ бозъ, очи столпомъ станули, уже заколебался на ногахъ, ба уже и заточуѐся и грымъ на землю!

— Пьяный? — Нѣтъ, не пьяный...

— Пьяный! — повѣдае Мендель. Но я дивлюся, Мендель поблѣдъ якъ стѣна, а руки ему трясутся якъ въ пропастницѣ.

А ба! — Но тутъ и жидокъ тотъ самый ходитъ, держится за черево, — ай вай! Чую и я, щось менѣ недобре. То якійсь мѐдъ такій! Дальше до припѐчка, беру горнецъ съ теплою водою, пью на силу и выпилъ зо двѣ кварты. Вернулъ я жидови и мѐдъ, и рыбу и то мене уратовало. Ба, уже и жидокъ лежитъ, а Мендель пытае его по жидôвски, чи онъ не пилъ меду. Жидокъ кивае головою, що пилъ, сыплютъ ему въ ротъ горячой воды, но онъ затялъ уже зубы, а очи перевернулъ бѣлками на верхъ. А Бартушкевичъ лишь еще протягнулся и тôлько вымовилъ: „Грушкевичъ! Ты терно выгралъ, пся вяра жидъ мялъ цьебье струць, та мнье струлъ. Мендель, Мендель мнье струлъ, — хцялъ взьонсць тобье зъ череса картечке, — пшемьенялъ шклянки. Ой, ой!“ И заревѣлъ страшно уже смертельнымъ голосомъ...

Въ шинку не было ни живой души чужой, лишь жидôвки заводили, терли и заливали Хаима, но Хаимъ уже того всего не потребовалъ, лишь часомъ еще ногою потягъ, а изъ рота пустилась ему пѣна съ кровью. Бартушкевичъ троха сильнѣйшій былъ, то еще долше помучился, наконець зарычалъ еще разъ якъ звѣрина якая и протягнулся. А я на все то дивлюсь и уже знаю, що се такое было, но не знаю, що робити, лишь все попиваю теплую воду и чую, що менѣ уже ничого не буде, и думаю собѣ: „*Падутъ во мрежу свою грѣшницы,*

единъ есмь азъ, дондеже прейду.“ О, то правда, що читаемъ на Вечерни въ псальмѣ, що падутъ въ свою сѣть грѣшники, а я самъ одинъ выйду изъ бѣды! Упалъ Мендель въ свою сѣть, бо одного имѣлъ сына, одну дитину, якъ око въ головѣ, а другій Бартушкевичъ, що змовился съ Мендлемъ на мое житье. Та подумавши, беру шапку, хочу ити, а тутъ Мендель, видячи два трупы на помостѣ и що я съ ришкондою въ чересѣ жію и о всемъ уже знаю, иде до головы по розумъ, выбѣгае на двôръ, замыкае на ключъ шинкъ и робитъ страшный крикъ. На той крикъ збѣглось цѣлое мѣсто жидôвъ, галасъ страшный, то все пакуеся до шинку и кидаеся на мене, убити мене, будьто то я потроилъ тѣхъ двохъ! Обшарпали мене, подрапали, покалѣчили, якъ того Гамана, нарештѣ вытащили мене на двôръ, связали назадъ руки и тогда дальше я уже не зналъ, що со мною дѣялось, бо очутился я въ арештѣ мандаторскомъ на соломѣ, безъ кафтана безъ шапки, безъ череса, въ которомъ было троха грошей, реверсъ на 200 рен. и карточка на 400 дукатовъ. — Отворивши очи, дивлюсь по собѣ, що со мною сталось? Хочу встати не могу. Ноги потолчены, на крыжахъ нарвало щось, якъ малый гарбузъ, чуприны не ма съ половины, очи попôдпухали! — Лазарь та Лазарь! — Пригадую собѣ Мендля, и Бартушкевича и его Хаима. Отже то згадую я собѣ: то мôй сонъ! Яма величезная, широкая, то я такъ скакалъ черезъ ню, а упалъ на такій кресть, похляпаный жидами! Боже, Боже!

Сижу на той соломѣ подъ стѣною арешта, та ничого не могу говорити, лишь одно: „Господи, помилуй!“ Говорю его по сто разъ, и все не могу ничого бôльше говорити...

Думаю собѣ: „Вотъ то не разъ я собѣ гадалъ, чому то на Полунощницѣ або на Часахъ пише въ Часословѣ або въ Тріоди 40 разъ „Господи помилуй.“ Се выдалось менѣ за богато тѣхъ 40 разъ, а былъ одинъ мудрагеликъ, що троха польщины лизнулъ въ школѣ, то по просту смѣялся, якъ тамъ 40 разъ говорилось „Господи помилуй.“ Теперь я знаю, що то не богато 40 разъ, бо въ арештѣ я на день бôльше якъ 400 разъ ихъ вымовилъ, и не было за богато! Тѣхъ 40 разъ, що въ церкви читаются, думаю я собѣ, то уже певно за такихъ несчастливыхъ, якъ я, що упали въ такую неволю, и тôлько невинно муки терпятъ!

Никола. Щожь дальше сталось съ вами?

Онуфрій. Пожди, сыну, пôйду, отправлю челядь на Вечерню и на науку, а я уже нынѣ доповѣмь тобѣ до конца тую исторію.

Пôшовши и незабавомъ вернувшись, такъ дальше розсказовалъ Онуфрій:

— Такъ я, небоже, въ арештѣ! Въ головѣ шумъ, якъ отъ млынскихъ колесъ, каждая кôсточка, каждая жилка болитъ, языкъ въ ротѣ засохъ отъ горячки, а може не безъ того, щобы и троха трутины не зайшло въ тѣло, а тутъ журба, що тамъ жêночка моя собѣ подумае, якъ зачуе за то все, и не такъ, якъ по правдѣ было, а такъ, якъ жидова перекрутила? Що тамъ люди нынѣ въ цѣломъ мѣстѣ, ба и по селахъ о менѣ говорятъ? А тутъ не ма ни души, съ кѣмъ бы хотя слово якое заговорити, лишь разъ на днину прійшолъ полицай подивитись, чи я жію, а побачивши, що жію, трѣснулъ дверьми за собою, на два спусты замкнулъ замокъ и пôшолъ. Сто реньскихъ або найлучшого коня, человѣче, былъ бы я далъ за одну стклянку воды, якъ бы менѣ ю кто былъ подалъ, такъ мене

палило и въ седединѣ и съ верха! Ажь вечеромъ чую — идутъ три человѣки; то были вартовники до мене, та посѣдали подъ дверьми и такое собѣ повѣдаютъ:

— О то, небоже, богачъ душу чортови ховае! Ажь теперь упалъ, якъ лисъ въ желѣзо!...

— А що докторы казали, щó патрошили трупôвъ?

— Та що? Казали, що потроены арсеникомъ!

— О то! двѣ души согналъ изъ свѣта; то сумлѣнье, небоже, богацкое!

— Кажутъ, що завтра окуютъ его, а въ понедѣлокъ повезутъ до Львова вѣшати...

— Або не вартъ? Чи мало имѣлъ своего богатства, а еще ему жидôвского забагати?

Слухаю я того, слухаю, та ничого не отзываюсь, ажь котрыйсь изъ нихъ до мене:

А спишь ты, богачику?

Я ничого не отзываюся; они еще троха собѣ погаморили, а ôттакъ заснули.

Менѣ сонъ не иде на очи; побитый, двѣ добы ничого не ѣлъ. Думаю, що то буде со мною, та все лишь свое „Господи помилуй" повтаряю такъ сердечно и такъ горячо, а въ сердцѣ щось менѣ не тяжко и якаясь потѣха менѣ повѣдае: Выйдешь изъ сего. *„Обаче очима твоима смотриши, и воздаяніе грѣшникомъ узриши."*

Ажь тутъ слухаю — ктось съ тиха говоритъ: Онуфрій!

— Я подвѣлся, присунулся рачки близше оконця, пôзнаю по голосѣ дьячка нашого, Адріянка.

— То ты, Адріянку?

— Я...

— Ой, ой, мы не знаемъ, що съ вами дѣеся! Що то было, та якъ? Бо то жиды такіи брехни на васъ наговорили, що и страхъ послухати.

Мене прислали егомость; мы собѣ съ Ивасемъ приставили драбинку и принесли вамъ що ѣсти. Отъ маете тутъ пироги съ масломъ, та булки и курятко печеное.

Взялъ я то, но кажу ему: „Воды, воды!“ Онъ злѣзъ по драбицѣ, небавомъ вертае и пхае межь краты горня съ водою. Ожь то, небоже, вода была, вода! Попоѣль я собѣ, троха якось пôдсилѣлъ и повѣдаю Адріянкови все, якъ было.

Побѣгъ Адріянко, за годину зновь есть у мене. Казали, повѣдае, егомость: Не бôйтеся, выйдете изъ того! Я, повѣдаю, не боюся, у мене чистая совѣсть, Богъ мене добуде изъ сей нужды!... Я знаю, жиды умовились съ мандаторомъ, хотятъ мене голодомъ заморити, щобы правда не выйшла на верхъ. Такъ оно и было. Иди, скажи лишь жѣнцѣ, най не плаче. Вы менѣ лишь ѣсти доносѣтъ, якъ можете, бо хотя бы они менѣ тутъ що давали, я того въ ротъ не возьму, бо жиды найдутъ для мене еще того самого порошку, що перше, и тутъ въ арештѣ.

Уже я на сію ночь троха заснулъ. На другій день приходитъ до мене докторъ съ актуаріюшемъ и полицай съ кайданами.

— А, якъ сье мацье, панье Грушкевичъ? каже до мене докторъ.

— Зле маюсь, побили мене, ѣсти менѣ не даютъ.

— Троху посту вамъ нье зашкодзѣ, тажь то ты твардый русѣнъ, то до посту пшивыкъ, — сказалъ панъ докторъ съ усмѣхомъ.

— Дай но ему, Тимку, ренкавѣчки и пончохи — каже актуаріюшъ, та уже мене оковуютъ въ тяжкіи каданы, що страхъ.

— О, теразъ собье якъ панъ въ ренкавичкахъ!. — повѣдае та моргнулъ на доктора; но вьелье онъ може вытшимаць?

Докторъ обмацалъ мене, трѣснулъ рукою по плечахъ: За пьендзьесьонтъ я ренче, же вытшима, и цо тыдзьень можна повтаржаць.

— Э, повѣдае актуаріюшъ, онъ нье бендзье такій глупый, пшизна сьенъ одъ разу. На цо ему еще брацъ цо тыдзьень по пьендзьесьонтъ, а вѣсѣць тшеба, чи такъ чи сякъ...

На тѣ слова щосъ собою по нѣмецки говорили, докторъ выйшолъ, а онъ приходитъ до мене и повѣдае: „Дашь тысьонцъ реньскихъ, а вшистко бендзье добже. Мнье 100, на докторувъ 300, а решта сендзьему и гдзье тшеба!“ Сталъ менѣ долго договорювати, що циркулярная комисія туть есть, що трупôвъ оглядали, що насъ было три, Мендель, Бартушкевичъ и я, що Мендель своего сына не хотѣлъ певно троити, що Бартушкевичъ себе также не хотѣлъ троити, отже никто того не сдѣлалъ, лишь ты, отже за то — шибениця! А они то инакше бы скрутили, и зопхали бы на Бартушкевича, а ему уже все одно.

На тѣ слова я ему сказалъ: „Нѣтъ, паноньку, мучьте мене и вѣшайте мене, но я не то 100 зр., но одного простого крейцара вамъ не дамь, щобы вы мене выкручовали. Есть такій, що знае мою правду и той мене добуде изъ той ганьбы!“

Заскреготѣлъ якъ скаженная собака зубами, трѣснулъ дверьми и сказалъ: „Буки, буки! змякнешь ты, небоже!“

Принêсъ менѣ полицай ячмêнной каши въ горнятку, кусникъ хлѣба и воды. Я не ѣлъ ничого. Въ ночи зновь есть Адріянко, приходитъ ôтъ жêнки и каже, що жидокъ, кривый Шапси, былъ у ней отъ

Мендля, що Мендель буцѣмъ подобрѣлъ, що за сына уже все пропало; а онъ мою душу не хоче згубити, щобы жѣнка дала 500 зр. на докторôвъ и мандатора, а они все перекрутятъ; — а нѣтъ, то шибениця! Жѣнка уже отраховала 500 зр., уже хоче нести, лишь менѣ дае вѣдомость. На то я сказалъ, щобы жѣнка заразъ всѣ гроши и всѣ паперы, якіи я имѣлъ, занесла до егомостя, щобы на важилась дати никому ни крейцара, а съ жидами щобы и не говорила.

Адріянко далъ менѣ страву и воду; я тую изъ арешта пересыпалъ въ порожныи горнята.

На другій день — протоколъ.

О ничь не пытаютъ, лишь, где я взялъ арсенику? Я кажу, що не знаю, где арсеникъ брати.

Мандаторъ приступае до мене и якъ врѣже мене въ лице три разы, такъ що всѣ перстени его втислись менѣ въ тѣло, якъ кине мене о землю, якъ возьмутъ мене потому полицаи, якъ ростягнутъ на лавѣ! Господи! Вычислили менѣ 20 букôвъ и уже я не видѣлъ свѣта, уже мене завели до арешту, бо я самъ не мôгъ идти. Упалъ я на мою солому и слезами ю окропилъ, такъ якъ то въ псальмѣ есть писано. „Слезами постелю мою омочу,“ уклякъ я, вознесъ руки мои съ тѣми тяжкими кайданами до неба, молюсь и слезы цюркомъ текутъ; не знаю, где ихъ тôлько набралось! Та тутъ и пригадую собѣ, що то Іисусъ Христосъ такъ страдалъ, що то и Апостолы Петро и Павло сидѣли въ дыбахъ и кайданахъ, що св. Апостолъ Павелъ каже: „*трижды палицами біенъ быхъ*,“ и на тіи слова уже менѣ было легче и за стыдъ и за бôль. Ажь тутъ трасъ, трасъ въ замку, отвираются двери, есть панъ актуаріющъ!

— Ратуйцье сьенъ, дайцье 800 р., а вшистко бендзье добже; льепьей вамъ даць 800 р., якъ вѣсѣць на шубьеници.

— Не дамь ни одного крейцара!

— Нье дашь, псѣ русѣнье?

— Не дамь!

— Потрафѣмы собѣ сами взьоньць!

— Якъ схочете. Я — не дамь!

— А пьендзьесьонтъ букувъ вытшимашь?

— Якъ Богъ поможе.

— Твардый, псякревъ, русѣнъ; бендзьемы съ тобонъ твардо гадаць!

По менѣ пôйшолъ морозъ, но вѣра въ Бога была у мене еще твердшая. Боже, Боже, кобы менѣ тутъ кто подалъ Псалтирь! Якъ бы я его тутъ читалъ, якъ бы моя душа каждымъ его словомъ тутъ покрѣпилась! Но щожь, скажу принести, найдутъ; дадутъ варту и на дворѣ, та не буду знати ничого ни о жѣнцѣ и буду мусѣлъ ѣсти тую страву, може съ арсеникомъ, Бо що то за великая рѣчь пану мандаторови мене строити и закопати, а най съ нимъ право кто доходитъ! „Шлягъ трафилъ,“ тай по всему. Такъ я и безъ Псалтири мусѣлъ тамъ страдати...

Въ вечеръ являеся зновь Адріянко, та каже, що жѣнка занесла всѣ гроши до егомостя, а егомость, якъ довѣдались, що менѣ дали двадцять букôвъ, заразъ казали кони закладати и поѣхали до Львова; казали, що пôйдутъ до губернатора. Менѣ стало легче на душѣ, бо я зналъ, що то за душа нашъ духовный отецъ, якъ они мене любили, якъ имъ мене жаль, що я тутъ невинно стражду. На другій день приходитъ самъ мандаторъ. Говоритъ, говоритъ о шибеницѣ, о томъ, якъ то во Львовѣ улицями мене будутъ провадити на тую гору, где

псôвъ бьютъ, якъ мене поставятъ на руштованье, якъ менѣ катъ на шею стрычокъ буде закладати, якъ языкъ вывалю, якъ ôттакъ вразъ съ псами мене закопаютъ, а все то иначе было бы, если бы я имѣлъ розумъ, бо легкая рѣчь всю бѣду звалити на Бартушкевича.

Коли же я на то иначе не отповѣлъ, лишь такъ, якъ тамъ-тому, то онъ копнулъ мене ногою, гей тую собаку и каже: „Подъ кіями иначей бендзьешь гадацъ!“ — Пôшолъ.

На другій день кличутъ мене зновь до протокола. Я перекрестился, востхнулъ до Отца небесного, иду, твердо иду, якъ Іисусъ Христосъ ишолъ на Голгоѳу; впускаютъ мене до канцеляріи, я стаю подъ стѣною и якось менѣ ничого уже не лячно. Позарубовали собѣ перъ, позакурювали собѣ люльки, роскладаютъ паперы, стаютъ изъ мене тягнути протоколъ.

Я не признаюсь, но свое говорю, якъ правда.

Зорвался мандаторъ изъ кресла, якъ пустится до мене, якъ ударитъ мене зновь въ лице, якъ кине мене о землю, ажь тутъ и розтвираются двери и входитъ — кто? комисарь циркулярный, а съ нимъ ôсêмь жовнѣрôвъ! Побачивши комисарь мене на земли, приходитъ, бере мене за руку и пытае: То вы, пане Грушкевичъ? — То я, вельможный пане комисарь! Якъ крикне по нѣмецки, а мандаторъ и актуаріюшъ уже безъ души! Заразъ прійшли и поздоймали изъ мене кайданы. Ôнъ оглянулъ мое лице, мои груди, мою голову, казалъ и сорочку здоймити, оттакъ взялъ мене за руку, посадилъ коло себе на креслѣ, мандаторъ и актуаріушъ стоятъ, якъ грѣшныи души подъ дверьми, блѣдыи оба якъ бы жолтѣльницю достали, а руки имъ трясутся, та що который схоче брехнути, то комисарь лишь

тупне ногою и крикне: „Швайгенъ!“ то они уже ней неживыи. Теперь комисарь вытягнулъ изъ мене протоколъ: Якъ то было? коли я ставилъ на лотерею? кто передъ мною ставилъ? по кôлько? якіи нумеры? Я сказалъ, якъ правда, що я поставилъ, тамъ въ шинку и не дивился, якіи, но дома я заглянулъ до карточки и затямилъ собѣ три нумеры: 7, 14, 21. Передомною ставили Деребецкій и Микитовичъ по пôлъ сорокôвця. Комисарь послалъ по жида Мендля, щобы принêсъ ккижку съ нумерами. Саме такъ было. Мендель сталъ безъ души, хоче щось говорити, а ту: „Швайгъ!“ Теперь за Мендля, якъ онъ до мене приходилъ, якъ я прійшолъ до него, якъ тамъ мы начали мêдъ пити, якъ тамъ той галасъ зробился и все, все, ажь до конца, и що сказалъ Бартушкевичъ, умираючи, що то Мендель мене имѣлъ строити, а его строилъ, що перемѣнялъ ктось — никто, лишь Хаимъ — стклянки. Мендель слухае то все, та киваеся, уже якъ неживый. Тѣмчасомъ скончилъ комисарь протоколъ, а я все сказалъ, и за намову, що отъ мене хотѣли 1000 зр. а ôттакъ спустили на 800, и за кривого жида, и за все. Комисарь казалъ собѣ показати мôй чересъ, що изъ мене здерли, а въ чересѣ былъ, правда, мôй реверсъ, а карточка была инакша; жиды перемѣнили, правда, на сорокôвця, але не згодилось съ тѣмъ, що передомною ставили два по пôлъ сорокôвця. Закликали Деребецкого и Микитовича, вытягнули изъ нихъ протоколъ, они свои карточки еще мали и все сходилось такъ, якъ я говорилъ. Заприсягли и ихъ и мене; мене пустили, а Мендля, мандатора и актуаріюша заковали и повезли до Львова, до криминального суда.

Перше пôйшолъ я до духовного моего отца, небôщика Левицкого, и подяковалъ, що они мене

выломили изъ той бѣды. Якъ бы не они, якъ бы не штафета отъ губернатора, надо мною уже за минутку висѣло 50 буковъ, и кто знае, якъ бы было скончилось; скôлько треба было перетерпѣти! Тѣхъ 500 реньскихъ, що жѣнка хотѣла дати жидамъ, я далъ на новое Евангеліе, и на серебрянную чашу, що суть въ церкви.

Никола. Ну, и якъ же то кончилось?

Онуфрій. Та якъ? Найшолся еще одинъ и другій свѣдокъ. Бартушкевичъ, якъ звычайно, такій бездушники, жилъ собѣ тутъ на вѣру съ такою самою, якъ и онъ, що покинула была своего человѣка, та пасла ту псы не съ однимъ, а наконецъ уже и съ нимъ. Звалась Францишка. Того дня, коли онъ запилъ могоричъ съ Мендлемъ за мое житье, далъ ему Мендель 50 реньскихъ задатку на тѣхъ 100 дукатôвъ моихъ. Бартушкевичъ якъ почулъ тôлько сороковцêвъ въ кишени, взялъ свою любую Францишку и ходили еще по шинкахъ до пôлночи, и добре напились. Въ ночи приходятъ до дому, а коморовали у одного шевця, тамъ коло моста на горбку, та Бартушкевичъ выговорилъ ей все; ему здавалось, по тихонько, — однако то чулъ и швецъ и шевчиха. На другій день они чуютъ: ба, такъ а такъ сталось! Не могли они собѣ уторопати, що такое, однако Мендель сказалъ Францишцѣ, що то не хотячи такое сталось, но най молчитъ, а що онъ имѣлъ дати Бартушкевичеви, дасть ей. Францишка пье, та пье, та по пьяному все имъ сказала; коли же Мендля заковали и до Львова отвезли, швецъ и шевчиха явно все повѣдаютъ и выганяютъ изъ хаты Францишку. Такъ донеслось то до суда, и они зиприсягли обое, а Францишку арештовали.

Мендель погибъ въ криминалѣ и не дождался шибеницѣ; его хату злицитовали и менѣ выплатили и терно и реверсъ. Францишку щось потримали зъ рôкъ и пустили, а съ мандаторомъ и актуарію-шемъ не знаю, що сталось. Ажь гдесь съ 15 лѣтъ послѣ той исторіи, я поѣхалъ до Болшовця на ярмарокъ за волами; дивлюсь, стоитъ жебракъ, сивый, горбатый и нюхае собѣ табаку изъ лубовой табакерки. Я зиркнулъ на него — мандаторъ, тотъ, що своими золотыми перстенями менѣ писалъ по лицѣ синяки, тотъ, що менѣ диктовалъ палки!...

Побачивши мене, знялъ шапку и потягнулъ рукою менѣ до нôгъ: „Пане добродѣю, дайте що бѣдному, несчастливому!“— Онъ мене не позналъ. Вѣдай щось ему и въ головѣ не совсѣмъ добре было.

— А якъ ты называешся? — пытаю его.

— Подгурскій, добродѣю, Подгурскій.

— Ну, ну, кажу, то ты Подгурскій, а я Грушкевичъ, та вергъ я ему сороковця въ руку....

— Грушкевичъ, Грушкевичъ, а-га знаю! глынулъ на мене, поцѣловалъ мене въ руку и пôйшолъ просто до — шинку.

Тутъ и конецъ нынѣшнёго нашого розговора.

— Знаешъ теперь, Николаю, що то: *„Очима твоими смотриши и воздаяніе грѣшникомъ узриши?“*

— Никола. Знаю.

— Онуфрій. А знаешь, що то: *Съ нимъ есмь въ скорби, изму его, и прославлю его, и долготою дней исполню его, и явлю ему спасеніе мое?“*

— Никола. Знаю.

— Онуфрій. А знаешь, которое-то первое зѣлье, що я нимъ чаровалъ себѣ долгій вѣкъ и богатство?

— Никола. Знаю, то — молитва!...

— Онуфрій. Ну, на другій разъ я тобѣ скажу за другое зѣлье. А теперь, отъ нынѣшнёго дня, щобы ты николи не опустилъ молитвы, а молись цѣлымъ сердцемъ твоимъ...

— Никола. Николи не опущу и цѣлымъ сердцемъ молитись буду!

* * *

На другую Недѣлю прійшолъ знову Никола Паздерскій до старого Онуфрія и дальше толковалъ ему Онуфрій о своихъ зѣльяхъ такъ:

— Онуфрій. Другое зѣлье, сыну, що конечно подребно его знати, щобы собѣ вычаровати богатство и долгій вѣкъ, то — премудрость. Есть у нашихъ людей пословиця: „Лучше съ мудрымъ згубити, якъ съ дурнымъ найти.“ И такъ оно бывае. Дай нерозумному человѣку маетокъ, то даси ему на его власную бѣду, на бôльшую его кару; онъ его стратитъ и тѣмъ маеткомъ заробитъ еще бôльше грѣху и всякихъ терпѣній, а неразъ погубитъ и свою душу. Такъ и съ крѣпкимъ здоровьемъ своимъ, съ краснымъ тѣмъ даромъ Божимъ, сдѣлае нерозумный, що бутою своею, немѣрностю, піянствомъ, роспустою, знивечитъ красоту своего тѣла и въ молодыхъ уже лѣтахъ постарѣеся, ослабне и ледва половины тѣхъ лѣтъ дожіе, щó былъ бы прожилъ, якъ бы былъ имѣлъ розумъ и зналъ бы даръ Божій, здоровье свое шановати. Послухаймо, що о премудрости написалъ намъ найславнѣйшій изъ своей мудрости человѣкъ, царь Соломонъ. Такъ стоитъ въ его книзѣ притчей: *„Блаженъ человѣкъ, иже обрѣте премудрость, и смертенъ, иже увидѣ разумъ.“* То значитъ: Счастливый той человѣкъ, що придбалъ собѣ премудрость и позналъ розумъ. По правдѣ, счастливъ человѣкъ, кто

имѣлъ случайность научитись премудрости, розвинути свбй розумъ, а то перше, кому Богъ далъ *розумныхъ* родичей, що дитину изъ маленька учили познавати, що доброе, що злое, а що пожиточное, що дурное, и заправляли до всего розумного и пожиточного. Отъ розумныхъ и честныхъ родичей будутъ и розумныи дѣти, а отъ безумныхъ родичей бываютъ и дѣти безумныи. Счастливъ тотъ человѣкъ, що научился письма, и що имѣлъ *доброго учителя*, не наймита-учителя, що за гроши свои годины отсижуе въ школѣ, но такого, що каждую дитинку, которую ему отдадутъ родичи въ опѣку, бере на свое сумлѣнье и учитъ ю цѣлымъ сердцемъ, щиро, — не за тую платню, но за большую нагороду отъ Господа Бога на другомъ свѣтѣ...

Такого, Николаю, мы мали учителя въ нашомъ мѣстѣ, небощика Леоновича, и то все, що я нынѣ знаю, знаю отъ него; онъ училъ мене читати, и писати и жити на свѣтѣ. Его Господь Богъ сотворилъ на учителя, ибо далъ ему ясный умъ и чистое, христіанское сердце. Не ма такой днины, щобы я за него не вспомнулъ, не зотхнулъ до Бога; за его душу я молюсь и имя его написано въ нашой Грамотѣ. И по правдѣ, нынѣ по нашихъ мѣстахъ и селахъ уже не вижу такого учителя, щобы такъ цѣлымъ сердцемъ своего званія пильновалъ, якъ небощикъ нашъ Леоновичъ. Може где есть такіи и теперь, то лишь знаю, що ихъ мало есть; много званныхъ, мало же избранныхъ... Такій добрый учитель есть для громады великимъ даромъ, и счастлива громада, которой Богъ далъ такого учителя!

Никола. То правда, що безъ школы не ма ничого!

Онуфрій. Не школа, сыну, учитъ, но учитель! Що изъ того, що у насъ мало не въ каждомъ селѣ есть уже школа, а по мѣстахъ есть всякіи высшіи школы, а кôлькожь то неуковъ и простаковъ выходитъ изъ тѣхъ школъ?

Никола. Що вы говорите, дѣдусю? И съ высшихъ школъ выходятъ простаки и неуки?!

Онуфрій. А ты думаешь, що лишь по нашихъ мѣсточкахъ и селахъ, въ простыхъ кафтанахъ и опанчахъ або сердакахъ ходятъ простаки и неуки, и що не ма ихъ досыть и во Львовѣ, въ найвысшихъ школахъ, хотя они одѣваются въ дорогіи сукни и на рукахъ ихъ столько золотыхъ перстеней, якъ бывало у Подгурского? Чи ты думаешь, що такій Подгурскій не былъ неукомъ и гôршимъ простакомъ, якъ той, що нынѣ не знае ни одной буквы перечитати?

Никола. То бо менѣ дивно было, що вы ему въ Болшовцѣ еще сороковця дали.

Онуфрій. Я ему далъ сороковця, и я былъ бы съ нимъ отъ сей кусникъ хлѣба подѣлилъ, якъ бы горѣлка надъ нимъ не взяла верхъ и онъ прійшолъ до розуму и покаялся; власне для того, що я милосердился надъ его темнотою и его простацтвомъ.

Никола. То онъ противъ васъ былъ темный? Вы ходили лишь до тутейшой школы, а онъ певно кончилъ всѣ латинскіи...

Онуфрій. Видишь, а страшно темный былъ, бо не имѣлъ вѣдай такихъ мудрыхъ родичей, якъ мои были, — бо ему Богъ не далъ такого учителя, умного и праведного, якъ былъ нашъ Леоновичъ, — бо его сердце не потягало николи до тѣхъ книгъ святыхъ, где есть Божая премудрость, — бо онъ не зналъ тѣхъ молитвъ, що я знаю, не зналъ чистымъ

христіанскимъ сердцемъ вымовити одно наше „Господи помилуй!“ Онъ николи не молился, до церкви ни до костела николи не ходилъ, лишь разъ въ годъ на уродины цѣсарскіи, бо мусѣлъ идти, а тогды якъ онъ въ церкви заховился? Прійде, бывало, голову въ гору задре, ни креста на себе не положитъ, не поклонится ни Богу, ни людямъ, просто иде въ царскіи врата, куда намъ не вôльно и страшно ити, и сѣдае на креслѣ передъ престоломъ, закотитъ одну ногу на верхъ другой, поглядае со смѣшкомъ на набоженство и подкручуе собѣ усъ. Коли читаеся Евангеліе, онъ не встане, „главы ваша Господеви приклоните“ — онъ не чуе, то позѣвае, то кривится, що за долгая отправа, що ему безъ файки уже скучно... Скажи, Николаю, чи изъ цѣлой нашой парафіи найшолся бы былъ ему рôвный неукъ и простакъ?

Никола. Певно, що нѣтъ! Но то, бачите, такій обычай у пановъ и урядниковъ всѣхъ, коли прійдутъ до нашой церкви...

Онуфрій. То обычай всѣхъ неуковъ и простаковъ.

Никола. А вы съ нимъ имѣли милосердіе, и еще дали ему сороковця!

Онуфрій. А ты бы не имѣлъ милосердія надъ темнымъ человѣкомъ, що на обѣ очи не видитъ, надъ слѣпцемъ правдивымъ, хотя бы той слѣпецъ на тебе напалъ и тебе ударилъ? Подгурскій не виненъ былъ за то, що не найшолъ премудрости и не позналъ разума, якъ пише Соломонъ, и для того, сыну, и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ на крестѣ молился за своихъ мучителей: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что творятъ!“ Но мы заговорились, та за далеко зайшли отъ нашого зѣлья! Вертаймо назадъ до нашой книжки,

до слôвъ царя Соломона. Вотъ що онъ пише о премудрости: „Лучше куповати премудрость, якъ золотыи и серебряныи скарбы. Премудрость цѣннѣйша отъ дорогихъ діяментовъ; не сопротивится ей ни попсуе ю нищо злое, она варта пошанôвку у каждого, кто до ней приближится, и не ма на свѣтѣ ничого, що съ нею могло бы ровнатись.“ А дальше еще такъ стоитъ:

„Въ правой руцѣ она держитъ долгій вѣкъ, а въ лѣвой богатство и славу. „*Отъ устъ ея исходитъ правда, законъ же и милость на языцѣ носитъ.*“ Якіи то золотыи слова царя Соломона, и якіи то красныи слова, и скôлько въ нихъ науки! Мудрый человѣкъ буде лишь правду говорити, на его языцѣ законъ, т. е. заповѣди Божіи и милосердіе! Розумѣешь теперь, сыну, якое другое зêлье до долгого вѣку, до богатства и славы?

Никола. Розумъ...

Онуфрій. Купуй же собѣ премудрость, купи собѣ цѣлую Библію и читай ю, купуй собѣ всякіи книжки и учись. Видишь, въ моей шафѣ есть всякіи, якіи лишь выходятъ, русскіи книжки: то моя премудрость. Я все купую и все собѣ читаю, коли тôлько маю часъ, и теперь на старость я не промину ни одной книжечки, ни одной русской газеты; все, що русское у насъ выходитъ изъ друку, найдешь въ сей шафѣ. Поле мое, огородъ мôй, худоба моя, пчолы мое даютъ кормъ тѣлу моему, а книжки — кормятъ душу мою и сердце мое! Яко христіанинъ я не знаю ничого солодшого, якъ тѣ слова письма святого; яко Русинъ не знаю ничого милѣйшого, якъ руску букву нашу святую, що ю намъ дали святыи Кириллъ и Меѳодій, що ними просвѣтили всю нашу святую Русь. Такъ и ты роби. Най и у тебе буде

такая шафа, най и у тебе буде всякая русская книжка, якъ не всѣ, то хотя одна, двѣ русскіи газеты, щобы ты зналъ, якій твой законъ христіанскій? якая твоя русская отчина? кто ю боронитъ? кто за нею обстае? кто ей желае добра, а кто ей ворогомъ? Щобы ты зналъ, якіи права мае каждый народъ и нашъ народъ, и то права не изъ чіей ласки, но права отъ Бога, данныи каждому человѣку и каждому народу! А за то будешь имѣти нагороду, знаешь — якую? Тую, що пише царь Соломонъ: *„Долгота бо житія и лѣта жизни въ десницѣ ея, въ шуйцѣ же ея богатство и слава!“*

Никола. А Библія богато коштуе?

Онуфрій. Тая моя коштуе 12 зр. То только памятки по нашомъ небощику митрополитѣ Григоріи Яхимовичѣ. То за его стараньемъ и благословеніемъ выдруковали тую Библію въ Перемышли. Памятай, Никола, запиши собѣ имя Григорія митрополита во твôй Помяникъ, бо имѣлъ ты одного рôдного отца, а онъ былъ отецъ цѣлой нашой Галицкой Руси!

Никола. Запишу заразъ великими буквами, но я пытаю за Библію, где бы ю купити?

Онуфрій. Такая великая то або въ Перемышли, або во Львовѣ у купця Дымета, но теперь можно достати такіи дуже дешевыи библійки, вотъ якъ тая красная книжечка; тутъ маешь цѣлый Новый Завѣтъ за 30 крейцаровъ! Самая оправа вартуе 50 кр., но люди такъ пускаютъ дешево, щобы слово Божье ишло въ міръ! Продаютъ ихъ во Львовѣ, а кто за 5 зр. запише, то и почты не платитъ. Пяткою можно библійками такими обдѣлити мало не 17 читающихъ нашихъ людей.

Никола Все такъ сдѣлаю, якъ менѣ кажете, и не промину ни одной русской книжки, щобы ю

не купити. Богато грошей иде не знати на що, та лучше на свое русское, та на слово Божье!

Онуфрій. Сердечно цѣлую тя за то, сыну мôй любый!

Никола. Ну, теперь скажѣтъ за третье зѣлье, дѣдусю.

Онуфрій. А еще я не сказалъ тобѣ промовы до другого. Я лишь сказалъ, що оно зовеся „Премудрость,“ що о ней такъ а такъ пише царь Соломонъ, но я тобѣ еще не сказалъ, якъ оно съ нею дѣеся на свѣтѣ. Еще до ней муситъ быти промова...

Никола. Може знова скажете якую исторію?

Онуфрій. Скажу и исторію. Бо то знаешь, каждое мѣсто, каждое село, ба и каждая хата мае свою исторію. А що я старый человѣкъ, то я уже видалъ богато исторій, щó передъ моими очами дѣялись, а въ каждой есть наука. Теперь слухай, що каже Премудрость, якъ маешь прійти до богатства и славы. Перше, знай, що неправедное добро не есть добро, бо оно скорше-подзнѣйше счезне, якъ не изъ рукъ того, щó его неправедно придбалъ, то изъ рукъ его дѣтей, а найдальше внуковъ. Хочешь приробляти собѣ маетокъ, постанови собѣ такъ, щобы въ домѣ твоемъ, подъ стрѣхою твоею, на обôйстьо твоемъ не было ни на малый крейцаръ неправедного добра чужого, изъ ошуканства, изъ кривды ближнёго! Чужое добро, то горящая головня пôдъ стрѣхою; якъ той стережешся, такъ и тамъ-того стережись. Другое, що легко прійшло, то легло пôйде, а що заробишь собѣ въ потѣ чела твоего, твоимъ розумомъ и твоею и челяди твоей працею, то умножится и принесе сторичный плодъ. Третье: памятай о Бозѣ; изъ твоого имѣнія що року дай даръ

на церковь и на славу Божью. Богъ того не потребуе, бо що то наша слава противъ тѣхъ небесъ и тѣхъ Ангеловъ, що Ему служатъ?! Но мы того потребуемъ, щобы обновити любовь и вдячность въ сердцяхъ нашихъ. Четвертое: памятай о бѣдныхъ несчастливыхъ, — памятай о громадѣ, о отчинѣ твоей русской и, где треба, дай охотно. Пятое: не гордись твоимъ богатствомъ, бо що твое богатство противъ другихъ богачей, а що всѣ богатства на свѣтѣ противъ одной той маленькой звѣздочки, що на небѣ?! Вотъ тôлько, що одно зерно пѣсочку противъ цѣлого пѣскового обшара. И чѣмъ же тутъ гордитись? Теперь, щобы ты старался лишь о праведное добро и щобы ты порозумѣлъ, якъ то легко набытый маетокъ легко минаеся, скажу тобѣ такую исторію:

То еще не дуже давныи часы, але такой еще тебе тогды не было на свѣтѣ, якъ то дѣялось. Нашъ панъ небощикъ за молоду былъ дуже гордый и лютый человѣкъ, страшно збытковался надъ людьми, своими поддаными, и где лишь могъ кривдити, кривдилъ. Богато и нашого сгавища мѣстского забралъ, — най ему Богъ не памятае, — собѣ на ланъ. Но Богъ смирилъ его гордость и онъ опамятался, а на старость такъ подобрѣлъ, що ему рôвного не было, и якъ перше люди его боялись якъ якую змору и ненавидѣли, такъ, коли инакшій сталъ, люди и его полюбили якъ рôдного батька! Ты уже, сыну, родился за свободы, та и не знаешь, якая то была гôрькая неволя, вправдѣ не у насъ, бо мы, мѣщане, еи не знали, но у того бѣдного народа по селахъ. Та не тôлько що человѣкъ робилъ, а еще надъ нимъ збытковались! Въ нашомъ дворѣ коло горальни до причолка ишлось сходками въ такую клѣтку, которой народъ бѣдный боялся,

якъ бы якой шибеницѣ. Скоро солнце сходило, уже калатали на панщину, а кто на четверть годины по калатанью спôзнился, мусѣлъ лѣзти тѣми сходками до той клѣтки и тамъ ажь до полудня кукурѣкати. Часомъ бывало такихъ когутовъ — бо когутами ихъ звали — два, три и бôльше, а ôттамъ, коли въ полудне ихъ выпускали, клали на дуба, що тамъ лежалъ, и по десять буковъ парили. День той, розумѣеся, не раховался, а бѣдный человѣкъ, щобы былъ собѣ що робилъ часомъ въ найкрасшую днину, мусѣлъ кукурѣкати. Такъ бывало, передъ всходомъ солнця уже бѣгъ одинъ передъ другого, щобы не влѣзти въ клѣтку! И дуже твердая была панщина въ нашомъ дворѣ, и що разъ робили ю твердѣйшою, ажь доки Господь не вразумилъ нашого пана и не перемѣнилъ его сердця. Вотъ якъ то было: Люди орали, волочили, возили сѣно, снопы, дрова, гнôй. Якъ чія худоба здужала, такъ каждый робилъ; но одного разу панъ розослалъ атамановъ по селахъ за фѣрами до гною. Зголосили атаманы: панъ ѣдутъ на купели, а хотятъ, щобы еще видѣли на паренинѣ весь гной вывезенный. Ну, кто поѣде, день панщины рахуеся, и за каждую фѣру окремо еще кватирка горѣлки. Ѣхати каждый мусѣлъ, бо то жартовъ не было, а що то еще нашъ народъ лакомый на тую горѣлку, взялись наши люди охочо до гною, цѣлою силою каждый возилъ отъ досвѣтка ажь пôздно въ ночь, щобы накарбовати якъ найбôльше фѣръ, та тôлько кватирокъ, а коли съ карбами зойшлися, панъ красно обраховалъ каждого и показалось, що были такіи, що по 12 разъ обернули! Не дôсталъ же ни одинъ горѣлки, но панъ сталъ межь ними и такъ сказалъ: Видите, люди, доси вы менѣ на день лишь по 4 фѣры возили, и я вамъ писалъ день панщины, а вы мене ошуковали,

бо коли вы могли нынѣ вывезти по 12 фѣръ, то вы каждого дня можете такъ возити, отже отъ нынѣшнёго дня я вамъ тяглый день порахую за 12 фѣръ, а не инакше...

Такое бывало и съ жнивами. Коли въ вечеръ бывало складали копы, ишолъ экономъ и посѣпаки съ арканомъ и мѣрили снопы; который снопъ меньшій, перерѣзовали перевесла, пакуй два до купы, а не стало тобѣ два-три снопы до копы, то уже той день ни за що! Позывати люди не знали, боялись, а такъ терпѣли и терпѣли...

Никола. А якъ же то сталось, що онъ, такій лютый, ôттакъ подобрѣлъ?

Онуфрій Божья воля, сыноньку! И по правдѣ, онъ бы може самъ такій и не былъ, но малъ такого комисаря-гадюку, що ему всякіи тіи способы поддавалъ. Коли же онъ ослѣпъ и уже на ласкавый хлѣбъ пôйшолъ, тогды уже троха легче людямъ стало.

Никола. Ну, то другій комисарь его опамяталъ?

Онуфрій. Господь самъ его опамяталъ! Богатство было незмѣренное и дѣти Господь имъ давалъ, но щось не ховались. Бывало красное, здоровое родится, а лишь прійде до пятого року, не знати, щось раптомъ якъ косою зотне, умирае! Такъ умерло имъ десятеро дѣтей, всѣ въ пятомъ роцѣ. Що небощка панѣ плакала, що давала на бѣдныхъ, що на косцёлы, на церкви, нищо не помогло; умерло десятое, та уже по немъ 6 лѣтъ не ма ніякой дитинки! То они бывало ѣдутъ на цминтарь, кажутъ розмуровывати гробы и отвирати трумны и плачутъ и млѣютъ. Уже имъ теперь обридли всѣ маетки, бо на щожь то все, коли не ма ни одной дитинки? Ажь одного разу прійшолъ былъ до нихъ старень-

кій дѣдокъ за хлѣбомъ; панѣ выйшла, дала ему срѣбрняка, та повѣдае: „Молѣтся, дѣдуню, щобы мене Богъ потѣшилъ!“ А дѣдокъ повѣдае: „Потѣшитъ васъ, но и вы покайтеся, не кривдѣтъ людей, не збыткуйтеся надъ ними, а поѣдьте въ Почаевъ, тамъ щобы вы три дни постили, высповѣдайтеся и тамъ най отправлятъ чернцѣ службу за отпущеніе грѣховъ, а вы всю службу щобы на колѣнахъ слухали, лишь на Евангеліе щобы встали!“ Панѣ послухала, дала дѣдови еще сороковця, побѣгла до пана, а дѣдокъ тѣмъ часомъ гдесь подѣлся. Досыть, що на другій день закладаютъ кони и ѣдутъ въ Почаевъ. Чи то молитвы чернцѣвъ, чи таки такая Божья воля была, досыть, що до року великая радость въ дворѣ: родится дитинка и окрестили ю Анною. Того дня, коли крестили, скликалъ панъ своихъ экономôвъ, писарей и всѣхъ дворакôвъ и такое сказалъ имъ: „Памятайте, що въ ніякомъ моемъ фôльварку не мае находитись ни букъ, ни нагай! Клѣтку еще нынѣ розôбрати; дуба, що подъ клѣткою, порубати и людямъ роздати на паливо, а кто бы изъ васъ человѣка, моего подданого, якъ нибудь ударилъ, тратитъ службу! Кому кривду сдѣлалось, отдати, кому худоба окалѣчѣла або згинула при скарбовой роботѣ, отдати такую штуку изъ моей оборы. Мѣщанамъ пасовиско откопати назадъ, бо я ніякой кривды людской не хочу!“

Росте же имъ дитинка, росте, а то не дитинка, а чистый ангелъ, такая красота, що, щобы сходилъ цѣлый свѣтъ, такого личка, такихъ оченятъ, такихъ губокъ не побачилъ бы, а волосье долгое, до ногъ сягае! Уже пятый рочокъ минае, що въ немъ всѣ десятеро тамъ-тѣхъ дѣтей поумирали, панство уже не маютъ ни дня, ни ночи, а доглядаютъ, а пильнуютъ, щобы где якій вѣтрецъ не завѣялъ, щобы

где-якое недоброе око не подивилось, не урекло. Ба, и того пятото року таки везутъ ю въ Почаевъ, до того старенького чернця, щó имъ выпророковалъ, що ихъ Богъ потѣшитъ, а чернецъ читае молитву, и Евангеліе, и дванадцять чернцѣвъ правятъ соборную, и змываютъ ю почаевскою водою, и що кто приповѣсть за якіи офѣры, за якіи молитвы, то все робятъ. Такъ и Богъ имъ далъ, що дѣвчинка перейшла той пятый рочокъ, и росте, росте, якъ той красный цвѣтъ лиліи, и никто николи не видалъ такой красоты! Та не лишь тѣло красное, но еще красшая душечка! Бывало каждого дня иде въ костелъ на мшу, а въ русское свято до нашой церкви, такъ якъ бы я ю нынѣ видѣлъ, якъ она сордечно молится, якъ ôттакъ по Службѣ Божой роздае убожинѣ грошики и каже всякимъ до двора приходити за мукою, за омастою, такимъ вдовамъ, хорымъ, калѣкамъ, що не годны были собѣ заробити и выживити чѣмъ родину. То уже въ цѣломъ мѣстѣ за никого не говорили, лишь за панну Анну, якъ за якого Ангела хранителя и утѣшителя!

И выросла хорошая дѣвиця, и изъ всѣхъ сторонъ съѣздятся кавалеры: той богатый, сей еще богатшій, той хорошій, той еще бôльше хорошій, но панна Анна не хоче ніякого... Она лишь читае святыи книжки, она лишь молится и добрыи, милосердныи дѣла творитъ. Разъ заѣхалъ якій-то графъ до ней въ сваты, а она лишила гости дома, а сама пôшла до своею панною на похоронъ жебрущой старенькой бабки, которой ушила смертную сорочку и спôдницю.

Богато, любко, за ню повѣдати, а коротко сказавши: такіи люди не родятся на свѣтѣ каждого року, а одна такая чистая та святая душечка бы-

вае на свѣтѣ, хиба може на сто лѣтъ, або якъ. Она въ цѣломъ мѣстѣ каждого знала, отъ старого до маленькой дитины, а розумъ у ней былъ такій, що даже старыи ученыи люди дивовались! Было тутъ двохъ братей, що якихъ 10 лѣтъ правовались. Годили ихъ сосѣди, годилъ священникъ, годилъ деканъ на визитѣ: горохъ о стѣну всякое доброе слово! А панна Анна ихъ погодила и они роздѣлили собѣ добровольно грунтъ, и любились уже якъ братья. Где то коли кто видалъ такую панну? И не панна то была звычайная, но по правдѣ Ангелъ та Ангелъ. И старыи панство ничого ей не боронили, бо и не годны были ничого взборонити. Она лишь подивилась на тата, на маму, та уже они не могли ей сказати: не роби, донечко, того а того, такъ а такъ, бо такого слова они не годны были противъ ней вымовити.

Теперь мушу тобѣ еще сказати за одного человѣка, що былъ въ дворѣ, а былъ то лишь одинъ такій человѣкъ що панна Анна его не любила на очи. Былъ то комисарь старого пана, а звался Гусаковскій. Онъ зъ роду былъ простымъ Гусакомъ, таки простого, хлопского ложа, но що цѣкавый былъ съ малу, то выучился читати и писати у дьяка и достался до Львова до термину, до кравця, и тамъ вызволился на челядника и прозвался Гусаковскимъ, и уже тогды перемѣнилъ русскую вѣру на польскую. Якъ сорвалась въ 1831 роцѣ польская рухавка въ Варшавѣ, побѣгъ и онъ тамъ-туда воювати, и тамъ зробили его якимъ-то старшимъ. Коли же Москаль польское войско розбилъ, Гусаковскій забралъ войсковую касу и драпнулъ съ нею черезъ границю и не опинился ажь въ нашомъ мѣстѣ. Тутъ онъ тіи гроши гдесь закопалъ, а его зловили и завезли во Львовъ. Но що онъ не былъ

чужинецъ, а изъ нашого краю, то его небавомъ и пустили, и онъ зновь вернулъ до нашого мѣста. А що голка и нитка ему уже не смаковали и онъ забагъ быти паномъ, то всѣми способами старался вкрутитись до нашого пана на службу, и вкрутился. А былъ то лестный человѣкъ; у него бесѣда такая гладкая была, що каждый его имѣлъ за найлучшого! Зъ разу былъ писаремъ, ôттакъ экономомъ, а наконецъ комисаремъ. Якіи же имѣлъ гроши, порозжичалъ панамъ та жидамъ на лихву, а зналъ такъ комисаровати, що панъ его тримал ъ на найвѣрнѣйшого, а онъ его обкрадалъ що не мѣра! Онъ же подпадалъ подъ ласку и паннѣ Аннѣ, но она его николи не хотѣла видѣти на очи.

Паннѣ Аннѣ было уже 18 лѣтъ, а здорова была и весела, якъ тая молоденькая серночка въ лѣсѣ. Никто и не сподѣвался, що буде ей инакшое весêлье, не такое, якое собѣ укладали ен тато и мама. Въ самую великую Пятноньку, коли мы шли до Плащаницѣ, стали люди говорити, що панна Анна розболѣлась. На другій день уже карыта за карытою звозили докторôвъ изъ Львова розстайными кôньми; докторовали они кôлька день, та порозъѣздилися; сказали, що они такой слабости еще николи не бачили. Якъ цѣлое мѣсто, такъ былъ одинъ плачъ, ба, и жидова якая, а таки молилась въ школѣ за ню, та не было никого, кто бы не молился, и то щиро. А то такая слабость была, що до полудня все бесѣдовала и не скаржилась на нищо, лишь личенько поблѣдло, тѣло упало, и такъ слаба была, що руки не могла до горы поднести; якъ же уже съ полудня зажмурила очи, якъ неживая, лишь устами говорила, но якіи слова говорила, то, человѣче, якъ бы я не чулъ самъ, то бы никому не вѣрилъ! Говорила о душахъ людскихъ,

где они по смерти идутъ, и розсказовала, що она ихъ видитъ, съ ними бесѣдуе, и каждого познавала, а при томъ говорила такую науку людямъ, що кто тамъ былъ, не мôгъ отъ плачу сдержатися. Хотя зажмуренныи очи мала, а читала на книжцѣ пальцями; сказала, якая година на зегарку, що-до минутки, коли зегарокъ приклали ей до сердця, и за каждого человѣка, и все, що на свѣтѣ, сказала, якъ що дѣеся. Старое панство обое розболѣлись, лишь еи вѣрная панна коло ней была и другіи слуги, и люди шли, якъ где на якое чудо дивитись, но якъ прійшолъ якій человѣкъ грѣшный, на пр. що другому якую кривду зробилъ, або такій, що безбожникъ, або що недобрыи слова любилъ говорити, клясти, або такій, що въ малженствѣ не добре жіе, дѣтямъ злый примѣръ дае, — то еще той человѣкъ былъ на дворѣ, а она уже его побачила своимъ духомъ и сказала: „Не пустѣтъ сего чоловѣка або тую жѣнку до мене, бо то безбожный человѣкъ, онъ, якъ бы ту прійшолъ, я бы достала корчи!“

Еще три дни послѣ того говорила она о небѣ, я все высше возносилась, и видѣла Святыхъ, и за нихъ розсказовала и учила насъ, щобы мы ихъ память почитали и за ихъ наукою шли, щобы мы собѣ заслужили на небо... О, кто бы мôгъ все то выговорити, що мы изъ устъ еи чули? Тамъ, щобы найтвердшій грѣшникъ, мусѣлъ плакати якъ дитина, и богато людей тогды навернулось; піяки перестали пити, кто кривдилъ другихъ, покаялся, и всякіи грѣшники навертались; лишь одинъ не покаялся, а изъ всего смѣялся, т. е. — Гусаковскій.

Ôттакъ четвертого дня вечеромъ она сказала, що о 7 годинѣ и пять минутъ еи душа розвяжеся цѣлкомъ ôтъ тѣла! Казала збудитись. Взяла руку небôщика нашого отца духовного Левицкого и по-

цѣловала, поцѣловала и свою неоступную прiятельку, панну Марiю, сказала уцѣловати отца и маму и потѣшати ихъ, щобы не плакали, но они лежали безъ памяти и докторы не пускали до нихъ никого; попращалась со всѣми, казала всѣхъ своихъ слугъ скликати и дяковала имъ за ихъ услуги и каждого благословила. Было тамъ плачу безъ мѣры, и менѣ текли слезы цюркомъ, бо николи я такой смертоньки не видалъ... Коли зегаръ показалъ семую годину и пять минутъ, она зôтхнула глубоко и душа опустила тое красное земское тѣло... Николи я не видѣлъ такого красного, ангельского лиця, николи я не видѣлъ мертвеця такъ милого, съ такимъ небеснымъ усмѣхомъ на устахъ, якъ тую нашу панну Анну, коли ей на голову заклали вѣнокъ изъ цвѣтовъ и убрали въ бѣлую сукню ....

Но теперь до нашого зêлья, до премудрости. Коли сказано нашому пану, що Анна уже отдала духа, онъ засмѣялся и на весь голосъ завêлъ: „Кукурѣку!“...

Отъ того часу уже никто отъ него другого слова не чулъ, лишь кто що до него промовитъ онъ: „Кукурѣку!“ Що докторы робили, що кровь пускали, що натирали мастями, що заливали лѣками, таки ему не найшли лѣку и онъ бывало сидитъ по кôлька годинъ задуманный, лишь часомъ схопится, стане въ окнѣ, та на весь голосъ: „Кукурѣку!“— Зойшолъ цѣлкомъ изъ ума...

На похоронѣ Анны было людей зо всѣхъ селъ и панства изъ далека, а всѣ плакали, бо всѣ утратили ангела на семъ свѣтѣ.

Такого ангела далъ Богъ грѣшному человѣку, нашому пану, на то щобы онъ покаялся за свою

лютость и лакомство. А тое „кукурѣку“ знаешь що значитъ?

Никола. То за то, що онъ давно збытковался надъ людьми и казалъ имъ „кукурѣкати“ и бити ихъ несправедливо.

Онуфрій. Такъ есть... Она, панѣ, до трехъ недѣль пôшла за Анною и почивае въ одномъ съ нею гробѣ. Онъ, панъ, „кукурѣкалъ“ тутъ цѣлый рôкъ, а ôттакъ вывêзъ его Гусаковскій гдесь въ Нѣмеччину на купели и тамъ онъ померъ. Гусаковскій взялъ его завѣщаніе (тестаментъ), где стояла запись на церковь, що небощикъ офѣровался намъ поставити, взялъ и шкатулу съ грошми и стался великимъ паномъ. Добра тіи злицитовали и гроши отдали якому-то своякови небощика въ Польшѣ, а до насъ насталъ отецъ нынѣшнёго пана.

Никола. Такъ уже конецъ исторіи?

Онуфрій. Нѣтъ, еще не конецъ; еще за Гусаковского. — Гусаковскій былъ бы собѣ купилъ якое найбôльшое село, однако, що не былъ шляхтичемъ, но простого ложа, то давнѣйше такому не вôльно было села куповати, отже купилъ тутъ въ мѣстѣ „юридику“ и сталъ отъ мѣщанъ скуповати грунты. Взялъ собѣ одного жида и одного піякамѣщанина за факторôвъ, заплатилъ имъ, и они ходили съ горѣлкою, роспоивали людей и выдурювали грунты. Такимъ способомъ сталъ на той юридицѣ прекрасный двôръ, будынки такіи, що нигде такихъ не было видати, а изъ грунтовъ мѣщанскихъ зôгналъ собѣ ланы и панувалъ. А такъ было, що межь тѣми грунтами, що онъ повыдурювалъ отъ мѣщанъ, была и хатинка и загуменокъ небôщика нашого учителя Леоновича, где сидѣла вдова съ сиротами. Онъ доконче наперся купити той загуменокъ и тую хату, а Леоновичка не хотѣла и

чути за ніякіи гроши, бо то и памятка была по еи небощику, тая хата, тотъ огородецъ, тотъ садокъ, що небощикъ засадилъ и защепилъ, а она за ніякіи миліоны бы того не была отпродала. Такъ онъ що робитъ? Намовилъ своихъ наймитôвъ, щобы ей всякіи пакости робили, и щобы никого не боялись, бо онъ съ сендземъ добрый, то онъ за все ихъ выкрутитъ, хоть бы она и запозвала. Такъ, человѣче, сдѣлался рабунокъ такій, що на той загуменокъ заганяли худобу, и безроги, и все ей выпасали и зрыли; садъ не то, що обнесли еще зеленцемъ, а и гилье и цѣлыи дерева поломали, плоты пообносили и всякіи пакости робили не лишь въ ночи, но и въ бѣлый день, а Гусаковскій наймитамъ за то давалъ еще горѣлку и гроши, который похвалился, що бôльшую кривду ей сдѣлалъ. До того прійшло, що она со слезами мусѣла отречись своей земленьки и хаты и продати Гусаковскому, а наймила собѣ хатинку на передмѣстью. Гусаковскій потягнулъ теперь дальше парканъ, поставилъ на томъ мѣстци красныи будынки и пановалъ— о, то-то пановалъ! Треба было видѣти, якіи у него кони, якіи статки, якіи всякіи маетки, якъ въ покояхъ все было отъ золота и отъ серебра!

Никола. А гдежь то все подѣлось, що теперь и слѣда изъ того не ма?

Онуфрій. Пôшло, небоже, за слезами Леоновички и тою дорогою, куда иде неправедное и легко набытое добро...

Никола. Та бо тамъ не ма уже и слѣда изъ того двора, а менѣ тато розсказовали, що тамъ былъ двôръ, а то теперь вашъ грунтъ, тай нашъ, тай нашихъ сосѣдей.

Онуфрій. А такъ! Я тобѣ все розскажу, якъ то было. Розложился Гусаковскій тамъ со своимъ

панствомъ, и за никого стôлько не говорили, никому такъ люди не завидовали, якъ ему. Бо то при великомъ богатствѣ была еще и красная жêнка, и дѣточокъ трое хорошихъ, бывало тамъ лишь балѣ та балѣ, та забавы, банкеты, та музыки. И говорили люди: „Отъ, неправда, що несправедливое добро не ведеся, — а вотъ якъ Гусаковскому ведеся!... Ничого онъ не боится, отъ огню асекуровался, отъ граду асекуровался — все безпечное. Лишь противъ одной воли Божой не годенъ былъ асекуроватись... Такъ, человѣче, до тѣхъ троихъ дѣточокъ прійшло еще четвертое, и справились крестины, що тамъ зо сто брычокъ было гостей! И кто бы то сказалъ былъ, що изъ маленького прійде до такого великого, що дурниця позбавитъ Гусаковского до трехъ лѣтъ всего, и онъ стане гôршь того жебрака?!

Никола. Ну, а то що сталось?

Онуфрій. Дурниця. Якъ то може знаешь, жêнки маютъ свои забаги, и его жêнцѣ при злогахъ щось забаглось горѣлки. Дали одну чарочку, ба дайте другу, ба третю; та якъ не дати, коли забагаеся? Такъ первого дня, такъ другого, третёго, а не минуло двѣ недѣли, она уже пропадала за горѣлкою и аракомъ, що и кварту наразъ ей дай! Ну, было изъ чого давати, а горѣлка тогды и не дорога была. Но щобы сама была пила, было бы стало на то, щобы въ ней могла и купатись, а то, бачишь, піяки такую натуру маютъ, що имъ хочеся компаніи. Найшлась компанія, перше капелюшковыхъ, потому шляфрочковыхъ, ба дальше уже и капотовыхъ, нарештѣ стануло и на дымкахъ. Гусаковскій поѣде въ поле, або где-будь, а она уже спроважуе свою компанію и пьютъ та пьютъ! Онъ пріѣде, она лежитъ безъ памяти, и въ покояхъ не

стае уже то того, то сего, ба дальше, коли онъ замыкалъ передъ нею гроши, она тягла що было и давала на горѣлку, где-якое золото, где-якое серебро, где-якую одежь, такъ все добро стало розторочоватись, а она ôттакъ уже не лишь дома пила, но таки ходила по корчмахъ и танцёвала съ простыми гузарами и всѣхъ напоивала! А онъ, якій лихій человѣкъ былъ, а до ней имѣлъ такое сердце, що не мôгъ ю ни ганьбити, ни ударити, но стерêгъ еи якъ мôгъ. Одного дня прійшла на ню тая година, що гвалтъ: горѣлки! А онъ все позамыкалъ на замки тай на колодки; такъ що изъ злости робити? Она бере огонь и власный свôй двôръ палитъ. Що то горѣлка може! Добре то кажутъ, що то чортъ ю выдумалъ! Его не было дома; слуги то видѣли, що то она сдѣлала, но уже ратунку не было; вѣтеръ подулъ, все спопелѣло. До асекураціи, а асекурація каже: Не дамо ничого, бо твоя власная жêнка спалила; пропало! Остался грунтъ, и где якіи гроши были, минулись на будынки, а такъ все дальше торочилось, а она своей натуры не покидала. До року, лишь будынки стали, другій огонь, не знати зъ ôтки, и зновь все згорѣло. Загрызся Гусаковскій, взялся также до стклянoчки, и уже пили обое. Дѣти поумирали, а они валялись по мѣстѣ и пили. Давали жиды горѣлку, давали на грунтъ, наконецъ грунтъ злицитовали, а що тогды не вôльно было жидамъ грунта куповати, то мы, я и твôй тато и другіи сосѣди, залицитовали, зложили гроши и роспаювали межь себе. Я держу теперь 40 моргôвъ, а у тебе есть 15 моргôвъ, а другіи по два, по три морги покупили, якъ чія сила была. Гусаковскій же съ жêнкою зôйшли на жебры и до насъ не разъ приходили, и мы давали имъ хлѣба. Онъ умеръ передомъ,

а она за нимъ. Не было ю въ чêмъ поховати, то я далъ мои тертицѣ на домовину. Изъ того видишь, що *розумъ* не каждый однакій. Есть *розумъ истинный*, той учитъ насъ, що неправедное добро не есть добромъ, а розумъ такій, що добрый до кривды людской, до крутарства, то не есть истинный розумъ, бо онъ скорше чи позднѣйше провадитъ человѣка до згубы, а маетокъ такій неправедный, на которомъ слезы людскіи тяжатъ, роспадаеся и счезае. Великимъ богатствомъ, человѣче, есть чистая совѣсть и ясное лице передъ Богомъ и передъ людьми, и въ томъ премудрость: старайся лишь о праведное добро, и то держи и умножай, а неправедного николи не забагай.

Щобы ты зналъ, сыну, якъ маетку дораблятись, я тобѣ розскажу нашу исторію, якъ намъ Богъ помôгъ до всякого добра.

Мôй дѣдъ небощикъ былъ дуже бѣднымъ человѣкомъ, не малъ ни кусника грунта, ни огорода, ни своей хаты, а служилъ въ церкви за поддьяного. Тобѣ не треба казати, що не ма на свѣтѣ бѣднѣйшого сотворѣнья, якъ церковная мышка и дьякъ. Тая мышка, що на поли або на гумнѣ въ стôжку, то не лишь що ѣсть до-волѣ, но еще такъ зо збыткôвъ трубитъ пшеничку чи гречку, а тая въ церкви не мае ничого, хиба гдесь изъ якогось бохоночка хлѣбця, що кто на парастасъ принесе, скришится якая кришинка, отже тому то тіи церковныи мыши такіи худенькіи, и дьяки наши звычайно также такіи худыи, а уже о поддьячихъ и не говорити! Бо якая то плата дьякôвская? Мôй дѣдъ небощикъ повѣдали, що дьякъ отъ нумера бере бывало по два дутки рокôвщины, то всего на всего зобралось найбôльше 20 зр. на нынѣшніи гроши,, хотя парафія велика, бо бôльше ничого не давали,

якъ даютъ у людей еще коляду и т. д. Якая „рокôвщина,“ такая была и платня за всякую отправу. За похоронъ великій давали три сорокôвцѣ, за малый сорокôвця, за вѣнчаніе срѣбрняка, т. е. 5 старыхъ крейцарôвъ, а за Службу Божу также тôлько. Дьякъ не малъ изъ чого жити, а щожь еще поддьячій?

Никола. Ну, въ давныхъ часахъ инакше было, а теперь дьякамъ всюда пôдступили платню.

Онуфрій. Якъ где, человѣче. Где розумныи и побожныи люди, где дьякъ честный и тверезый, а громада его мае за слугу Божого и слугу Церкви святой, то тамъ поднесли уже и „роковщину,“ и за все лучше платятъ, а где громада безбожная и піяки, тамъ нынѣ дьякъ еще десять разъ гôрьше бѣдуе, якъ изъ давна. Бо хотя онъ нынѣ мае и въ двое тôлько, що давно, то треба знати, що давно якъ пару чобôтъ купилъ за три простыи реньскіи, то уже назывались чоботы, а нынѣ за такіи дай 6 зр. серебр., инакше ихъ не возьмешь. Давно корецъ жита я самъ продавалъ не разъ, и то чельного, по пôлтора сорокôвця, то уже дьякъ за одинъ похоронъ купилъ собѣ два кôрцѣ жита, а нынѣ уже мало коли дешевше оно отъ пятки! Еще, человѣче, где священникъ доброго сердця, то дьякови и при недостатку яко-тако было, однако давно бывали священники, що дьякъ у нихъ былъ и за фѣрмана, и за эконома, и за наставника, и за наймита и за все, и за все еще и ганьба, и за що будь, що не догодилъ чи священникови, чи добродѣйцѣ, та отганяли и безъ хлѣба пустили.

Никола. Нынѣ не чути въ нашихъ сторонахъ за такихъ священникôвъ, хиба такій буде дьякъ, що не вартъ лучшого, що не мае самъ ничого робити, дѣтей не учитъ, ремêсла не знае, грунту

не мае, заробити идти стыдаеся, та звычайно дармоѣдъ.

Онуфрій. Нужда, человѣче, наша съ тѣмъ стыдомъ до роботы! Добре кажешь, що суть дьяки-дармоѣды, що голодомъ будутъ млѣти, а для того, що они уже гей-бы непростыи люди, стыдаются взяти въ руку серпъ, цѣпъ, косу, рыскаль, бо имъ здаеся, що то простая робота, а они ось-то непростыи уже люди! Отъ такого дурного стыду богато убожины у насъ, бо не хотятъ того знати, що всякая праця — то не стыдъ, но честь и слава человѣка, а стыдомъ повинно быти лишь одно неуцтво, лѣнивство, обжорство и піянство. А то суть грѣхи, въ которыи наши дьяки часто попадаютъ, и черезъ нихъ тяжко бѣдуютъ, и самы винны, що ихъ никто за нищо не мае, и що священники уживаютъ ихъ до своей послуги. Певно, що побожного, господарного, трудолюбного, а при тôмъ честного, ученого и тверезого дьяка священникъ не оскорбитъ тѣмъ, шобы его бралъ за фѣрмана або наймита, хиба часомъ зъ доброй воли и чемности и изъ привязанья до духовного отца онъ самъ охотно схоче послужити.

Никола. Та то правда, рука руку мые. Теперь кажѣтъ, бо я цѣкавый, якъ розсказовалъ вашъ дѣдъ за свои молодыи лѣта.

Онуфрій, Они же менѣ повѣдали, що бывало и тутъ розманто, бѣдили и терпѣли богато, но они бѣду свою не топили въ порціи, якъ то наши гдекоторыи нынѣшніи дьяки добре знаютъ, що они топили ю въ молитвѣ, и въ Псалтирѣ и въ працѣ. А у нихъ такая была натура, що хорони Боже одну годину дармо посидѣти! Лѣнивство они собѣ мали за найбôльшій грѣхъ и на старость, коли за волею Божою мали уже всего, що душа забагла,

они до послѣдней годины безъ роботы не могли быти, хотя уже и силы не было, и очами не довижали, и тато небощикъ бывало и взбороняютъ, щобы не мучились, а они не могли выдержати, то плакали, якъ имъ где поховали ихъ начинье и, якъ кажу, до смерти робили. Такое же они оповѣдали за свое житье:

Имъ не было лишь 18 лѣтъ, якъ они изъ поддьячого, по смерти старого дьяка, стали уже въ крылосѣ дьякомъ. То уже старыи лѣта, тогды еще у насъ не было австрійского правительства, а была еще Польща. А они не были мѣщанского роду, но таки сельского; мôй прадѣдъ былъ подданнымъ и робилъ панщину. Коли панъ довѣдался, що они стали уже за дьяка въ мѣстѣ прислалъ посѣпакôвъ и тіи впали въ ночи до хаты, звязали имъ руки назадъ и якъ якого опрышка повели на село до двора. Панъ побачилъ, що хорошій хлопецъ, казалъ ихъ розвязати и взялъ до покою за локая. Тогды человѣкъ своей воли не имѣлъ; що панъ хотѣлъ, такъ было. Но що имъ зъ разу здавалось злое, то вышло на доброе. Тогды той двôръ цѣлкомъ на ново перестроивали, всюда по покояхъ давали новыи двери, новыи окна новыи помосты. Панъ отъѣхалъ гдесь далеко, а имъ приказалъ допильновати той роботы. Отже не лишь допильновали, но отъ тѣхъ майстрôвъ всякой роботы научились. Встанутъ собѣ бывало досвѣта, ну-же до варстата, до пилки, до гибля. Майстры побачили, що у нихъ добрый талантъ и охота, имъ то на руку было, и они черезъ лѣто выучилися столярства, токарства и малярства такъ, якъ найлучшій майстеръ! Коли панъ въ осени повернулъ, оглянулъ все, та повѣдае: Добре ты менѣ доглянулъ, все красно, за то дамъ тобѣ дарунокъ, якій хочешь. А они повѣдаютъ: Я

дарунку не хочу, лишь позвольте менѣ, пане, ранками робити на варстатѣ всячину, що вамъ треба до двора. Панъ присталъ на то и даровалъ имъ варстатъ столярскій со всякимъ начиньемъ. Два роки они тамъ робили, и уже по надъ нихъ не было майстра. Чи млынокъ зробити до зôбжа, чи якіи мебли, чи басъ, чи скрипку, чи бочку, — що въ руки взяли, зробили, такъ чисто и красно, що любо было подивитись! Тѣмъ часомъ заняла цѣсарева Марія-Тереса Галичину, и знесена была особистая неволя; имъ вôльно были идти, куда хотѣли. Наша громада пріймила ихъ зновь за дьяка, бо тамъ-той, що послѣ нихъ былъ, дуже пилъ и робилъ соблазнь такую, що не можно его было дальше держати. Якъ стали они дьякомъ, наймили собѣ бôльшую хату и взялись до майстерства. Изъ власной головы научились роботы и стельмахства, и люди изъ всѣхъ сторонъ до нихъ горнулись со всякою роботою, бо що они зробили, то уже по майстерски. Коли кто що згодилъ, а казалъ, що за дорого, то они небощикъ кажутъ: „Менѣ лишь разъ будешь клясти, тогды, коли платишь, а бôльше уже нѣтъ; я волю, щобы ты менѣ теперь заклялъ, якъ послѣ того за нерательную роботу.“ Изъ того они до кôлькохъ лѣтъ доробились маетку и тогды полюбились съ небôщкою моею бабкою, що на нихъ былъ сей грунтъ и хата на томъ мѣстци, где теперь моя, и оженились и взялись до господарки, и ремесло провадили и дьякôвства не покидали, а то для того, що казали: „Менѣ мило Господеви спѣвати! Ему спѣвае и ластовка, и жаворонокъ, и соловѣй, и Ангелы на небѣ и я, коли заспѣваю въ церкви, то менѣ здаеся, що я вразъ съ Ангелами спѣваю.“ И до кôнця житья своего, доки лишь здужали, ходили въ церковь и служили Богу, а я

памятаю, що то былъ за человѣкъ розумный, бо коли они умерли, менѣ было уже 24 лѣта.

То, небоже, треба было привидитись, якое ихъ житье было. Такъ якъ той зегаръ, що иде и на минутку не змылитъ годину, такъ имъ ишло ихъ господарство и ихъ ремесло Бо они все бывало мовляли: „Человѣкъ повиненъ дивитись на Господа Бога, якъ Господь Богъ непрестанно творитъ и всѣ свои дѣла сотворилъ красно и пожиточно, и все вымѣрилъ на годины и на минуты, такъ и человѣкъ повиненъ непрестанно робити, и на зегаръ дивитись и ведля него стосоватись со своею роботою.“ Бывало о четвертой годинѣ, чи зима, чи лѣто, они встаютъ, и всѣ дѣти, и вся челядь. Вечеромъ уже каждый малъ вызначену роботу на завтрѣшній день. Коли всѣ встали и чисто помылись, ставали до молитвы, ôттакъ каждый ишолъ до своей роботы чи въ поле, чи до стодолы, чи до варстату. Якъ колѣсця въ томъ зегарѣ, такъ въ цѣломъ господарствѣ и варстатѣ былъ ладъ и порядокъ. Не вôльно было никому нездалого слова выповѣсти, ни сваритись, ни зневажати одно другого. Они сами острыи были, но николи не били челяди, не карали, но все приказовали и учили. Якъ который що не добре сдѣлалъ, або лѣнивый былъ, або що нибудь на него показалось, они его кликали въ четыре очи и учили, и показовали, а не показовали николи ни гнѣву, ни злости. За то челядь была для нихъ щирою и боялась гôрьше якъ бука, щобы ихъ не прогнѣвити. А такого, що его добрымъ словомъ не можно было научити, що другихъ псовалъ, такого заразъ отправили. А не то, що не били николи никого, но мали такую натуру, що любили похвалити и нагородити. Бывало прійдутъ до стайни, а побачатъ коники чисто вычесанныи, возы отъ

болота чисто обмытыи, шлеи и важки красно вычерненныи, або ниву красно зъоранную, або стôжокъ красно сложенный, то скличутъ еще другихъ и скажутъ: „Дивѣтся, такъ красно, такъ я люблю, изъ тебе Иване (чи Федю, чи якъ) буде порядный человѣкъ, и видишь, за то, що ты менѣ сдѣлалъ утѣху, достанешь тое а сее.“ То, человѣче, за ними челядь пропадала, а они намъ все кажутъ: „Безумныи люди не умѣютъ съ челядью обходитись. Слуга не есть невôльникомъ, но помôщникомъ и пріятелемъ моимъ, и такимъ человѣкомъ, якъ я, я маю ему быти отцемъ и учителемъ его, бо менѣ его Богъ далъ въ опѣку. Сварка, бôйка, клятьба, всякіи прозвища не удержатъ челяди въ вѣрности, но любовь, и доброе слово и нагорода. Въ томъ видишь премудрость. И каждый ихъ слуга малъ въ свою годину добрую и смачную страву, а кто на одêжь, то порядную одêжь, а кто на гроши, то ретельную платню въ свôй часъ; а коли прійшло, що женился, або отдавалась дѣвка, то еще изъ ласки справили весêлье и додавали вѣно. „Ты менѣ робилъ, казали, стôлько лѣтъ, най тобѣ Богъ дасть благословеніе, даю тобѣ изъ доброго сердця!“

И такъ они бывало насъ учатъ: „Видите, я изъ ничого, лишь трудомъ моимъ и розумомъ моимъ доробился хлѣба. Наши люди чому бѣдны? Бо уже, якъ онъ рольникомъ, то уже ничого передъ собою не видитъ, лишь тую землю. Уродитъ земленька, то мае, а не уродитъ, то бѣдуе, бо въ рукахъ не мае ніякого иного таланта. А жидъ не мае земли (давно не вôльно было имъ куповати грунтовъ), а видите, жидъ мае гроши! Для чого? Бо онъ ученый, и мае свôй промыслъ. Чому же мы не маемъ ніякого промысла? Чому мы маемъ ждати, ажь жидъ намъ привезе соли, коли мы

могли бы ю сами привезти и заробокъ взяти? Чому нашъ человѣкъ, що мае три або четыре сыны, хотя и мае о чѣмъ, не дасть одного або двохъ до науки? Най бы одинъ выучился на урядника, або священника, або учителя, другій най бы учился ремесла одного, а третій другого; свѣтъ широкій, съ талантомъ въ рукахъ не буде мати мѣстце тутъ, то найде мѣстце и край свѣта. Вотъ, я научился ремесла, а нынѣ менѣ иде красный заробокъ, и роботы тôлько, що часомъ еи даже и не могу прійматн, бо не маю стôлько силы. Доброго ремесника, щобы где въ якомъ селѣ далекомъ, найдутъ люди и дадутъ ему заробити. Якъ бы я не былъ научился ремесла, що бы я имѣлъ? Бѣдовалъ бы, якъ всѣ наши дьяки бѣдуютъ, а такъ и ремесло, и поле дае менѣ достаткомъ хлѣба, а дьяковствомъ служу Богу и православнымъ христіанамъ! — Отже, всего," мовляли бывало, „дѣти, учѣтся! Найперше учѣтся письма, бо безъ письма будете темныи. А другое: учѣтся, кто може, высшой науки, а кто не мае до того головы ни способу, то учѣтся руками вашими всякого доброго ремесла. Не спускайтеся на самую землю, бо прійде часъ, що тая земля не буде васъ могла выживити!"

И по правдѣ, що теперь до того иде. Людей примножилось за волею Божою, а земли не примножаеся, а всюда еи упало, бо що не забрали при сервитутовыхъ комисіяхъ паны, то выкупуютъ отъ легкодушныхъ людей подпанки та жиды. Где перше былъ одинъ газда, тамъ нынѣ четыре, або и бôльше; перше кололи загоны на двое, а теперь уже перерѣзуютъ и на-поперекъ. За якихъ двадцять лѣтъ убожина у насъ буде страшна для того, що мы на нищо, лишь на земленку нашу оглядаемся! Для того, видишь, въ нашой родинѣ инакше робилось, и

я своихъ сынôвъ выучилъ на людей: одинъ есть урядникомъ, одинъ капитаномъ, одинъ стельмахомъ, одинъ ожененый на боцѣ газдуе, однако знае также и ковальство, а одинъ на моемъ мѣстцѣ остае на грунтѣ, а также знае тесельскую и столярскую роботу. Ой, и въ томъ, человѣче, великая премудрость, а лишь въ томъ цѣлое добро русского народа, щобы не спускался на саму тую земленьку нашу.

Никола Чистая правда каждое ваше слово!

Онуфрій. Що я отъ моего дѣда, отъ моего тата переймилъ, що и я самъ выпрактиковалъ черезъ весь мой вѣкъ, то и тобѣ передаю, и такъ спамятай собѣ еще вотъ що:

Перше. Будешь женитись, не дуже дивися на маетокъ, на вѣно. Якъ оно есть, то Богу дякувати, а якъ не ма, то Богъ мае богато, не роздалъ всего, и тобѣ дасть, лишь съ такою дружися, до которой сердце тебе тягне. Знаешь тую приповѣдку: „Есть при чêмъ быти и що ѣсти, а не ма коло кого сѣсти.“ Щобы ты малъ и миліоны, а якъ не маешь солодкого пріятеля, любезной жêнки въ домѣ твоемъ, все тобѣ буде немилое, не будешь имѣти охоты робити, цѣлое житье твое буде съ горестью и можешь навѣть впасти во всякіи искушенія. Коли собѣ выбираешь товаришку на цѣлое житье, пытай впередъ розуму твоего, и сердця твоего; розумъ тобѣ скаже, чи она достойна, чи она Бога любитъ, чи любитъ молитву, набоженство, чи чемна, чи порядна, чи любитъ чистоту въ хатѣ, на обôйстью, въ одежи, въ бѣлизнѣ, во всемъ? Чи любитъ робити, чи до всякой роботы скора, чи не робитъ лишь отъ напасти? А сердця твоего поспытай: чи она твоя? Коли я былъ паробкомъ, до мене замовлялись всякіи со своими дочками, каж-

дый хвалилъ свои богатства, каждый наставлялся съ великимъ вѣномъ, а небощикъ тато мои, дай имъ Боже царство небесное, казали менѣ: „То все, сыну, дурниця: ни гроши, ни вѣно не будутъ твоимъ счастьемъ, но милая и добрая жѐнка!“ И я оженился съ бѣдною сиротою, но я полюбилъ ю сердечно не лишь для красоты лиця и красного росту, а для красоты души. И Богъ менѣ далъ, що я имѣлъ и пріятельку и господыню, що каждому такую жичу, милую, и сердечную, и робочую, и порядную, що въ моей хатѣ было все мирно и любо и во всѐмъ было Божое благословеніе. Я и не зналъ, человѣче, скôлько у мене полотенъ, скôлько у мене дробу, она и дѣточки обходила, и въ хатѣ, и въ алькирѣ, и всюда все полысковалось отъ харности и чистоты, она въ стайни и при цѣломъ своемъ жѐночомъ господарствѣ. Шѐстьдесять лѣтъ мы пережили съ собою якъ тая пара голубятъ; такъ все переминуло, якъ бы одинъ красный день! Бывало, поѣду где въ дорогу на два-три дни, то якъ ей не вижу, сердце мало не выскочитъ до дому, и такъ не лишь изъ молоду, а еще бôльше въ старшихъ лѣтахъ, бо правдивая, щирая любовъ николи не уменьшаеся, а все еще умножаеся съ лѣтами. Такъ она небощка, коли мене не ма дома, уже еи и сонъ не береся, а молится, щобы менѣ якого припадку не было, щобы я счастливо заѣхалъ и вернулся и уже числила бывало годины, минуты. Най же бы я не пріѣхалъ въ свой часъ,— бо то розлично случится на дорозѣ, — уже она що минуты въ брамѣ, и выглядае, а коли вернусь, то бывало самъ смѣюся, якъ она уже изъ радости за все забуде, а такое менѣ повѣдае, якъ бы мене уже зъ рôкъ не видѣла! Теперь сталъ я бѣдный, не маю уже отъ кого идти, ни ѣхати, та никто мене уже не пожалуе, никто

менѣ не добере того, що я люблю, никто до мене не заговоритъ...

На тіи слова покотились старому слезы, якъ тѣ перлы по лицѣ, та и на хвильку замолкъ, всталъ и выйшолъ до сѣней, щобы собѣ тамъ на самотѣ сплакати. А Никола тѣмъчасомъ переверталъ листки въ Псалтири, то якъ бы на тое, обернулъ той листокъ, где стоитъ псаломъ: „*Блажени вси боящіися Господа, ходящіи во путехъ его. Плоды трудовъ твоихъ снѣси, блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ. Жена твоя яко лоза плодовитая въ странахъ дому твоего, сынове твои яко лѣторосли масличныя окрестъ трапезы твоея... Се тако благословится человѣкъ, боящися Господа*“... Перечитавши се подумалъ онъ собѣ: Се по правдѣ такъ прожилъ старый Онуфрій. Кобы менѣ такое Богъ далъ!

Повернувши Онуфрій, та побачивши Псалтирь въ рукахъ Николы, сѣлъ коло него, та повѣдае: „А-ну, що читаешь?“

— А вотъ, каже Никола, сей псаломъ, що при вѣнчанію дьяки спѣваютъ.

— Прекрасный сей псаломъ и добре его научитись на память, бо и не за долго и ты станешь до вѣнчанія, якъ собѣ найдешь якую пріятельку, такую, якую я тобѣ изъ сердця жичу.

— Красный псаломъ, повѣдае Никола, но я всего не розумѣю.

Онуфрій, А ну, читай, чого не розумѣешь?

Никола. Съ початку розумѣю, що добре тому человѣкови, що Бога боится, що працюе и поживае плоды своеи працѣ. Но сего не розумѣю, що то значитъ: „*Жена твоя яко лоза плодовитая въ странахъ дому твоего.*“

Онуфрій. Лоза, то не тая лоза, що у насъ росте, лозина, що нею люди плоты городятъ, но

лоза въ письмѣ святомъ то называеся *виноградъ*, отже то такъ мае розумѣтися, що, якъ ты будешь Бога боятись, то тобѣ Богъ дасть такую жѐнку, що буде такъ, якъ той виноградъ красный, що на нѐмъ грозды солодкихъ ягодъ висятъ. Якъ мило подивитись на той виноградъ, съ такими гроздами, такъ мило тобѣ буде дивитись на твою жѐнку, и на еи грозды, т. е. на еи дѣточки любыи.

Никола. А-га, теперь розумѣю, А дальше: „*Сынове твои яко лѣторосли масличныя, окрестъ трапезы твоея.*" Сего знову не розумѣю; що то „лѣторосли масличныя?"

Онуфрій. И я сего не розумѣлъ, та ходилъ ажь пытати небощика отца Левицкого, а они такъ сказали: Въ теплыхъ краяхъ росте дерево масличное, подо̂бное листьемъ и прутиками до вербы, а на то̂мъ деревѣ ростутъ такіи ягоды, якъ вишни, и тіи ягоды, якъ достигнутъ, сбираютъ въ мѣхи, берутъ въ прасу и выдушуютъ изъ нихъ оливу. Отже лѣторосли масличныи, то значитъ такіи молоденькіи деревця масличныи, що ихъ садятъ въ саду, щобы изъ нихъ колись были овочи — олива. А „трапеза" знаешь що значитъ?

Никола. „*Трапеза*," то знаю, то греческое слово: сто̂лъ.

Онуфрій. Отже видишь: Будешь боятись Бога, буде жена твоя яко красный виноградъ, а сыны твои до-окола твоего стола якъ молоденькая садовинка масличная, що на ней надѣя и твоя и твоего народа! Такъ, бывало, мо̂й небощикъ отецъ любовались своими дѣтьми, що̀ удались хорошіи и здоровыи всѣ, такъ и я выховалъ собѣ потѣху въ моихъ сынахъ и дочкахъ, а теперь и внукахъ и правнукахъ.

Никола. Ну, розсказуйте теперь дальше, що менѣ робити?

Онуфрій. Оженишся, поблагословитъ тя Господь дѣточками, щобы ты ихъ выховалъ во вѣрѣ христіанской, та щобы изъ нихъ были розумныи и честныи люди и справедливыи Русины. Отъ добрыхъ родичей бываютъ добрыи дѣти, однако не всегда. Бо часомъ родичи за надто любятъ дѣти и черезъ тую любовь не даютъ имъ доброго выхованья. Видалъ я и такихъ... Былъ тутъ одинъ человѣкъ, самъ добрый и честный, а дѣти выйшли на найгôршій конецъ, а то за тое, що родичи ихъ въ дитинствѣ за надто любили. Встати дитинѣ рано — эй, най-но най, оно малое, най выспится, не ма для него ніякой роботы; ба, дитина подросте нивроку, лишь бы учити, не посылаютъ въ школу, ни на науку, бо повѣдаютъ: еще малое; а за рôкъ-два, кажутъ: уже за великое! — И такъ минае найкрасшій вѣкъ, оно росте въ темнотѣ, а мама роспадаеся надъ нимъ, що нивроку красно росте, якъ соколикъ! Соколикови все вôльно! Где весѣлья, где музыки, где поганыи слова и нездалыи пѣсни, а соколикъ перекреститись не знае, „Отченашу“ не знае, за заповѣди Божіи и не вспоминай, а горѣлоньку, люлёчку, спѣванки всякіи, гей, въ то грай соколикови! И прійде соколикъ изъ весѣлья або изъ шинку пьяный, а тато и мама розбираютъ его, стягаютъ изъ него чоботы... Най-но, та то молодое, дурное, та и мы были молодыи. А тѣмчасомъ соколикъ до роботы не береся, ему на думцѣ що иншого; чѣмъ дальше иде въ лѣта, тѣмъ гôршій нероба и пьяниця, а наконецъ пропивае соколикъ працю своихъ родичей, пускае ихъ на ганьбу и на старость дождались родичи, що ихъ соколикъ за краденыи кони по Львовѣ ходилъ въ кайданахъ!.. Бываютъ, правда, знову и та-

кіи родичи, що суть ворогами своихъ дѣтей, що ихъ мучатъ, бьютъ, голодомъ морятъ; то также погано; но розумное выхованье дѣтей залежитъ на томъ, щобы ихъ любити, а не пестити, щобы ихъ зъ маленьку заправляти до науки и роботы, до чистоты, до порядку, до послушности, до шанованья старшихъ! Хорони Боже, щобы оно привыкло съ маленьку до лѣнивства, бо такое буде уже черезъ цѣлое свое житье. До третёго року може дитина спати до волѣ, отъ четвертого року уже рано треба до молитвы будити, не жаловати, бо оно, якъ привыкне, буде и здоровшое, и сильнѣйшое и веселѣйшое, — и що нибудь уже давати робити, а оно, привыкши, цѣлое житье уже буде охочое до всякой роботы.

Якъ съ челядью обходитись, уже знаешь, бо я тобѣ уже сказалъ, якъ еще мôй дѣдъ мене научилъ. Лишь одно еще призабылъ я сказати, щобы ты николи не пріймалъ на службу такого, который самъ свôй маетокъ стратилъ, бо коли онъ свôй стратилъ, то онъ и твоего не пошануе.

Хата твоя ничого, но я бы тобѣ радилъ, щобы ты, якъ прійдешь троха до грошей, поставилъ собѣ новую, выгодную, обширную. Добрая хата, то здоровье, низкая, темная, волгкая, то хороба. Въ хатѣ удержовати все якъ найбôльшую чистоту. Чистота въ хатѣ и всюда на обôйстью, то краса и слава человѣка. У кого найдешь чистоту въ хатѣ, съ такимъ человѣкомъ можешь дружитись, то звычайно бывае и добрый и розумный человѣкъ; где въ хатѣ нехлюйство, где тѣло нехарное и обдертое, тамъ звычайно и душа нечистая; съ такимъ человѣкомъ будь осторожный, не заходи съ нимъ! И въ письмѣ святомъ стоитъ: „*Отъ дѣлъ ихъ познаете ихъ.*“ Въ домѣ ткоемъ конечно маютъ быти на первомъ мѣстци

красныи образы Святыхъ, не леда якіи ярмарковыи богомазы, но красно намалёванный образъ Спасителя, Пресв. Богородицы, святого Отца Николая и бôльше, якъ здужаешь собѣ купити. Теперь, а диви! такіи якъ мои тіи, продае нашъ русскій купецъ Дыметъ во Львовѣ, на блясѣ малёванныи, недорогіи, бо се лишь по 6 зр. коштуютъ, а уже сердце человѣка возносится, стати передъ ними до молитвы Образы тіи, человѣче, пригадуютъ тобѣ, що твоя хата не поганская, а христіанская, що тутъ такъ, якъ бы ты въ церкви стоялъ передъ иконостасомъ. И якъ въ церкви ты боишся сказали нечистое слово, такъ и тутъ, якъ ты добрый христіанинъ, коли подивишся, его не скажешь; якъ въ церкви нечестного дѣла ты не сдѣлалъ бы, такъ и тутъ передъ святыми образами повиненъ ты боятись сдѣлати що нибудь нехристіанское, нечестное. У мене есть и той обычай, що передъ образомъ Спасителя каждой Пятницы горитъ цѣлую добу лямпа, которая пригадуе менѣ смерть и погребеніе Христовое и спасеніе рода людского.

Второе, що мае въ твоей хатѣ быти, то зегаръ, или часы, якъ зовутъ люди по русски, якъ я уже тобѣ сказалъ, и ведля него маешь роспоряжоватись съ роботами. Часомъ и въ ночи добре знати годину, бо добрый господарь и въ ночи не разъ повиненъ встати и оглянути свою челядь, чи вся есть на своемъ мѣстци, и худобу, чи вся здорова, бо часто въ ночи бываютъ межь худобою припадки. У мене есть лихтарня, и я каждой ночи привыкъ вставати и обôйду стайни и гумно, и огляну челядь, чи все въ порядку.

Третья рѣчь, що у тебе повинна быти и безъ чого не ма порядку въ господарствѣ, мае быти книжка, въ которой записуеся всякій и най-

меньшій доходъ, всякій и найменьшій выдатокъ. Безъ такой книжки не будешь добрымъ господаремъ, бо не будешь мôгъ знати, що тебе все коштуе и за скôлько ты можешь продати твôй товаръ.

Твôй небощикъ тато не засадили тобѣ саду; есть тамъ лишь одна дикая груша. Памятай собѣ, розвести собѣ садокъ изъ зернятъ. Каждый рôкъ, що собѣ не засадишь зернятъ, або и готовыхъ щепъ, якъ можешь где достати, есть страченъ, отже не трать ни одного року, а въ осени засади собѣ зо двѣ грядки зеренъ грушковыхъ и яблонковыхъ, най будутъ и вишни, и черешни, и агрестъ, малинка и всячина. Устрой собѣ и огородецъ на зêлье, посади собѣ красныи розы и всякіи зêлья, а где до солнця, виноградъ. Обкопай все самъ, и сади самъ, и поли, и твори все со всемогущимъ Отцемъ небеснымъ, и придивляйся красотѣ каждого цвѣта и каждого листка, а коли подивишся на той твôй огородецъ, на твôй садокъ, прославляй Отца небесного, сотворившого все для нашого пожитку и нашой утѣхи...

За худобу же скажу тобѣ лишь тôлько: Не держи на твоемъ олôйстью леда якой худобы, а що держишь, держи изъ доброго заводу, бо оно все однако ѣсти хоче, а уже доброй худобѣ варто дати добре ѣсти, а дедащая бôльше съѣсть паши, якъ сама варта, або еи робота. Мôй дѣдъ небощикъ были дуже розумнымъ человѣкомъ и отъ нихъ мы всякую науку переймили, то они намъ розсказуютъ бывало, якъ они прійшли до красной худобы. У насъ, знаешь, красный заводъ коней и я що року продаю двѣ пары або и три, якъ Богъ позволитъ, и николи пеньше не возьму за пару, якъ 400 зр., а взялъ я уже и 550 за пару, а то

за тое, що у насъ есть добрый заводъ, чи, якъ то называютъ: „раса.“ Бывало у насъ тутъ въ мѣстѣ не видати было доброй конины, а все малое, терхатое, слабое, ажь мôй дѣдъ небощикъ, где бывало перечули за лицитацію, то идутъ; одного разу тутъ недалеко лицитовали посесора и имъ подобалась кобылка жеребная и двѣ коровы. Жиды уже ю выгнали на 100 зр. (то давно дуже великіи гроши были), а мôй дѣдъ не пустили еи, докинули еще реньского; жиды идутъ въ гору, они собѣ, и стало на томъ, що ю купили за 134 реньскихъ серебромъ. А за двѣ коровы также дали сотку. Отъ той кобылы мы прійшли до маетку, бо отъ ней самой было дванадцятеро лошатъ и она была у насъ ажь до смерти. Коли уже постарѣлась и не могла робити, дѣдъ и тато небощикъ тримали ю на ласкавомъ хлѣбѣ и давали ей ѣсти, и доглядали ю до смерти, бо казали: то старенькая мама, не годится еи продавати, щобы кто, еще до того якій невѣрный, бездушный жидъ, надъ нею збытковался. Такъ и отъ тѣхъ коровъ мы доховались худобы доброго заводу, такъ и ôвцѣ и безроги не держались леда якіи, но що найлучшіи.

Худоба любитъ выгоду, щобы мала теплую стайню и щобы коло ней чисто ходити и въ свôй часъ, въ свою годину нагодовати и напоити. Згребло и щêтка лучше тучатъ коня, якъ овесъ, и дай ему не знати скôлько овса, а якъ на немъ будутъ порохи и нужда, а на ногахъ болото и груда, а подъ нимъ не буде чисто и сухо, то кôнь буде марный и слабый. А хотя меньше давай овса, а дай въ часъ, а чеши и чисто коло него ходи, то кôнь буде и здоровый и сильный. Такъ и роговая худоба. У насъ не ма того звычаю чесати роговую худобу; нашъ христіанинъ уже отъ великого свята

кони чеше — перевесломъ, не то щобы онъ чесалъ корову або вола, но насъ научили такъ наши дѣдъ небощикъ, що все мусѣло быти чисто вычесано, чи кôнь, чи корова, чи яловка, чи теля, и то що днины. Часомъ пильная робота въ поли, здаеся не ма коли, но они не пропустили ни одного дня, а все мусѣло быти чистое и гладкое, що тамъ дивоглядъ. Отъ, кажемъ: безрога; — то сотворѣнье любитъ болото и нечистоту, а они повѣдали: „Неправда, оно найбôльшую чистоту любитъ!“ То у насъ безроги що тыждня мыются зъ разу водою съ мыломъ, а потомъ чистою водою, и попробуй, роби и ты такъ, а задивуешся немало, якъ побачишь, що мытая и чесанная безрога до року буде два разы такая, якъ немытая и нечесанная, хотя бы ты одной давалъ стôлько ѣсти, що и другой. И я того пробовалъ и выпробовалъ. Якъ же уже безрога иде до кормника, тогды не лишь богато ѣсти ей давати, но и добрую пôдстелку, и также чисто удержовати, а скорше выгодуеся и меньше пôйде зерна.

Съ худобою, сыну, обходись по людски. Она нѣмое сотворѣнье, не може тобѣ ничого сказати, но и оно знае, кто ему пріятель, а кто ему ворогъ. Доброго и людского господаря любитъ худоба и вѣрно ему служитъ, нелюдского боится и терпитъ отъ него зневагу и болести, и лишь подивится на него, якъ бы ему хотѣла сказати: „То ты человѣкъ? То такій у тебе розумъ, такое сердце?“ — Тому я, человѣче, не могу дивитись, якъ якій бездушникъ збыткуеся надъ своею худобою, якъ ей не дасть ѣсти, не вычеше ю, не охаритъ, а хоче отъ ней такой роботы, що она не може подужати, а клине ей, а бье, и то не пытае — куда, чи по головѣ, чи по очахъ, тожь и не разъ бѣдная худоба затнеся,

и бій ю якъ хочешь, она не поступится, акъ бы сказала такому бездушникови-господареви: „Бій мене уже бій и лучше добій мене, якъ маешь надо мною такъ збытковатись!“ Но Богъ такихъ людей звычайно карае, що ôттакъ не маютъ они чѣмъ робити, а мусятъ наймати и плуга, и бороны и воза за то, що не умѣли своей худôбки пошановати. И добре то, якъ я читаю въ книжкахъ, що въ Англіи есть такое право, що за худобу, кто надъ нею збыткуеся, есть арештъ и грошевая кара. Такъ оно и у насъ быти повинно. Но ты, сыну, люби свою худобу, яко своихъ помочникôвъ въ роботѣ, що день оглянь каждую штуку, чи здовова, чи ей що не стае, погласкай ю, бо она тое любитъ, заговори до ней, бо она, хотя не розумѣе, а и ей мило, якъ человѣкъ озвеся до ней пріятельскимъ словомъ; батôгъ най буде у тебе въ рукахъ и твоего наймита, но николи на тѣлѣ твоей худобы, хиба въ дуже великой потребѣ. Я все ѣду и ѣду якъ хочу, скоро то скоро, поволи то поволи, мои кони знаютъ мôй голосъ и уже розумѣютъ, якъ я хочу ѣхати, а ударити ихъ — я не маю сердця. Коли подъ гору, я все злѣзу и ѣду поволи, на горѣ дамь имъ высапатись, а на рôвномъ жену, за то я не знаю, що такое дыхавиця у коня, що то зôрванныи ноги. Случится и менѣ, що часомъ менѣ худобина не удастся, то я ю продаю, но не ошукую никого, а тому, що купуе, скажу выразно, якая еи хиба и пускаю дешево, щобы кто на мене не нарѣкалъ, бо обманство — то ганьба и грѣхъ передъ Господомъ Богомъ!

Найбôльше старайся о пашу для худобы, бôльше якъ о самый хлѣбъ, бо чѣмъ бôльше будешь мати паши, тѣмъ бôльше худобы будешь мôгъ

держати, тѣмъ бôльше будешь мати оборнику, тѣмъ бôльше хлѣба.

Пасовиско доброе, но лучше держати худобу весь рôкъ на стайнѣ, лишь часомъ где на облôгъ выгнати, а то для того, що худоба не губитъ тобѣ того дорогого, неоцѣненного гною, а онъ лишаеся подъ нею, а лѣтній гнôй мае два разы такую силу якъ зимовый. — Маешь въ лѣтѣ досыть еще сухой паши, перемѣшай съ нею свѣжую конюшину, лишь привялую, и подай худобѣ, а будешь мати и здоровую худобу, и оборникъ буде твôй, не розкинешь его где тамъ на панской толоцѣ. А гнôй то богатство; и добре сказалъ небôщикъ нашъ Андрей Левицкій, що у него бывало было такое господарство, що и паны заѣхали до нихъ и пытали, ôтки они зробили такій маетокъ на 60 моргахъ поля, а они взяли панôвъ, вывели передъ обору, а тамъ была глубоко мурованная гноевня, та показуютъ и кажутъ: — „А дивѣтся, я тутъ золото добываю, чистое золото!“ — То и я тобѣ повѣдаю: Гнôй то золото! Шануй гнôй и всякими способами примножуй его, щобы ты изъ него одной кришинки не стратилъ!...

Никола. То правда, що гнôй — то душа въ господарствѣ, и я читалъ о немъ красную русскую книжку.

Онуфрій. Такъ есть; гнôй душа въ господарствѣ, а въ той книжцѣ есть наука, изъ чого его робити. Не лишь изъ стайни, но изъ всего, що отходитъ при господарствѣ, якъ то есть: попêлъ, сажа смѣтье кости, пêрье, патрохи, стерво и отходы людскіи. Все то повинно збиратись въ свое мѣстце и все мѣшатись съ гноемъ товарячимъ и кôнскимъ, а на поли оно все найдеся и принесе пожитокъ. У насъ былъ человѣкъ бѣдный, Тро-

фимъ Заставный, имѣлъ лишь хатинку и дра морги поля, но що то розумный человѣкъ былъ, то прійшолъ до маетку, а знаешь изъ чого? Изъ гною! Онъ, бывало поробитъ своимъ дѣтямъ коробочки соломянныи, то лубовыи, и скôлько дѣтей у него было, то каждое шло съ коробочкою по мѣстѣ, по улицяхъ и збирало гнôй конскій и товарячій. Бывало послѣ ярмарку або торгу назносятъ великую купу, а черезъ зиму спрячутъ на якихъ сорокъ фѣръ и бôльше! Тѣмъ гноемъ взялъ небощикъ Трофимъ свои два морги справляти и такъ справилъ якъ градки, и где що не родилось, а у него все родилось! За кôлька лѣтъ Трофимъ прійшолъ до грошей, купилъ собѣ еще два морги, а тогды уже и пару коникôвъ и взялъ возити гнôй изъ гостинця, ба, по „суткакъ“ жидôвскикъ забиралъ людскіи отходы и попелы куповалъ, и все, и зъ того, человѣче, прійшолъ до маетку, а нынѣ его сынъ одинъ выучился и есть учителемъ, дочку отдалъ за Микиту Чорненького, коваля, а одинъ сынъ газдуе на батькôвщинѣ, — знаешь его, Прокôпъ Заставный, той, що у него такіи великіи стоги стоятъ на передмѣстью! А смѣялись изъ него наши бывало, и зъ его дѣтей, та за то прозвали ихъ „жуками,“ що они все въ гною бабрали, а гнôй поставилъ ихъ на ноги. Теперь при нихъ есть 16 моргôвъ поля и всякіи порядки. Научились ôттакъ люди отъ него розуму. А ну, чи теперь где найдешь гною на мѣстѣ або где, — то уже дѣтва бѣгае, та ледва где упаде гнôй на землю, уже и въ коробцѣ! Такое научилъ нашихъ людей небощикъ Трофимъ.

Никола Я читалъ о томъ, що въ Китайскомъ краю (въ Хинахъ), то тамъ людскіи отходы

дуже дорого продаются огородникамъ и тамъ нигде не побачишь людского отхода змарнованного.

Онуфрій. А ну, дивись на Нѣмцêвъ, що закладаютъ колоніи. Еще хаты не ма, а перше онъ ставитъ хатину на то, — и у Нѣмця также все иде въ пожитокъ. А що бы Нѣмцѣ робили въ своемъ краю, где земля ялова, якъ бы ю не мастили всякими способами?

Никола. То правда. Они привозятъ собѣ „гуано," т. е. пташечій гнôй гдесь ажь изъ Америки, не то щобы они змарновали въ краю своемъ що такого, изъ чого прибыла бы сила грунтови!

Онуфрій. За то у Нѣмцêвъ великое богатство. Чи то и наша земля не дала бы людямъ всего добра, кобы то всѣ наши люди были статочныи, богобойныи, тверезыи, робучіи, кобы то хотѣли учитись изъ письма всякой науки, а не казали: „У насъ такая устáнова." Бо не всякая установа бывае добрая. И про тую установу, що нашъ народъ еи держится, приходятъ изъ за границѣ другіи народы и забираютъ нашу батьковщину, бо приходятъ до насъ съ наукою, съ розумомъ!

Никола. Я собѣ куплю всякіи книжки, що пишутъ о господарствѣ, и буду все практиковати.

Онуфрій. Всего, небоже, до смерти человѣкъ повиненъ учитись и практиковати. Що до поля, то я тóбѣ скажу, що я выпрактиковалъ. Первое: Не жалуй роботы коло твоего поля. Лучше меньше засѣй на добре зробленномъ поли, якъ богато, а не пе людски. Въ добре справленномъ, въ чистомъ поли посѣешь, соберешь красный плодъ, а посѣешь леда якъ, то и насѣнья часомъ не соберешь, а робота твоя пôшла марно! Другое: Дай

ты земленьцѣ твоей, то земленька отдасть тобѣ съ лихвою. Будешь скупый для ней съ гноемъ, она буде тобѣ лишь скупо давати плоды. Не спускайся на Господа Бога и не кажи: „Якъ Богъ дасть, то оно и тутъ уродится.“ Богъ дасть, но Богъ не любитъ давати неробамъ и недбалюхамъ! Богъ любитъ дати тѣмъ, що съ Богомъ трудятся безпрестанно. Особенно кажу тобѣ, щобы ты пильновалъ твоей сѣножати, которую красную маешь, но коло ней не ма ладу. Она дуже пôдмакае́, треба ю окопати, а съ весною возьми желѣзныи грабли, а где треба — мотыки, то мотыку и содри изъ ней весь мохъ и яскоръ. Мохъ то нужда, которая присяде траву, и не дае ей рости, бо не допускае солнця до еи кореня, а яскоръ — що отъ него жолтѣеся долина при краяхъ, то и добрый бурянъ, который треба выкорѣнювати, и то що року, бо ôнъ множится не лишь насѣньемъ, но еще и насѣнье пускае въ цѣлую долину. Изъ него паша нездорова, а навѣть шкодлива, а при немъ не може иная паша добре рости. Для того я справляю мои долины, посыпую ихъ попеломъ и дробнымъ, перегнилымъ гноемъ, а що року выполюю буряны и здрапую мотыками яскоръ, и насѣваю бѣлою конюшиною и „райграсомъ.“ Прійдешь коли до мене, я тебе поведу въ поле и на долину, и розскажу тобѣ о всемъ практику.

Никола. Наши люди еще не знаютъ, що и долины можно справляти...

Онуфрій. Не знаютъ, бо мали пасовиско. Теперь, при сервитутовой комисіи, пустили ихъ съ ничѣмъ, то теперь бѣда всего научитъ. Не за долго возьмутся они добре до долинъ и лучше будутъ ихъ справляти якъ поле. Но треба, щобы имъ бѣда еще бôльше доскулила... О томъ богато было

бы еще бесѣдовати, но теперь уже скôнчу за второе зêлье, а другимъ разомъ скажу тобѣ за третьé, которое зовеся: Мѣрность и тверезость.

При томъ розскажу цѣкавую исторію.

Онуфрій. Знаешь уже, якое мое третье зêлье?

Никола. Знаю: Мѣрность и тверезость.

Онуфрій. То такіи зêлья красныи и пожиточныи, що треба бы ихъ сѣяти и плекати скрôзь въ нашомъ русскомъ краю и въ цѣломъ свѣтѣ. Насѣнье на тое зêлье засѣяли были у насъ, въ Галичинѣ, наши консисторіи, и по ихъ приказу священники взялись зъ-разу сильно до его управы, и где-куда показались уже красныи плоды, но якось поволи оно звелось, змѣшалось съ бурянами и теперь буряны его перемогли, та мало где чути за него...

Никола. Я не розумѣю того, що вы говорите.

Онуфрій. То я тобѣ скажу выразнѣйше. Ось знаешь: Піянство, то такъ, якъ той ракъ, що зробится на тѣлѣ человѣка, и точитъ его, и все грубшіи корêни въ него пускае, и человѣкови такому мало коли уже буде выходъ, а звычайно наступае смерть въ великихъ мукахъ. Коли подумаю о нашомъ народѣ, коли подивлюсь на его тяжкую працю, на тіи безчисленныи шинки и корчмы, а на тую нужду, а на тіи грѣхи, що въ слѣдъ за ними идутъ, по правдѣ не разъ и заплачу... То такъ, якъ у насъ, такое, ба еще гôрьшое было піянство въ Америцѣ, и такъ тамъ уже закоренилось, що страхъ. Былъ бо тамъ народъ совсѣмъ звêлся ни на що, ажь Господь натхнулъ одного духовного, що звал-

ся отецъ Матью, и той завязалъ товаришество мѣрности и до него записовались честныи люди, и мало-по-малу въ цѣлой Америцѣ, въ каждомъ мѣстѣ и по селахъ, позавязовалися такіи товаришества, поскладали богато грошей, взяли друковати книжечки о тверезости и мѣрности и роздавати межь народъ, и многіи люди вытверезились, взялись лучше до працѣ, и нынѣ Американе во всей науцѣ, во всѣхъ штукахъ и богатствѣ идутъ напередъ! Изъ Америки прійшла тая наука тверезости и мѣрности до Англіи, ôттамъ до Нѣмеччины, а наконецъ и до насъ. Тогды наши консисторіи выдали были такій приказъ всѣмъ священникамъ, щобы всюда по парохіяхъ голосили, щобы люди завязовали и у себе такіи товаришества во всѣхъ нашихъ мѣстахъ и селахъ, щобы записовались въ книгу, до того споряжену, и щобы каждый, приступающій до того товаришества, напередъ сповѣдался, запричащался, а ôттакъ обѣтовалъ, кто схоче, на мѣрность, а кто схоче, на цѣлковитое воздержаніе. За голосомъ нашихъ духовныхъ пôшло зразу дуже богато людей, по мѣстахъ и селахъ всюда обѣтовали, и богато было уже такихъ парафій, що присягли всѣ до одной души. Звычайно обѣтовалъ напередъ самъ священникъ, его жêнка, его родина, затѣмъ шли старшіи братья, дьяки и що-лучшіи газды, поволи за ихъ примѣромъ шли и другіи, и началось новое житье по громадахъ, перестали и бійки, и злодѣйства и всякое лихо, — люди стали людьми.

Никола. Ну, а чомужь теперь за то ничого не чути?

Онуфрій. Все заснѣтилось...

Никола. И якъ же то такъ сталось съ тѣмъ присяганьемъ?

Онуфрій. Такъ, человѣче, якъ Іисусъ Христосъ говоритъ въ Евангеліи святомъ: „Господарь посѣялъ доброе, здоровое насѣнье на своемъ поли, а въ ночи, коли человѣкъ спалъ, прійшолъ ворогъ и посѣялъ дурѣйку межь пшеницю.“ — Ты знаешь, якая то дурѣйка?

Никола. Нѣтъ, не знаю.

Онуфрій. Такая, якъ збôже, колосистая. Зъ разу, якъ она въ травѣ еще межь пшеницею або ôвсомъ, то ю не познати: збôже, та збôже, красное, густое, зеленое; ажь стане сыпатись, — побачишь, ба, не пшениця, ба, не овесъ, а колосъ выстрѣлитъ просто въ гору, а на немъ „зигзаками“ зерно, а на каждомъ зернѣ вусикъ! Намолоти такую пшеницю, намели муки, спечи изъ ней колачъ, попоѣжь, голова тя заболитъ и гей заворотъ въ ней! А якъ бы ты богато такой дурѣйки наѣлся, то и розболѣешся, а люди отъ ней часомъ хоруютъ, а и не знаютъ, що то отъ ней! Отже то въ святомъ Евангеліи пише, що Іисусъ говоритъ, що ворогъ на збытки тому человѣкови посѣялъ тую дурѣйку межи пшеницю. Ворогъ — то діаволъ, злый духъ, противникъ Божій. Священники наши учили: Люди, не пійте, бо піянство то ваша згуба, горѣлка корень всего злого, причина вашой недоли, и нужды и недостатку! И люди послухали и подумали: Святая правда! И выйшли изъ церкви, и мѣрковали собѣ дома, що то чистая, христіанская была наука, и стали радитись, идти до исповѣди и до обѣтованья. Но діаволъ подумалъ собѣ, що духовныи взялись розбурювати его царство, и онъ пôшолъ до головы по розумъ и сказалъ: Не буде такъ, щобы мое царство упало; есть у мене помочники, що пôйдутъ со мною сѣяти дурѣйку межь пшеницю,

и я переможу всѣхъ священниковъ и изъ той тверезости не буде ничого!

Никола. И доказалъ своего діаволъ?

Онуфрій. Правда, доказалъ, хотя не на долго, бо прійде часъ, и уже не далеко до него, коли народъ опамятаеся, и просвѣтится духомъ Божимъ и, якъ за помочію Божою выйшолъ изъ панской неволи, такъ выйде за помочію Божою и зъ гôрьшой еще, жидôвской, изъ неволи вельможной пани — горѣлки.

Никола. То вельможная панѣ?...

Онуфрій. Нынѣ она вельможная, бо скажи менѣ, що она не може зробити? Хоче кто убити человѣка, ближнёго своего, — безъ горѣлки не буде отваги; хоче кто кого подпалити, намовити до злодѣйства, — горѣлка помôчниця; безъ горѣлки не родится человѣкъ, не повѣнчаеся, не умре; безъ горѣлки не стане копа въ поли, ни копиця сѣна на долинѣ, ни стôжокъ на гумнѣ; безъ горѣлки не купишь, не продашь; она до всего первая, и при всêмъ загода и порада, и всѣ люди, и села и мѣста ей служатъ, на ню трудятся и працюютъ въ потѣ своего чела... По правдѣ, она вельможная панѣ, бо платимъ ей податокъ два-три разы бôльшій, якъ цѣсареви, та она бôльшую власть мае, и царство ей бôльшое, якъ самого цѣсаря!...

Никола. Такъ щожь сталось съ тѣмъ обѣтованьемъ? Розсказуйте дальше.

Онуфрій. Еще напередъ скажу тобѣ старую исторію о вельможной панѣ горѣлцѣ.

Коли мы изъ Польщи прійшли подъ Австрію, народъ нашъ былъ страшно бѣдный, разъ — про неволю, а другій разъ про — піянство. Цѣсарь Іосифъ оглянулъ нашъ край и застрашился, побачивши тую нужду народа, такую, якой не было въ

ніякомъ другомъ его краю. Поспыталъ онъ министровъ и урядниковъ своихъ, що то за причина такой убожины, а одинъ изъ нихъ, найвѣрнѣйшій ему, сказалъ: „Найяснѣйшій цѣсарю, Галичина была бы найбогатшимъ краемъ изъ всѣхъ твоихъ краевъ, бо есть въ ней земля хлѣбородная и паши богато, и лѣса, и соли, и желѣза, и всего, лишь треба народови науки, а наука не буде доти, доки по корчмахъ буде жидова, що дуритъ народъ, и розпоюе и отвертае отъ всякой науки, бо жидова лишь изъ темноты народа жіе!

„Хочешь, найяснѣйшій цѣсарю, выдобыти русскій народъ изъ той нужды, то напередъ заложи семинарію для священниковъ, щобы тамъ способящіися до стану духовного добре учились. и выдай заказъ, щобы въ ніякой корчмѣ не смѣлъ жидъ шинковати горѣлку! Якъ горѣлку возьмешь изъ рукъ жидôвскихъ, а выйдутъ изъ семинаріи свѣтлыи, ученыи священники, то наука розширится въ народѣ, народъ собѣ позакладае школы и поволи прійде до великого богатства.“ — Зробилъ Цѣсарь одно и другое. Заложилъ семинарію во Львовѣ и выдалъ такій декретъ, що въ ніякой корчмѣ не смѣе шинковати горѣлки жидъ. Старосты циркулярныи оголосили той декретъ по всѣхъ мѣстахъ и селахъ, а паны съ жидами стали радити: Що робити? Якъ мы пôйдемъ изъ корчемъ, якъ люди не будутъ пити, а где вы, панове, подѣете вашу горѣлку?

А давно не было такъ, якъ теперь, що желѣзницѣ всюда уже покладены и пара несе тягары по сто миль на день изъ мѣстця на мѣстце! То уже и цѣна збôжа и горѣлки николи не може быти такъ малая, якъ бывала давно, що панови зародилась пшеничка, и жито и все поскладалъ въ

стирты; прійшлось продавати на свои збытки, ба, не ма купця! — „Купуй, жидзье, пшениценъ!“ сказалъ панъ жидови въ мѣсточку. —„Герсти,“ — каже жидъ, —„а що я съ нею буду робити? Тутъ въ мѣстѣ и по селахъ каждый мае свою, а куда я ю повезу? До Львова? Ай вай, тамъ все засыпано изъ близкихъ селъ, а я буду фѣры наймати, щобы еще стратилъ?“

То хлѣба бывало полно, а збыти его не можна, бо то давнѣйше меньше было людей, поле спочивало, лучше родило, имѣлъ и священникъ, и мужикъ и я самъ памятаю, якъ привѣзъ человѣкъ чвертку (дѣлетку) жита и ходилъ по всемъ мѣстѣ, ніякій жидъ на него не хотѣлъ и дивитись, та ледво неледво перемѣнялъ за двѣ „гуски“ соли! Щожь съ тѣмъ збôжемъ было робити? Паны курили горѣлку, та горѣлка — хотя постояла въ кубахъ, а стирты мышва точила, та „гергелиця“... Накурилижь той горѣлки, треба ю было дома выпити, бо не было ни гостинцѣвъ, ни желѣзниць, щобы ю можно провадити где далеко, где она дорожша; за то паны съ жидами пхали ю, где могли, и не тôлько що жидъ подохочовалъ народъ до піянства, а еще таки на силу людямъ горѣлку накидали!

Якъ выйшолъ той декретъ отъ цѣсаря Іосифа, щобы такъ, якъ нынѣ въ цѣлой Россіи есть, въ ніякой корчмѣ жидъ не смѣлъ шинковати, страхъ пôшолъ по жидахъ и по панахъ и они стали радитись, що робити? И такое урадили: Жидъ мае быти въ корчмѣ, такъ якъ былъ, лишь мае довѣдатись, коли циркулярный комисаръ выѣздитъ на села на ревизію. Тогды жидъ сховался, а при шинкфасѣ станулъ христіанинъ-шинкарь, той, що въ сабашъ жида заступае. Жидова изъ циркуляр-

ного мѣста, вывѣдавшись, который комисаръ куда ѣде, дае бывало знати жидамъ по корчмахъ. Одинъ жидокъ звычайно сѣлъ на коня и переѣхалъ по всѣхъ корчмахъ, за що ему арендари заплатили, лишь сказалъ: Завтра або позавтра туда буде переѣздити комисаръ, або и самъ староста. И по правдѣ, ѣде комисаръ, або староста, вступае до корчмы: А кто тутъ шинкуе? Я, повѣдае нанятый шинкарь. Комисаръ, хотя и зналъ, що и якъ есть, но ему байдуже было въ то входити, коли онъ вступилъ до пана, и панъ его погостилъ и за нимъ изъ двора пôшла еще фѣра съ сернами, заяцями, полтями солонины, шинками и всячиною!

Такъ на паперѣ стояло и до Вѣдня писали, що въ цѣлой Галичинѣ не ма ни одного жида на корчмѣ, а по правдѣ, не было ни одного христіанина! То дѣялось еще и за небощика цѣсаря Франца, и я самъ намятаю, якъ тѣ комисары ѣздили ревидовати корчмы, якъ тѣ шинкари наймались до такой брехни. Досыть, шо цѣсарь, хотя якую власть малъ, не мôгъ переперти своей доброй воли, а горѣлка осталась въ рукахъ жидôвскихъ, — острый мечъ на погубу нашого народа!

Выступало наше духовенство противъ піянства духовною наукою, но народъ не всюда слухалъ доброй науки, а наука арендаря лучше шла до сердця. Корчмы множились по мѣстахъ, дорогахъ и селахъ, а чѣмъ бôльше ихъ муровали, чѣмъ бôльше аренда шла въ гору, тѣмъ бôльше множилась межь народомъ нужда, лихіи обычаи, ба, злодѣйства и всякіи грѣхи! Тогды уже не было ни кôнця, ни мѣры піятицѣ, коли якъ голосъ изъ неба розбшлась помежь люди чутка о товаришествахъ тверезости и мѣрности коли священники

стали учити народъ о пропасти, надъ которою стоитъ, и заохочати до обѣтованья...

Никола. Та бо уже, кажете, що люди обѣтовали, и що были такіи парафіи, где всѣ зареклись горѣлки. А теперь гдесь не чути за то нищо...

Онуфрій. Я тобѣ все розскажу, лишь слухай уважно. — Власне теперь маю тобѣ казати, для чого тая мѣрность и тіи товаришества не долго тревали, и якъ то сталось, що діаволъ своего доказалъ противъ консисторіи и духовенства.

Еще передъ тѣмъ американскимъ духовнымъ, що первый запровадилъ товарищества мѣрности, были межь нашими священниками такіи, що сами трунковъ не уживали, бридились піянствомъ, мали его за найбольшого ворога народа и всѣми силами противъ него учили и до тверезости накланяли. Такій былъ и нашъ о. Левицкій, но еще лучшій былъ его сынъ Александръ, мôй ровесникъ, що мы зъ дитинства съ нимъ дуже любились, бо разомъ мы ходили до Леоновича небощика до школы, на одной лавцѣ сидѣли, бывало всегда вразъ играемся, и такъ мы до себе привыкли, що бывало одинъ безъ другого мы одного дня не могли быти. Александръ пôшолъ до школъ во Львовъ, я остался дома, лишь у дьяка доучовался Псалтири та церковного устава, но коли бывало пріѣде на свята або вакансъ до дому, то уже я противъ него иду на гостинецъ и мы уже оба пріятели маемъ бывало о чѣмъ говорити, и маемъ куда пôйти, и уже не попускаемся одинъ другого, ажь доки онъ зновь не сяде, та не поѣде во Львовъ до школъ.

Ну, долго бы тобѣ повѣдати, якъ мы якъ братья любились, якъ мы ходили на рыбы, та на птахи, а коли мы уже изъ дитинныхъ лѣтъ вый-

шли, якъ бывало робимъ при господарствѣ, въ стодолѣ, на огородѣ, на поли, якъ онъ менѣ изъ книжокъ бывало все розсказуе, що часомъ и до пôлночи пересидимъ, та читаемъ, та балакаемъ. Досыть, що Александръ уже пôшолъ до семинаріи, уже и скôнчилъ богословіе, та уже малъ ѣхати женитись. Пріѣхавши тогды до дому, не гордилъ онъ мною, своимъ давнымъ пріятелемъ, та бывало ходимъ до рѣки купатись, та громадимъ сѣно, то що, бо Александръ не стыдался ніякой роботы.

Одного разу — была то днина горячая; выкупались мы ранкомъ, та идучи до дому, сѣли мы на тôмъ горбку, где той крѣслатый дубъ за церковью. Ôттамъ видно цѣлое наше мѣсто и приселки.

— Красный ты, Божій свѣте, — зôтхнулъ небощикъ, — кобы люди такіи добрыи были, якъ ты, свѣте красный та милый! А люди не варты того веего, що Богъ для нихъ изготовилъ такій рай, та одинъ другого ненавидитъ, одинъ другого кривдитъ, одинъ другого пожерае, якъ щупакъ меньшіи рыбки... Чи такъ, Онуфрій?

— Вѣдай оно такъ, — повѣдаю.

— Видишь той будынокъ, що тамъ стоитъ?

— То горальня, кажу.

— То фабрика людской нужды и горести, фабрика всякихъ грѣхôвъ!

— Якъ то?

— А такъ. Народъ, якъ тіи муравли, працюе, ночей не досыпляе и ничого не мае, бо горѣлка бере, якъ которому человѣкови, и половину его працѣ, а где-который все, що мае, отдае ей, а якъ не стане, то и чужого не пошануе! Ôтти грѣхъ и ганьба! Отъ горѣлки все лихо у насъ робится, и доки нашъ народъ не оттягнеся отъ піянства,

доти не буде у него добра, а буде вѣчнымъ невольникомъ. Чи ты пьешь горѣлку, Онуфрій?

— Чому? пью...

— Я не пью. А знаешь, чому я не пью?

— Чому?

— Бо я еи ненавижу, бо вижу бѣдныи дѣти голыи, босыи, нехлюйныи, голодныи, бо вижу не одну сироту подъ чужимъ плотомъ, бо тато еи все пропилъ и марно пôшолъ изъ сего свѣта... За то я ю не навижу, за то я ю въ руки не возьму; мое тѣло ю не прійме, такъ якъ злодѣя, розбойника не прійму въ хату, бо онъ не вартъ у мене гостити.

— Александре, кажу я, коли ты не пьешь, то и я еи но буду пити отъ нынѣшнёго дня.

— Не будешь? Не будешь?

— Не буду!

— То ты мôй вѣрный пріятель и пріятель самого Бога! А дивись, якій сей красный, синенькій цвѣтъ, съ жолтымъ осередочкомъ, съ бѣленьлимъ пылочкомъ. Якій онъ красный, якій здоровый, чистый, бо онъ изъ матери-земли ссе чистую воду, напоюеся чистою водою росы и дощемъ; такъ и человѣкъ чистый и красный передъ Богомъ, що даръ Божій, розумъ свой, сумлѣнье свое, душу свою шануе и удержуе въ цѣлости и чистотѣ, не убивае тіи дары Божіи мерзеною, чортовскою горѣлкою. То ты, Онуфрій, не будешь уже пити горѣлки? поспыталъ мене еще разъ, и мило поглянулъ на мене, стиснувши менѣ руку.

— Нѣтъ, не буду, я сказалъ тобѣ разъ слово и уже не буду.

— Но тебе будутъ намовляти...

— Я не послухаю.

— Тебе будутъ силовати...

— Рукъ менѣ чей не звяжутъ, а не насыплютъ въ ротъ.

По правдѣ, отъ того дня я еи уже въ ротѣ не малъ и, якъ сталъ газдовати, выповѣлъ я ей мѣстце въ моей хатѣ. Я ю маю также за ворога такого и такъ ю ненавижу за ганьбу, кривду, темноту и грѣхи моего любимого народа, якъ ю ио правдѣ ненавидѣлъ Александръ.

Никола. Ну, а щожь дальше было?

Онуфрій. Розойшлись мы, якъ люди росходятся, одинъ на всхôдъ солнця, а другій на западъ, но сердцемъ мы не переставали любитись, та не было дня, щобы я не згадалъ моего первого пріятеля. Онъ оженился, высвятился и досталъ парохію гдесь далеко, при Днѣстрѣ. Несчастливый то былъ человѣкъ, а за то несчастливый, що любилъ правду, и правою дорогою ишолъ, и съ той дороги збитись не далъ ничѣмъ, и не любилъ кланятись безчестнымъ, гордымъ людямъ. Въ молодыхъ еще лѣтахъ загрызли его вороги и померъ въ недостатку, лишивши вдову и пятеро сиротъ, — но Господь якось памяталъ о нихъ и они всѣ якось повыходили на людей. Такъ нагородилъ Господь дѣти за праведныи дѣла отца. Передъ смертію писалъ до мене письмо и я его сохраняю на памятку. Коли буду кончити его исторію, дамъ тобѣ тое письмо перечитати.

Никола. А онъ давно померъ?

Онуфрій. 1838 року, коли тогды забрался на свою парохію за Днѣстеръ, не бачились мы шêсть лѣтъ. Ажь тутъ отдавалась внука-сирôтка отъ доньки небощика Андрея Левицкого, а его сестры Минодоры, то небощикъ Александръ пріѣхалъ былъ тогды на весêлье. Была то ранняя осêнь, время погодное, саме подъ полню мѣсяцеви.

По слюбѣ гости забавлялись, играли, танцювали, спѣвали, якъ то обычай у насъ былъ, а небощикъ взялъ мене за руку, та пôшли мы за церковь, подъ того дуба, що знаешь. — Тамъ мы собѣ посѣдали, звычайно, якъ пріятели отъ дитинныхъ лѣтъ та вотъ якъ мы собѣ балакали:

— Я былъ бы тебе, Александре, и не позналъ, такъ ты змѣнился! Або ты слабовалъ тяжко, або що?

— Слабовалъ, брате и пріятелю мôй, и слабую всегда на сердце. Нынѣ свѣтъ такій, що лишь тѣ люди жіютъ, що сердця не маютъ, а менѣ Богъ далъ бôльше сердця, якъ треба, та за то я несчастливый. Бѣдую, тяжко бѣдую...

— Бѣдуешь, а я собѣ думалъ, що ты жіешь якъ въ раю. Тамъ по-за Днѣстеръ такіи красныи, веселыи стороны, земленька добрая, хлѣбородная, пашнистая, та якъ то може быти, щобы ты бѣдовалъ?

— Послухай, а розскажу тобѣ. Бо то собѣ думаете, що не ма счастливѣйшого человѣка, якъ священникъ; и я собѣ такъ думалъ, доки я еще свѣта не зналъ, а теперъ я иначе все вижу, якъ перше. Знаешь, я уже на на другой парохіи!...

— Та чому?... Не сподобалась, тобѣ тамъ-тая первая?

— Менѣ всюда сподобалось, но не дадутъ быти тамъ, где сподобалось, а женутъ изъ мѣстця на мѣстце, и теперь вѣдай уже такъ треба буде долго блукати, закѣмъ голова мѣстця собѣ найде, бо мене паны уже взяли на языки, а знаешь, мы священники въ ихъ рукахъ...

— А то за що они загнѣвались?

— Розскажу тобѣ все порядкомъ. Коли мене призначили на мою первую парохію, коли я тамъ

пріѣхалъ и оглянулъ все; церковь и будынки, и огороды, и грунты, и познакомился съ людьми, молилъ я Господа Бога: „Боже, якъ воля Твоя святая, дай менѣ тутъ и кости мои сложити. Я не хочу великого богатства; я лишь хочу жити для моихъ парохіянъ, щобы имъ быти проводникомъ до всего доброго, а земленька тая и щирый трудъ ихъ для мене выживитъ мене, и не дасть менѣ бѣдовати!“ Пôшолъ я съ жѐнкою представитись панови дѣдичови. Онъ принялъ мене якъ рôдного брата, такъ мило, такъ щиро, и сказалъ, щобы я во всемъ, що буду потребовати, до него удавался. Сейчасъ наказалъ лѣсничому, щобы менѣ выдавалъ изъ лѣса, що я потребую, и на опалъ, и на матеріялъ, ба, за кôлька дней дивлюся, — панскіи плуги орютъ, засѣваютъ и волочатъ мое поле. Господи! со слезами я зôтхнулъ, то менѣ тутъ лишь жити межь такими добрыми людьми, съ такимъ солодкимъ паномъ! Не за долго прійшолъ панъ до насъ въ гостину, оглянулъ все, що намъ не стае, побалакалъ, забавился, зновь обѣцялъ панъ на доробку свою помочь, лишь при кôпци стиснулъ мене за руку та повѣдае: „Рука руку мые.“ Сего слова я не мôгъ поняти, та мимо пустилось, а мало оно свое значеніе. На другій день приходятъ муляри, оглядаютъ нашу хату, ба, берутся до роботы, перестроили намъ хату красно, где що треба было, все прійшло до порядку. Моя жена уже що другій-третій день иде до двора, такая, бачишь, щирая пріязнь, якъ не може быти щирѣйшая! Моя худоба, що я дôталъ по женѣ, и кони и все, на панскомъ пасовиску, гладкое, красное, здоровое, по самыи колѣна ходитъ въ травахъ, ажь душа радуеся дивитись, якъ оно иде,

выбрыкуючи. Отъ що менѣ хибовало? Ни що! Рай, та рай!

Но, розглянувшись по парафіи, ба, бѣда! Никто не знае ни креста святого на себе положити, никто не знае „Отченашу“, ни заповѣдей Божихъ; одна горѣлка, вельможная панѣ, розложила свое панство въ каждой и найменьшой хатинѣ. Прійде Недѣля, мало кто иде до дому Божого, а уже отъ ранку корчма полна... Отъ полудня уже и не перепхаешся: музыка грае, гульки, спѣвы, сварка, бôйка и справы, а всѣ справы судитъ вôйтъ и присяжный: на тôлько а тôльло гарнцêвъ горѣлки. Арендарь, съ широкою и долгою бородою, ходитъ якъ якій царь въ атласовомъ жупанѣ; у него серебро, и золото, и колачи и мясо, а народъ хлепче борщъ и квасъ, та запаморочивши голову тою парухою, забывае о томъ, що онъ человѣкъ! Якъ цѣлый алькиръ, то самыи заставы; гніе людская праця за тую паруху, а народъ не може самъ собѣ ростолковати, чому то такъ? И каждый думае и говоритъ, що такъ муситъ быти, що инакше быти не може...

Уже на первой моей Службѣ Божой, въ Недѣлю, я заповѣлъ Вечерню и науку. Перезвонили, — не ма никого, лишь одинъ старшій братъ, и дьякъ и паламарь. На що вамъ, духовный отче, мучитись, повѣдае старшій братъ до мене добродушно; тутъ народъ до того не привыкъ, бо у насъ що Недѣли и що Свята грае музыка то вся челядь въ корчмѣ. На другую Недѣлю я зновь заповѣдаю Вечерню и науку; зновь не ма никого лишь одна дѣвчинка. Добре, що есть хотя одна. Учу одну... Дѣвчинка съ утѣхою пôшла до дому, що уже знала красно перекреститись и научилась чисто вымовити молитву „Царю небесный.“ На третью Недѣлю уже шестеро,

на четвертую уже дванадцятеро, на пятую уже половина церкви! Учу, сердечно учу, и челядь слухае съ охотою и отповѣдае менѣ красненько. Тѣшусь, якъ бы не знати чѣмъ, и въ душѣ менѣ весело, веселѣйше, якъ бы менѣ кто далъ не знати якую суму! Но не долго тревала моя радость. Той самой Недѣли была моя жена въ дворѣ. Прибѣгае жидъ изъ корчмы, Янкель, зздыханный, просто иде до пана... „Вельможный панъ не знае, що ту робится, чого не бывало, то страхъ, тфу! Я аренду плачу, я музыку плачу, а всѣ люди идутъ въ церковь! Того не бывало, новая якая-то установа! Якъ такъ дальше буде, то аренда не буде варта и половины тѣхъ грошей, и я, и вы, пане, сойдемъ на капцанôвъ. На що то хлопа учити? Ахъ, шлямазель!“

— Таже маешь, Янкель, сêмь дней въ Недѣли, то за тую годину-двѣ не богато тобѣ упаде! повѣдае панъ.

— Вельможный панъ, повѣдае Янкель, склонившись, нивроку, розумный, та знаютъ, що та година въ Недѣлю у мене вартнѣйша, якъ тамъ-тѣхъ шêсть дней! Якъ та година менѣ упаде, то аренда, — еще разъ на сумлѣнье кажу, — не варта и половину тѣхъ грошей!

— Ну, ну, повѣдае панъ, успокойся, якось то буде, я побесѣдую съ ксендзомъ.

— Най панъ побесѣдуе, бо то не жартъ, — такая установа.

Жидъ ôтойшолъ, та тогды стала въ дворѣ о томъ бесѣда, що по правдѣ Янкель богато може стратити, а аренда — то чистый доходъ дворскій на 2000 зр. На що то хлопа учити? Онъ такъ долго добрый, доки неученый; якъ хлопъ выучится, тогды уже не послухае онъ ни пана, ни священ-

ника, розлѣнивится, та ни панови не буде добре, ни священникови, ни ему, хлопови самому! Такъ говорилъ панъ и панѣ и еще якій-то тамъ гость, и моя жена сама на то потакнула. Стало отже на томъ, щобы жена сказала менѣ, щобы я на науку уже не казалъ звонити, а мене запрашаютъ на Недѣлю по полудни на карты.

Приходитъ жена и розсказуе менѣ то все. Такъ на другую Недѣлю, повѣдае, пôйдешь на карты?

— Нѣтъ, повѣдаю, не пôйду, не могу пôйти.

— Пôйдешь на науку?

— Пôйду.

— А знаешь ты, чѣмъ то пахне?

— Знаю. Утратою панской ласки! И по правдѣ, намъ добре съ тою панскою ласкою. Но скажи менѣ, люба, для чого я тутъ? Чи на то мене тутъ поставили, щобы народъ удерживати въ темнотѣ, въ неморальности, въ дикихъ, поганыхъ обычаяхъ, во всякихъ мерзкихъ грѣхахъ, — чи на то, щобы я его выдобылъ изъ той темноты, щобы я ему показалъ, якій онъ мае быти, щобы былъ человѣкомъ не скотиною, щобы жилъ для себе, не для пана и жида?

Жена на тіи слова заплакала и заломила руки: „О, то уже будемъ несчастливы! То уже мы пропали!“

По правдѣ, еи сердце перечуло то, що уже будемъ несчастливы! Но я иначе мыслити, иначе говорити, иначе дѣлати не мôгъ.

— Моя Мариню, повѣдаю ей, не плачъ, Богъ Батько! Не тôлько свѣта, що въ окнѣ... Я вижу уже, що я тутъ не буду, но есть еще у насъ паны не такіи доробкевичи, якъ нашъ, а паны изъ панôвъ, що инакшіи у нихъ, благороднѣйшіи сердця, то

гдесь найдеся для насъ другая парафія; а знаешь, я цофнутись не могу, бо то мене убило бы. Я бы уже не имѣлъ ока въ моей парафіи, я бы уже стыдался каждой малой дитины, що я для панской ласки вырѣкся моего святого обовязку...

— Другіи жіютъ съ панами и добре имъ съ тѣмъ...

— И я хочу жити, но если я не мѣшаюсь до его панскихъ справъ, то онъ менѣ въ церкви не може диктовати ничого. Буди Божья воля, и я уже знаю, що изъ великой дружбы прійде великая вражда.

— И щожь мудрого сдѣлаешь? Панъ выставитъ парафію на конкурсъ, другому дасть презенту, тебе кинутъ где въ якую мизерную капелянію, паны возьмутъ тебе на зубы, та и посивѣешь, а парафіи не достанешь!

— Все вижу, що такъ буде, но скажи менѣ, люба, чи той народъ нашъ русскій, чи тѣхъ 1300 душъ моихъ парафіянъ сотворивъ Богъ для жидовъ и пановъ, чи на то онъ жіе, той мôй парафіянинъ, щобы его горло раховалъ жидъ и панъ до своихъ певныхъ доходовъ, щобы онъ не зналъ ничого высшого, ніякой утѣхи духовной, лишь одно терликанье корчемной музыки и одну горѣлку, яко найвысшую утѣху?! И я маю дивитись на то и сказати: „Такъ, ты не человѣкъ, ты и не знай о томъ, що ты христіаниномъ?!“

Но тѣми всѣми словами я не переперъ моей жены. На другій день съ плачемъ она сѣдае на брычку и ѣде на скаргу до своего тата, а моего тестя. Во вторникъ пріѣздитъ тесть и швагеръ, берутъ мене въ два огни. Тесть, старый практикъ, повѣдае менѣ: „Александре, таже мы всѣ то знаемъ и то чуемъ, що ты! Но на то есть розумъ! Примолчи троха, доки не достанешь презенту; якъ

презента буде въ рукахъ, а тебе уже изъ ôтси никто не буде мôгъ выгнати, тогды сдѣлаешь собѣ, якъ будешь мѣрковати, а теперь благоразуміе каже: присядь тихонько.“ До того повѣдае швагеръ: „Ну, и щожь докажешь? Тôлько, що на твое мѣстце прійде такій, якій былъ передъ тобою, и народъ якъ былъ темный, такъ еще гôрше темнѣйшій буде; якъ пилъ, такъ пити буде, а ты погубишь себе, а другому, якому може недостойному, дашь красный кусникъ хлѣба.“

Такъ мене обертали, такъ мене мучили, що я имъ обѣцялъ, идти до двора на карты. Они поѣхали, жена успокоилась и уже все добре. Лишь менѣ щось тяжко на сердцѣ, якъ млынскій камень...

На другій день рано, кто приходитъ? самъ панъ Янкель! Особа поважная, якъ мало коли я такого жида видалъ. Сталъ въ порозѣ, склонился и змѣрилъ мене очима отъ стôпъ до головы.

— Що тамъ скажете нового? поспыталъ я его чемно.

— Я называюсь Янкель и держу тутъ аренду уже, нивроку, 30 лѣтъ... Я былъ у пана и панъ красно вамъ кланяеся, ксенже пробощу, и проситъ, щобы вы новой установы не установляли.

— Якой новой установы?

— Ну, за тую науку... Я черезъ то маю великую утрату, а не такъ я, якъ панъ, бо знаете, аренда несе панови 2000 зр., а якъ хлопъ уже збаламутится и не прійде собѣ забавитись въ Недѣлю, то зъ ôтки потягнути такую суму?

— А вы, жиды, що робите въ сабашъ? Чи идете также до корчмы пити и гуляти, чи читаете книжки и учитеся?

— Ай вай, егомосць, нивроку, мудрый человѣкъ, та рôвнаютъ насъ до хлопа! Що жидъ, то

жидъ, то деликатный народъ, — а хлопъ, то, знаете, худоба! Вы его не научите, бо его на то Панъ-Бôгъ не сотворилъ.

— А на щожь его Панъ-Бôгъ сотворилъ?

— На то, щобы робилъ и панови и вамъ. Отъ, якъ небощикъ, що передъ вами былъ, николи не училъ, а якій, нивроку, маетокъ имѣлъ!

— Онъ имѣлъ маетокъ, и вы имѣете, а народъ весь за то бѣдный.

— Ну, а на що вамъ богатого народа?! Хлопъ лишь тогды добрый, якъ бѣдный, бо онъ тогды кланяеся и зробите съ нимъ, що хочете. Якъ бы онъ, борони Боже, былъ богатый, чи пôшолъ бы онъ вамъ робити? То тôлько добра для васъ, що народъ бѣдный и що любитъ горѣлку! За ту одну горѣлку онъ вамъ и выоре, и заволочитъ, и скоситъ, и зôжне, и змолотитъ и все.

Прійшла на то жена, та сѣпнула мене за рукавъ. Я выйшолъ съ нею до другой комнаты, она поглянула на мене сердечно, та повѣдае: „Я уже вижу, що ты съ Янклемъ начинаешь непотребную бесѣду. — Не забудь, що ты казалъ вчера. Примолчишь, присядешь, ажь поки не буде презента въ рукахъ.“

— Не бôйся повѣдаю, я уже такъ гадаю робити.

Выйшолъ я до Янкля и повѣдаю ему: „Ну, ну, идѣтъ, уже я буду у пана.“

Янкель склонился и пôшолъ.

Того самого дня зголосилась пара молодятъ до вѣнчанія. Казалъ я имъ приходити на молитву и принести карту изъ доминіи. Бо то давнѣйше безъ панского позволенья не можно было вѣнчати пôд данного.

Вечеромъ приходитъ до мене отецъ молодого кланяеся та повѣдае: „Я прійшолъ сказати, егомосць, що може не буде изъ того ничого, бо не ма еще згоды съ Янклемъ.“

— Якой згоды?

— А за горѣлку, повѣдае человѣкъ.

— Подорожѣла, чи що?

— Нѣтъ, егомостеньку, не подорожѣла, но Янкель богато отъ мене правитъ! Ажь 50 гарнцêвъ! А я бѣдный человѣкъ. Не ма на то ни грошей, ни що продати. Есть одна корова, но теперь худоба дешева; якъ бы ю продати, не стане на Янкля. А маю и пару бычкôвъ, то не могу продати, бо я роблю панови тяглую роботу.

— Ну, та на щожь тобѣ 50 гарнцêвъ? Возьми два-три, та буде досыть!

— И я бы такъ казалъ, ба, коли карты не дадутъ!

— Та якъ?

— Вчера былъ я въ дворѣ, то казали идти до Янкля и принести отъ него картку съ печаткою, що съ нимъ есть уже згода, стôлько горѣлки возьму. Бо тутъ такій звычай. Я прійшолъ до Янкля, а онъ менѣ задиктовалъ 50 гарнцêвъ! Що я его просилъ, що плакалъ, и я, и жêнка, и сватъ ничого не поможе: 50 и 50, и ни одного не спустилъ!

— Такъ? То иди, проси его еще...

— Не поможе, егомостеньку, не поможе! Я не то его просилъ, я ему до нôгъ упалъ, щобы щобудь спустилъ, но Янкель твердый, лишь посмѣхался, и всѣ жиды посмѣхались.

— Га, человѣче, а щожь я тобѣ поражу? Безъ карты я не могу вѣнчати..

— Охъ, доленько наша несчастливая! сплакалъ человѣкъ, поцѣловалъ мене въ руку и пôшолъ.

Онъ сплакалъ и менѣ покотились слезы по лицѣ. „Тая неволя! О, бѣдный ты народе мôй, доки ты будешь такъ терпѣти?!..

Приходятъ на другій день молодята на науку. А есть карта? пытаю ихъ.

— Охъ, есть, повѣдае паробокъ, продали корову, та не стало, то еще заставили корали! Теперь мама плачутъ, на весêлье будутъ безъ коралей. Такъ плачутъ, такъ заводятъ, що тамъ въ хатѣ не можно удержатись. Та щожь было робити?

Прійшла — Недѣля, уже не заповѣдаю на Службѣ науку, но по Службѣ люди сами допытуются. Я повѣдаю имъ, що я нынѣ запрошенъ до двора. Богъ одинъ знае, що дѣялось въ моей душѣ! Но щожь было дѣлати?

По полудни иду съ женою на карты... Панъ витае мене еще сердечнѣише, якъ перше, — подвечерокъ, карты, веселыи розговоры, а менѣ всегда на думцѣ тая карта, и той Янкель и то, якъ бѣдный нашъ человѣкъ, на своей питомой русской земли, газда въ своей хатѣ, падае до нôгъ зашедшому отъ свѣта нехристови-жодови, и той еще посьмѣхаеся и ругаеся; якъ бѣдный человѣкъ единую корову, що цѣлую родину, якъ мати, молокомъ кормила, муситъ гнати на торгъ и давати ю за пôлдармо, якъ жêнка послѣдній кораликъ, на который працювала цѣлое житье свое, щобы тѣмъ кораликомъ украсити свою женочую подобу, муситъ нести до Янкля за тую мерзеную паруху, — за то, щобы Янкель и панъ пановали!...

— Щось ксендзъ пробощъ невеселый, повѣдае панъ по польски, бо тогды по польски все говорилось.

— И я уважаю, повѣдае панѣ, що ксендзъ пробощъ чогось не свôй; чи може що троха нездоровъ?

— Катаръ, нежитъ, повѣдае жена моя, а я сижу на креслѣ, якъ на горячой грани.

— Прецѣ лучше тутъ бавитись съ нами, повѣдае панѣ, якъ тамъ здоровье собѣ збавляти съ хлопствомъ. А то быдло! Они не до науки! Ксендзъ пробощъ рады бы зъ разу изъ нихъ зробити людей, но то даремная праця!

Я на то ничого не отповѣдаю, но чую, що менѣ кровь бье до головы, а сердце якъ молотомъ толче въ груди...

Такая была моя забава... Вечеромъ прійшли мы до дому; изъ мене не могла жена ни одного слова добыти. Менѣ стыдно было, що я, яко пастырь, стадо мое покинулъ, обовязокъ мôй залишилъ и пôшолъ тамъ, где инакшій свѣтъ, инакшіи понятія о Бозѣ, о человѣцѣ, о моемъ народѣ сердечномъ. Я перевертался на моемъ лôжку до самого рана и не зажмурилъ ока: такъ въ моей головѣ якъ въ якомъ млынѣ шумитъ, свище, горячка палитъ; встаю, ба, ходити не могу. Такъ одинъ другій, третій день хожу, ничого менѣ немило, самъ себе брижуся...

Приходитъ субота. Вбѣгае до мене человѣкъ, отецъ того молодого, заплаканный, задыханный:

— Охъ, духовный отче добродѣю, великое несчатье! Що мы несчастливыи почнемъ?

— Ну, що такого?

— Та знаете, що уже я згодился на 50 гарнцêвъ съ Янклемъ, та далъ ему гроши, и корали заставилъ, и взялъ горѣлку въ бочцѣ, привêзъ до дому, та поставилъ на легарахъ въ коморѣ, та, якъ то знаете, поклалось на ню где мѣшки, где

полотно, где одежа якая, такъ що цѣлую бочку прикрылось. Стоитъ она собѣ такъ отъ вторника; чуемъ, щось ю чути въ хатѣ Що чути? Та якъ не мае быти чути, коли есть? Та и не дивимся, ажь нынѣ жѣнка иде за хату подбѣлювати, ба, и за хатою чути ю, она иде за тѣмъ нюхомъ, а тутъ нога вгрязла въ болото, а то не болото, не изъ воды, а изъ горѣлки! Мы до коморы, до горѣлки, а горѣлки не ма! Жидъ невѣра далъ бочку съ червоточиною, выцѣдилась мало не вся и въ ямку поподъ платву, та на двôръ, та теперь що хочь роби!

— Ну, кажу, та щожь я поражу?

— Та щобы завтра молодыхъ звѣнчати, бо до решты выбѣгне! Мы замастили то лоемъ, то попеломъ, то що кто казалъ, а то тече та тече... Ходилъ я до Янкля, кажу ему, що онъ сдѣлалъ, а онъ менѣ повѣдае: „Треба было свою добрую бочку дати, коли моя недобрая!“ Та еще посмѣхуеся и повѣдае, що менѣ карты не дадутъ, еще треба добирати горѣлки!

— А вы же не маете карты?

— Обѣцяли дати, однако не дали...

— Ну, то якъ же буду вѣнчати? Хотя бы и карта была, не могу вѣнчати, бо завтра то лишь вторая заповѣдь буде, увôльненья отъ заповѣди не дôстанете, бо нынѣ субота, а до циркулу 6 миль. А тамъ для горѣлки увôльненья не дадутъ, муситъ быти важная причина. Но, идѣтъ по карту. А за горѣлкою не бануйте, стратили вы корову и гроши, та уже най бѣда счезае, а меньше буде пiятики, меньше грѣха...

Человѣкъ взялся обѣручъ за голову и пôшолъ съ плачемъ. Вечеръ приходитъ зновь, карты не ма, казали добирати еще 10 гарнцѣвъ горѣлки! Мене то укололо до живого. На просьбу человѣка я напи-

салъ письмо, щобы змиловались надъ нимъ и дали карту. Изъ двора прійшла ôтповѣдь короткая: „Моими пôдданными прошу не опѣковатись. До ксёндза належитъ вѣнчаніе, до доминіи карта!“ Еще двѣ овечки пôшли на горѣлку, но я уже ôтъ того часу не былъ въ дворѣ. Худобу мою завернули изъ панского пасовиска, изъ млына завертали мливо, хотя менѣ належалось, дрова изъ лѣса давали що найгôршіи, въ недоступныхъ ярахъ. Худоба стала пригибати изъ голоду, на пашу я изъ послѣднёго тягнулся, всякіи збытки менѣ робили, и по двохъ рокахъ послѣ того, якъ я тамъ насталъ, поѣхалъ панъ до митрополита, та сказалъ, що я народъ бунтую; мою парафію выставили на конкурсъ и презенту получилъ такій, о которомъ напередъ Янкель выѣдался, що то „розумный“ человѣкъ! По правдѣ, былъ то розумный человѣкъ... Но що о томъ богато говорити? Мы мусѣли уступати въ пôздней осени, въ самую Пилипôвку, въ болотню, въ слоту. Рѣчи наши поперемакали и я перестудился; ôтъ тогды кашляю и кашляю и здоровья уже не маю. На новомъ нашомъ мѣстци засталъ я пустыню; хата непокрыта, похилена отъ старости, будынка ніякого, такій ладъ и въ парафіи: піянство и злодѣйство. Отъ, Онуфрій, бѣдую, тяжко бѣдую...

Такъ менѣ говорилъ небощикъ тогды подъ дубомъ на горѣ; и мене за сердце стиснуло, коли я видѣлъ, що такая чистая душа за свой народъ столько терпитъ! Оттамъ знову его рушили и шêсть разъ переволѣкался, и зруйновалъ свой маетокъ и здоровье. — Нарештѣ, по 15 лѣтахъ душпастырства, дали ему камеральную парафію въ горахъ. Тамъ лишь бы уже разъ на мѣстци спочати, но

прійшла — смерть. Вотъ, читай его листъ, що менѣ писалъ неббщикъ передъ смертію.

Никола (читае):

„Милый друже!

„Коли будешь читати тое письмо, вѣдай я буду уже въ лучшомъ свѣтѣ, где ни паны, ни жиды, ни горѣлка мене не досягнутъ... Много я перетерпѣлъ на свѣтѣ, но не каюсь, що я служилъ Богу и ближнимъ моимъ, хотя призабылъ о моихъ дѣтяхъ. Маетку не оставляю имъ, но одно лишь мое благословеніе, щобы они служили народови своему вѣрно и щиро и приводили его до познанья правды такъ, якъ я ему служилъ. Правда, що силы мои были за слабыи, а царство темноты и грѣха сильнѣйшое, — но прійде часъ, що счезне неволя и темнота, народъ познасть волю Божью, и себе познасть, умудрится, отверезится и добьеся своей славы и своего добра! Якъ за тыждень не дôстанешь отъ мене письма, то помяни душу мою, бо то буде знакъ, що тѣло мое буде уже въ могилѣ!

„Цѣлую тя сердечно и благословлю твою жену и твои дѣти. „Твой во вѣки:

„Александръ.“

По лицѣ Онуфрія покотились рясныи слезы, чистыи и щирыи, якъ чистая и щирая была любовь, що звязала тѣхъ двохъ честныхъ людей на вѣки. Якій-то часъ не могъ Онуфрій дальше говорити, а и Никола сплакалъ собѣ. По хвили опамятался старичокъ и повѣдае:

— Каждого разу, коли читаю тое письмо, мушу сплакати. Но мы говоримъ и Богъ знае, куда бы мы зайшли съ тою бесѣдою, — а мы маемъ говорити о мѣрности и тверезости. Такъ знаешь, чому у насъ товаришества мѣрности и тверезости не удержались, хотя отъ консисторіи былъ наказъ,

и священники, хотя не всѣ, правда, однако по найбôльшой части, мали добрую волю выдобыти народъ изъ той страшной неволи — горѣлки?

Никола. Нѣтъ, не знаю.

Онуфрій. То для того, любко, що наказъ той отъ консисторіи прійшолъ еще за панщины, коли паны мали право и до людей и до священниковъ, и люди не мали своей воли и мусѣли пити. Якъ который священникъ щиро взялся до обѣтованья, то такую бѣду собѣ зачêпилъ, якъ небощикъ Александръ, що его заѣли. Правда, що не всюда оно такъ было, бо бывали и добрыи паны, що не робили такихъ нечестей, и добре обходились съ народомъ и я самъ знаю такихъ, що не дбали о тую пропинацію, не подступали жидамъ аренды, сами наставали на то, щобы народъ учился въ церкви и въ школѣ. То въ такихъ селахъ есть и нынѣ всякое добро. Тамъ и церкви красныи, и хаты, и будынки и школа, — но такихъ не богато было. Бôльше недоброго на свѣтѣ, якъ доброго, бôльше буряну, якъ пожиточного зѣлья. — Теперь былъ бы часъ, щобы консисторіи наши зновь обновили воззваніе до товаришествъ тверезости и мѣрности, бо хотя нынѣ священники всетаки еще подъ правомъ презентаціи много а много терпятъ, то за то есть нынѣ межь ними иншій духъ и твердѣйшая любовь ко своему русскому народови, и народъ самъ начинае уже познавати, що горѣлка — то его згуба. А ты, Николаю, пьешь горѣлку?

Никола. Люблю часомъ напитись чарочку.

Онуфрій. Я бы тобѣ не боронилъ часомъ чарочку напитись, но то бѣда, що человѣкъ не то за другого, а и самъ за себе ручити не може. Ты пьешь лишь чарочку, а прійде до тебе пріятель,

що любитъ двѣ-три выпити, то тобѣ не выпадае съ нимъ не напитись. А такихъ пріятелей може прійти бôльше, а человѣкъ щирый каждому, то изъ того пріятельства, человѣче, нашъ народъ такъ страшно роспоюеся. Для того я тобѣ радилъ бы цѣлкомъ не пити уже для того, що паруха тая збавляе нашъ народъ вѣры, чести, маетку, всего добра его дочасного и вѣчного. Я ю ненавижу, цѣлымъ сердцемъ ю ненавижу, и за то не беру еи и въ руки мои.

Никола. Я васъ послухаю.

Онуфрій. Бо порахуй собѣ: Чарочка на день, кобы лишь одна, то на тыждень сêмь чарочокъ, то уже кварточка. А тобѣ кварточка, а жêнцѣ кварточка, а наймитови одному и другому, то уже гарнчикъ! А прійде жниво, а тое, а сее, а гараздъ, а смутокъ, а справа и кто тамъ знае що, то уже, человѣче, минаеся якъ не сто гарнчикôвъ, то уже найменьше пятьдесять! А 50 гарнчикôвъ, то найменше 50 зр., а тіи, якъ бы ты вложилъ въ господарку, въ худôбку, на газеты, то уже знаешь, що есть изъ того якійсь хосенъ. И розумъ твôй чистый, и совѣсть чистая и честь твоя передъ Богомъ и передъ людьми. О, мôй сыну милый! Знаешь, скôлько наше мѣсто на рôкъ пропивае? Найменьше пять тысячъ! А знаешь, якую плату мае нашъ учитель отъ громады? Ледва 350 зр.! А знаешь, кôлько дѣтей въ школѣ? Даже и пятой части не ма. А чому не ма? Во не ма чобôтъ, опанчи, сорочки, полотнянки, книжки, паперу, бо и найбѣднѣйшій заробникъ несе страшно великій податокъ до шинку, такій великій, що и великій газда за свôй грунтъ стôлько цѣсарского податку не платитъ! Чи есть въ томъ розумъ? Чи пораховали тіи люди свою шкоду, якую имъ робитъ горѣлка?

Где-которыи пораховали и тіи нынѣ суть господарями, а где которыи не рахуютъ и тіи ничого не маютъ, а хотя маютъ, то все не стôлько, скôлько бы мали, якъ бы раховались. Такъ, сину, сохраняй тое третье зêлье: мѣрность и тверезость, а пережіешь долгій вѣкъ и прійдешь до богатства!

Никола. А якое еще четвертое зêлье?

Онуфрій, Четвертое, то — праця.

Нынѣ закôнчимо о нашихъ зêльяхъ, бо вѣдай уже и тобѣ наскучилось слухати такую мою долгую бесѣду. Люди старыи, бачишь, маютъ старую натуру, говорити, що знаютъ, що въ свѣтѣ видѣли, и свою практику рады бы передати молодымъ. О четвертомъ нашомъ зêлью, о працѣ, богато, сыну, говорити, бо то рѣчь важная, такъ бери собѣ въ память каждое слово, що тобѣ скажу.

Никола. Менѣ ваша бесѣда цѣлкомъ не наскучилась и я бы васъ слухалъ не одну годину, а цѣлый день, такъ каждое слово, що вы скажете, менѣ иде и до памяти и до сердця, и все такъ буду робити, якъ мене научите.

Онуфрій. Боже тя благослови! Я все люблю науку мою начинати Письмомъ святымъ и нынѣ начну о томъ Евангеліи, где Іисусъ Христосъ говорилъ притчу о талантахъ. Ты вѣдай знаешь тую притчу?

Никола. Знаю. Господарь, отъѣзжаючи изъ дому, роздалъ слугамъ свôй маетокъ; одному далъ пять талантовъ, другому два, третёму одинъ. Повернувши до дому, скликалъ ихъ и сказалъ собѣ отдати свои гроши. Тотъ, що взялъ пять талантовъ, принêсъ еще другихъ пять; тотъ, що два, принêсъ еще другихъ два, а тотъ, що одинъ досталъ, закопалъ его въ землю и ничого нимъ не приробилъ, та принêсъ тотъ самый одинъ талантъ...

Онуфрій. И щожь на то сказалъ господарь?

Никола. Тѣхъ двохъ похвалилъ и пріймилъ ихъ до своей радости, а того третёго зневажилъ и казалъ его кинути въ темницю.

Онуфрій. Такъ по правдѣ. Господь Богъ — то господарь найвысшій, каждому человѣкови далъ Онъ якійсь талантъ: одному до высокой науки, другому до якой штуки, третёму до ремêсла, четвертому до рôли, пятому до худобы, иному до пчêлъ и т. д., но въ томъ слава человѣка, щобы тому, до чого мае талантъ, отдался цѣлымъ сердцемъ и всѣми силами своими. Коли я собѣ не разъ думаю о тѣхъ талантахъ, а погляну по другихъ народахъ въ свѣтѣ и згадаю за нашъ русскій народъ, то по правдѣ приходитъ менѣ на гадку, що той слуга, що пятьма талантами примножилъ другихъ пять, то Англичане, Французы, Нѣмцѣ, що ихъ наука, ихъ штуки, ихъ товары, идутъ на весь свѣтъ межь другіи народы, а тотъ, що за два таланты принêсъ четыре, то на пр. Италіяне, Чехи, Венгры, що также своимъ розумомъ и своею працею збогатилися, а тѣмъ третимъ слугою, що ничого не приробилъ, но закопалъ свой талантъ, то уже певно нашь галицко-русскій народъ....

Никола. По правдѣ!

Онуфрій. Бо скажи менѣ, що то за диво, що Англичанинъ выдумалъ парою ѣздити по земли и по морѣ, що нынѣ тая пара жене млыны, и фабрики и дива на свѣтѣ выробляе? Кто то чувалъ коли, щобы молотильню завезти передъ стирту и за одинъ день не лишь стирту вымолотити, но еще и отвѣянное, вычиненное, чистое збôже, чêльное окремо, а послѣдъ окремо, готовое привезти до шпихлѣря? Якимъ способомъ прійшолъ человѣкъ

до того, щобы по тѣхъ столпахъ, що при гостинцѣ порозпинаны дроты, и щобы тіи дроты несли письмо изъ одного кôнця свѣта на другій, за одну минутку? То все, человѣче, робитъ — праця! Человѣкъ працюе не лишь руками, но и головою, думае и передумуе, якъ бы що доброго и розумного зробити, якъ бы меньшими силами бôльше роботы выказати, якъ бы маленькое умножити, якъ все спожитковати, що Богъ дае, якъ найлучше! И одинъ щось выдумае, другій свое доложитъ, третій поправитъ, а ôттакъ выходитъ уже дѣло доброе для всѣхъ! Такъ другіи народы трудятся, працюютъ и руками, и головою, и выдумуютъ, и робятъ розумныи орудія, и машины и всякіи способы, пишутъ книжки, учатъ одинъ другого и все высше поступаютъ, — а нашъ русскій народъ нынѣ такій самый, якъ былъ передъ стома лѣтами: ничого не выдумалъ, ничого не придбалъ, не збогатился, но бѣднѣе, бо ничого не научился, бо жіе въ темнотѣ, въ піянствѣ и лѣнивствѣ и дае себе на смѣхъ другимъ народамъ...

Никола. Уже то за темноту, за піянство не буду казати, но за лѣнивство — то менѣ здаеся, шо наши люди працюютъ, що могутъ, и я самъ не разъ видалъ, якъ въ жнива не лишь въ день працюютъ, но также и ночами при мѣсяцѣ жнутъ, вяжутъ...

Онуфрій. И праця, сыну, одна не такая, якъ другая. Щожь изъ того, що не одинъ изъ нашихъ людей працюе, коли въ его працѣ не ма ніякого рахунку, онъ изъ своей працѣ не мае ніякого хосна? А розумныи люди працюютъ, и зъ працѣ своей маютъ хосенъ и богатѣютъ. Возьми що нибудь на увагу: Есть мѣсто, въ мѣстѣ торгъ; на торгъ вывозитъ каждый, кто що мае, чи збôже, чи омасту, чи худобину. Стоятъ наши фѣры со збô-

жемъ, съ картофлями, наши жѐнки съ масломъ и сыромъ, Нѣмкинѣ съ масломъ и сыромъ Приходятъ купцѣ, но все перше идутъ до Нѣмцѐвъ, а Нѣмецъ за твой товаръ бере бôльше, якъ нашъ человѣкъ. Збôже отъ Нѣмця чистое сухое, млынкованное, важкое. Нѣмецъ стыдался бы показати на торзѣ збôже со стоколосою, съ куколемъ або съ дурѣйкою; каждый Нѣмецъ мае въ стодолѣ чистый токъ и млынокъ, онъ млынкуе разъ одинъ и другій, чѐльне збôже за добрыи гроши продае послѣдъ помѣститъ при господарствѣ; за то его збôже мае вагу и цѣну. А нашъ мужикъ везе смѣтье, та такую и цѣну бере; для того-то и жиды говорятъ: Се панское або нѣмецкое збôже, а се хлопское Скоро лишь Нѣмкиня покажеся на мѣстѣ съ кошикомъ, где масло и сыръ, уже панѣ переходятъ ей дорогу; одна торгуе, ба, другая накидае, и рвутъ ей изъ рукъ, бо масло ôтъ Нѣмкини жолтое, пахнющое, ажь любо, а наша жѐнка ходитъ, просится, но каждый дивится, оно бѣлое, якъ вапно, а покушае — оно гôрькое, недосоленное, ба, еще и нечистое, та никто не хоче купити... То не выдумка, нѣтъ то чистая правда! Отже видишь, Нѣмецъ-мужикъ робитъ, и нашъ мужикъ робитъ, но инакшая робота Нѣмця и инакшій товаръ нѣмецкій; и Нѣмкиня робитъ, н. пр., коло набѣлу, и наша жѐнка робитъ, но одно съ другимъ не однаковое. Суть, правда и у насъ уже добрыи господари и добрыи господыни, но, правду сказавши, еще ихъ мало. Всюда у насъ еще старая неволя, старая темнота, старое недбальство и то, сыну, чѣмъ дальше пôйдешь на полудне, вотъ якъ станиславовскій, коломыйскій округъ, або Буковина, чѣмъ лучшая где земленька святая, тѣмъ гôрьшая темнота, гôрьшое нехлюйство, гôрьшая нужда и убожество. Коли

я ѣздилъ не разъ за волами въ Буковину до Садогуры на ярмарки, то я приглянулся, якъ тамъ-тѣ народы жіютъ. Тамъ еще не умѣютъ збôжа косити, тамъ еще не знаютъ, що то грабки, а жито, пшеницю, ячмѣнь, овесъ, гречку — все косятъ на голую косу; не кладе покосôвъ, якъ у насъ, лишь мерву, ôттакъ тую мерву вяже, и не можешь знати, где тому снопови „гузѣрь,“ где колосье, такъ складае въ стирту, и що не выбье зерна лопатою, то птиця съѣсть, ба еще и стирту або стôжокъ вершитъ не соломою, а збôжемъ! То такая тамъ робота! А коли я пыталъ ихъ: „Люди, чому вы збôже не косите на грабки, тажь то грѣхъ тôлько хлѣба марновати,“ — то они изъ мене смѣялись, та казали, що у нихъ такой установы не ма! За то, бачишь, у насъ, вотъ якъ Золочêское, якъ Львôвское, якъ Стрыйское, Перемышльское, Самборское, то уже люди красше коло хлѣба знаютъ ходити, уже тамъ не марнуютъ дару Божого, косятъ, жнутъ и складаютъ его по людски; но, що правда, то правда, мало я еще видѣлъ у нашого мужика млынка, мало я ѣлъ отъ нашой господыни добре упеченного хлѣба, хотя бы изъ найкрасшой муки, мало где я видѣлъ доброе масло, або смачно зваренную страву, хоть я межь нашими людьми бывалъ скрôзь, по цѣлой нашой Галичинѣ!

Никола. То все, що кажете, правда, но причина тому есть неконче лѣнивство, а скорше темнота, що наши люди не знаютъ, якъ собѣ во всемъ порадити. Отъ, правду кажете за тіи млынки до збôжа. У насъ на цѣлое мѣсто не ма его лишь у васъ.

Онуфрій. Мае еще и Семенъ Коровайникъ.

Никола. Ну, то есть всего два, а такой, правду сказавши, тяжко было бы каждому, що мае

три, четыре морги поля, справляти собѣ млынокѣ, що коштуе бôльше, якъ 30 зр.

Онуфрій. Правда. Но якъ бы на тѣхъ 30 зр. зложилось шêсть сосѣдей господарей по 5 зр., то каждый имѣлъ бы свою выгоду. Теперь тѣ млынки легкіи, возьме два хлопа и несутъ, куда треба. У одного былъ бы кôлька дней, коли той отвѣялъ бы, взялъ бы сосѣдъ, и такъ ишолъ бы отъ сосѣда до сосѣда.

Никола. На такое, то и сѣчкарни могли бы собѣ газды куповати.

Онуфрій. Еще потребнѣйшая сѣчкарня, якъ млынокъ, бо уже збôже, кто зручно знае вѣяти и чинити, вычиститъ и безъ млынка, но сѣчкарня— то великая выгода, которую каждый господарь повиненъ мати, якъ не самъ, то въ спôлцѣ съ другими. Бо то часъ, то гроши, а кôлькожь то часу марнуеся на тую сѣчку?! Не одного худоба марна, бо не мае коли нарѣзати сѣчки, то она тре тую солому и сôхне отъ ней, а инакше она выглядала бы, якъ бы съѣла паренную сѣчку и помащенную. У мене есть такая сѣчкарня, що называеся „гилотина,“ коштуе 50 зр., а давно уже выплатилась. До ней стае два хлопцѣ, и за малый день нарѣжутъ найменьше 50 корцêвъ сѣчки, и рѣже она не конечно изъ околота, а що нибудь, якую нибудь мерву, и дрôбненько и рôвно! Якъ бы такъ пять газдовъ сложились по десятцѣ, а у одного была бы тыждень и нарѣзалъ бы собѣ парусотъ кôрцêвъ сѣчки, имѣлъ бы на цѣлую зиму, а другій, и третій, и четвертый и пятый такъ бы сдѣлалъ, то видѣли бы, якая то добрая робота и якъ бы за одинъ рôкъ такая сѣчкарня имъ цѣлкомъ выплатилась!

Никола. Правда. И теперь вы менѣ то добре ростолковали, що инакша розумная робота, а инакша робота темного человѣка.

Онуфрій. Розумная робота все дешева. И видишь, сѣчка на сѣчкарни два разы дешевша, якъ на простой скрыни, такъ якъ ланцухъ всегда дешевшій, якъ посторонокъ, бо закѣмъ одинъ ланцухъ перервеся, то уже тридцять посторонковъ минулось.

Никола. Самая правда. Но отъ нашого народа еще того не можно надѣятись, щобы его робота была такая розумная, якъ Нѣмцѣвъ; нашъ человѣкъ робитъ и тяжко працюе, и менѣ здаеся, що за лѣнивство не можно на него ничого казати. По правдѣ, не разъ и ночами робятъ, и не знати, коли они и спочиваютъ, бо скоро день, уже зновь при роботѣ!

Онуфрій. Хочешь сказати о народѣ нашомъ, якій онъ, чи лѣнивый, чи робучій, не дивись на жниво, бо тогды онъ працюе, бо знае, що, якъ не буде працювати, погибне изъ голоду; но ты дивись на него въ иный часъ и найлучше познаешь его, коли приглянешся нашимъ громадскимъ и шарварковымъ роботамъ. Якъ прійде, на пр., зима, а снѣгъ задуе гостинецъ, а выженутъ людей не за дармо, а за гроши до снѣгу, тамъ стань собѣ изъ далека и придивись. Побачишь, що до той роботы, що ты самъ одинъ зробилъ бы, выйшло ихъ десять, а то, що могло бы десять зробити, тамъ робитъ сто, бо не робятъ, лишь стоятъ цѣлую днину. Гдеколи лишь схилится одинъ съ другимъ, — но подивись якъ онъ подноситъ тую лопату со снѣгомъ, якъ онъ той снѣгъ кидае, якъ ему лучше мерзнути, чѣмъ рушатись при роботѣ, якъ стогне, а ôттакъ якъ за каждою лопатою спочивае, и зновь

четверть годины стоитъ, закѣмъ нагадаеся, въ которое мѣстце зновь впустити лопату, а переконаешся, що изъ такого народа не буде ничого, хиба бы Господь змиловался и натхнулъ его иншимъ духомъ, и просвѣтилъ его, бо теперь онъ якъ былъ рабомъ, невôльникомъ, такъ и есть...

Никола. Ба, онъ для того такъ робитъ на шарварку, бо повѣдае: „Нынѣ панщины не ма.“

Онуфрій. Такъ повѣдае, бо онъ еще по правдѣ несвободный. нерозумный, нечестный человѣкъ, но невôльникъ, щó лишь тогды робитъ, якъ надъ собою чуе батôгъ, а скоро батога не ма, онъ уже не мае чести, самъ себе не стыдаеся перестояти цѣлый день, а ôттакъ не стыдаеся вытягати руку по заплату! А-ну, иди до нѣмецкого села, и тамъ есть шарварки, придивись, якъ тамъ при шарварку робота такъ охоча, такъ щира, якъ бы тамъ каждый самому собѣ робилъ!... Нѣмецъ мае честь самъ для себе и онъ стыдался бы при роботѣ стояти, имѣлъ бы собѣ то за грѣхъ. Нѣмецъ мудрый, знае, що, якъ не зробитъ нынѣ, що треба, то за кôлька день зновь другій разъ треба идти. Нѣмецъ чи собѣ робитъ, чи другому, ему наставника не треба, и щобы ты переѣхалъ всю Нѣмеччину (такъ менѣ оповѣдали тіи, що тамъ бывали), то тамъ наймленныи робôтники робятъ безъ наставникôвъ, и не чути нигде того гулюканья, якъ у насъ: „А ну, а ну, мой! що стоишь? а ну, скорше, далѣй!“ То такъ, якъ на худобу, такъ на людей у насъ треба гулюкати, бо инакше роботы не ма. Соромъ намъ за то!

Никола. То правда, що нашъ народъ еще чести не мае.. Однако по правдѣ зновь сказавши, чи варто за тѣхъ двѣ або три щѣстки щиро робити цѣлый день?

Онуфрій. Нѣмецъ, правда, не пôйде за двѣ шêстки робити, но онъ собѣ каже добре заплатити, однако робитъ, а все-таки Нѣмецъ безъ наставника зробитъ за двохъ нашихъ робôтникôвъ! Такъ, небоже, и ты охотно далъ бы робôтникамъ по 4 шêстки, щобы тобѣ не треба было надъ ними стояти, щобы ты выслалъ ихъ самыхъ въ поле, щобы ты зналъ, що каждый изъ нихъ робитъ по людски, щиро и охочо.

Никола. То правда. Но чому то нашъ народъ не такій, якъ другіи народы?

Онуфрій. Чому? Бо бôльше якъ пятьсотъ лѣтъ былъ въ тяжкой неволи, що зъ него робили скотину, а невôльникъ – якъ скотина, не мае чести. Я тобѣ скажу лишь одинъ примѣръ, що то невôльникъ: Въ одномъ селѣ былъ давными часами посесоръ, що дуже людей любилъ бити, и то не за кару, но такъ изъ буты, а якъ которого били, и онъ не скривился, то ôнъ его похвалилъ, и ему за то давалъ гарнецъ горѣлки, або еще що. Я самъ то видѣлъ, бо я тогды ѣздилъ до того двора за збôжемъ, що одинъ человѣкъ дôсталъ двадцять букôвъ, всталъ и сказалъ: „Дайте пане три сорокôвцѣ, ляжу еще на 20!“ И лягъ и за три сорокôвцѣ дôсталъ еще 20 букôвъ! Скажи менѣ: чи такій невôльникъ, который ніякой чести не мае, що не знае, що онъ человѣкомъ, но еще гôрьше скотины, дае добровольно свое тѣло на зневагу, чи можно отъ такого человѣка що людского сподѣватися? Такій человѣкъ безъ бука ничого не зробитъ, онъ навѣть не може того поняти, якъ можно робити хотьбы за гроши, если надъ нимъ, якъ за панщины, не стоитъ кто съ букомъ и не кричитъ всегда: „А ну, а ну, гей, не стôй!“ А такого тата

и такіи дѣти; уже рабская кровь тая переходитъ отъ рода въ родъ!..“

Никола. А у Нѣмцѣвъ же не было такъ?

Онуфрій. Было, но не со всѣмъ такъ, якъ у насъ. У Нѣмцѣвъ былъ паномъ Нѣмецъ, одна вѣра, одинъ языкъ, одинъ народъ! Хотя и тамъ была неволя, но-все таки была наука по мѣстахъ и селахъ, бо такій уже изъ давна былъ укладъ въ нѣмецкомъ народѣ, що въ каждомъ найменьшомъ селѣ мусѣла быты школа. Уже такій человѣкъ, що былъ письменный, имѣлъ иную честь для себе, и панъ не имѣлъ уже его за скотину, а за человѣка, и хотя часомъ были и тамъ всякіи кривды, якъ то всюда въ свѣтѣ бывае, що сильнѣйшій слабшого гнете, но письменный человѣкъ зналъ лучше противъ кривды боронитись и своего права доходити. И середъ неволи Нѣмецъ не былъ николи такимъ невôльниковъ, якъ нашъ русскій человѣкъ. За то у Нѣмцѣвъ съ давна была честь, Нѣмецъ малъ себе за щось лучшого, и его хата, и его статокъ, и его худоба и его робота все были лучшіи, якъ у нашого человѣка! Чи придивился ты, Николаю, коли, якая нынѣ робота по дворахъ панскихъ и жидôвскихъ?

Никола. Горѣлка робитъ.

Онуфрій. Добре кажешь. Горѣлка робитъ! Робота иде на лицитацію. Панъ ....скій обѣцяе по 30 кр. и по два разы горѣлки до жнива, а другій панъ . . . . . вичъ дае 30 кр. и три разы горѣлки, а панъ Сруль, посесоръ, чи дѣдичъ, дае лишь по 25 кр., однако по 5 разъ горѣлки; бочка таки стоитъ середъ лану, и музыка весь день на ланѣ грае. И все иде до пана Сруля! Паны ... скій и . . . вичъ видятъ, що бѣда, що изъ колоса спадае, щожь маютъ робити? Также посылаютъ атаманôвъ: А-ну,

идѣтъ, дамъ и я также 5 разъ горѣлки и музыку, такъ, якъ и Сруль. То по правдѣ ты кажешь, що горѣлка робитъ, а чи межь Нѣмцями мôгъ бы панъ Сруль такое заводити?

Никола. Куда тамъ! Нѣмецъ стыдался бы идти за горѣлку або за музыку робити. Ему заплати честно, онъ честно зробитъ. Я самъ читалъ, що у Нѣмцѣвъ платятъ косареви по реньскому и бôльше, но его робота и варта тôлько. И онъ робитъ и здоровья не збавляе, а не такъ, якъ наши люди, що цѣлый день робятъ и попиваютъ горѣлку середъ найбôльшой спекоты, а ôттакъ еще до пôлночи танцюютъ!...

Онуфрій. Звычайно, старый невôльникъ, бо и та горѣлка, и та музыка то забытки старой неволи. Наповали его и грали ему, щобы забылъ за всю кривду свою, щобы заточился, и подскочилъ, и заснулъ, якъ товарина, и зновь вставалъ до роботы и пiятики. Такая робота, самъ знаешь, не доведе ни до маетку, ни до здоровья, ни до долгого вѣку; но робота розумная, честная, при тверезости и мѣрности! Я тобѣ говорилъ за моего дѣда, якiй то былъ робучiй человѣкъ, якъ они безъ роботы не могли быти ни одной минутки, якъ они все насъ учили, що робота — то найбôльшое счастье, а лѣнивство, то хороба и ганьба человѣка! И я то практиковалъ черезъ цѣлое житье мое. Я дивлюсь на тую мушку-пчѣлку, якъ она охочо летитъ въ поле; хотя вѣтеръ ю относитъ, она бореся съ нимъ всѣми силами своими, а не опуститъ пожитку, щобы его не собрати и не принести до дому! И дома каждая мае свою роботу: тая грѣе червь, тая згрызуе плѣснь, тая замѣтае смѣтье, тая боронитъ очка, щобы чужая пчела або оса не влетѣла, тая укладае и закрывае мѣдъ, або пакуе въ комôрку

„пергу,“ тая служитъ матцѣ, а каждая мае свою роботу изъ доброй охоты, а никто еи до того не наганяе! Такъ я, бывало, коли еще были молодыи силы, по цѣлыхъ дняхъ безпрестанно робилъ въ огородѣ, въ поли, въ пасѣцѣ, въ саду, а вечеромъ еще въ хатѣ где-що собѣ роблю сокирою, долотомъ, пилкою, и менѣ на все силы стало, и я николи не слабовалъ, бо я имѣлъ радость изъ моей працѣ и силы моей я не тратилъ николи на піянствѣ, которое есть причиною найбôльшихъ хоробъ людскихъ.

Менѣ то дуже сподобалось, що я читалъ въ одной книжцѣ, якъ ѣхалъ разъ одинъ старый панъ — пытлёванецъ, а встрѣтилъ старого, сивого человѣка, що накидалъ гнôй на сани. „А чому, каже, ты старый не ляжешь на пêчь, та молодшіи най уже робятъ за тебе?“ — „Молодшіи повѣдае старецъ, паночку, не маютъ коли, маютъ иншую роботу!“

— „А якъ же смерть, повѣдае панъ, прійде до тебе тутъ, и скаже: Ходи, старый, до мене?“ — „То я, паночку, скажу ей: зажди, небого, бо видишь, я не маю коли идти, я коло гною, або коло иншой роботы, иди собѣ до панôвъ, до жидôвъ, они не маютъ роботы, маютъ часъ ити съ тобою!“ — Покрутилъ панъ головою и поѣхалъ.

То по правдѣ, я самъ вижу, що и я не маю коли умирати, бо и я все въ роботѣ, и якіи лѣта я прожилъ, а я, человѣче, одной годинки не буду безъ роботы. Часомъ принесутъ менѣ въ поле ѣсти; я не маю коли, страва выстигае, бо я еще то або се маю докôнчити. И тутъ дома внуки кличутъ мене обѣдати, а я тешу або верчу, и всегда не маю коли, то по кôлька разъ приходятъ просити на обѣдъ, а я не маю коли! А прійде рôйка, або косо-

виця, то по правдѣ, забуде человѣкъ на ѣду, а робитъ и пôтъ тече, и не умучится, бо щирая до всей роботы охота. Я не могу дивитись на лѣнивого человѣка. Подивись лишь на него, якъ онъ иде, якъ онъ тую ногу подноситъ, якъ онъ плюе въ руки, чи до косьбы, чи до сокиры, чи до цѣпа, якъ онъ постогнуе. то мене уже не ма, якъ я бачу такого человѣка! Я старецъ, а я не зняю поволи идти. я все бѣгу, уже въ менѣ такая кровь, а такихъ людей я люблю и не могу дивитись на человѣка, що въ немъ гнилая кровь, — якъ онъ до той ѣды сѣдае якъ онъ съ вагою ѣсть, якъ ôттакъ береся неохотно до роботы, а оглядаеся, чи кто дивится на него, а якъ не ма наставника, якъ зôпреся на цѣпъ, або на косу, и стоитъ, щобы днину, якъ той каже, перепхати, а рôвно однакіи гроши взяти!

И менѣ видится, що Господь Богъ такихъ легкоробовъ не любитъ, а такъ, якъ намъ мило дивитись на тую пчêлку-робôтницю, а немило дивитись на дармоѣда гусêльницю лѣнивую, такъ и Господь мило дивится на робучого человѣка, на охочую, живую роботу, а мерзитъ собѣ легкоробадармоѣда, за то и тіи легкоробы - дармоѣды сходятъ на бѣду, и нужду, и Богъ ихъ карае за лѣнивство.

Никола. То все залежитъ отъ того, якъ родичи дѣти выховуютъ. Якъ ôтецъ и мати неробы, то и дѣти неробы; якъ родичи робучіи, то и дѣти будутъ такіи.

Онуфрій. Правду кажешь. Но человѣкъ покраснѣти не покраснѣе, якъ то кажутъ, а подобрѣти подобрѣе. Я тобѣ колись розскажу исторію о одномъ моемъ наймитѣ, якого онъ роду былъ,

якая у него была натура, а що изъ него сдѣлалось. Звался онъ Матвѣй Тупый.

Никола. То сей чорнявый, що бывало ѣздитъ съ наборомъ до Львова?

Онуфрій. Тотъ самый. Онъ, буде тому пять лѣтъ, на Воли оженился и хорошо газдуе. Но якій онъ зъ разу былъ, никто бы не былъ сказалъ, що изъ него буде такій газда! То былъ такій нероба, що и въ свѣтѣ такого другого не легко найти, хиба бы ты ишолъ где ажь тамъ, где кукуруза родится, въ Коломыйщину або на Волощину, бо тамъ народъ до роботы дуже нецѣкавый. Богато бы тобѣ о немъ розсказовати, но теперь не стане намъ часу, — то уже ажь коли другимъ разомъ розскажу тобѣ все, щобы ты зналъ, якъ изъ такого ледачого стался такій наймитокъ, що я ему отдалъ мало не все господарство и спустился на него со всѣмъ.

Никола. Я не могу собѣ того роздумати, чому у нашого русского народа есть такая недобрая натура, що не дбае о себе такъ, якъ другіи народы? Коли ѣду черезъ Винники, або черезъ якую нибудь нѣмецкую колонію тутъ коло Калуша, або где-инде, то вижу, що Нѣмецъ муситъ имѣти порядную хату, порядную стодолу, на подвôрью студню, у него садъ при хатѣ муситъ быти, огородъ огороженный порядно, у него, якъ вы казали, и худоба инакшая, и статокъ лучшій и всячина. Чому я не вижу того въ нашихъ русскихъ селахъ, хотя и у насъ где-куда по мѣстахъ и камеральныхъ добрахъ не было такой неволи, хотя у насъ где-куда уже школы зъ давна заведены и газды уже мало не всѣ письменныи?

Онуфрій. Чому? Тому, що въ русскомъ народѣ выробилась уже такая натура: не журитись тѣмъ, що буде завтра, кобы лишь нынѣ было! Бо то такіи были старыи часы страшныи... Тутъ неволя тиснула дома, панъ робилъ съ человѣкомъ, що хотѣлъ, а тутъ еще и жити не давали напады Турковъ и Татаръ. Поспытай, сыну, тѣхъ могилъ, що стоятъ у насъ на поли, где прикрыты кости Татаръ и нашихъ русскихъ людей, а они тобѣ скажутъ такое: Страшно было жити давнѣйшими часами, коли тѣми краями переходили Татаре! Якъ ты видѣлъ може коли саранчу, що сяде на поле и заночуе, а на другій день уже до корѣнчика все спустошила и лишила по собѣ чорную земленьку, такъ шли тіи безчисленныи рои Татаръ, и били, що жило, и брали въ неволю, и забирали, що застали, а що не годны были брати, палили, такъ що за ними оставалась лишь пустыня и недогарки. Где были мѣста и села, тамъ сторчали лишь комины и печи, що стояли середъ купы попелу. Коли же перейшла тая ватага, а люди, кто съ житьемъ скрылся где въ очеретахъ, лѣсахъ и багнахъ, вернули назадъ по дому, щожь было дѣлати? Отъ, роспялъ собѣ хатину якъ шопу, гей шатро якое, бо каждый говорилъ: „На що менѣ класти красную хату и будынки, трудитись коло того и вложити на роботу богато грошей, коли може еще за мѣсяць, або за пôлроку, або за рôкъ надтягне знову Татарва, и спалитъ и забере все?“ А Татаре тіи не рôкъ, не два ходили по нашой русской земли, но якихъ четыреста лѣтъ!..

Для того и въ народѣ нашомъ выробилась тая натура: жити зъ дня на день, щобы стало на нынѣ, а завтра якъ Богъ дасть. Для того-то нашъ человѣкъ, хотя маючій, не поставитъ собѣ нѣмец-

кой хаты, бо онъ родился такъ, якъ его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, въ маленькой, низенькой хатинѣ, онъ полюбилъ тую хатину, якъ каждый любитъ свое питомое, хотя оно и некрасное, и нехорошое, но за то свое родное, и тая натура перешла уже въ кровь русского народа, хотя по правдѣ, въ теперѣшнихъ часахъ такая натура недобрая, бо дае насъ на смѣхъ другихъ, просвѣщенныхъ народовъ. Мы говоримъ за Нѣмцѣвъ и величаемъ ихъ натуру, що они уже любятъ всякіи порядки, и хаты, и будынки просторонныи, и студни на подворью и садокъ при хатѣ, но то также уже ихъ такая натура зъ дѣда-прадѣда, бо коли насъ губили, пустошили, палили Татаре, — Нѣмцѣ въ Нѣмеччинѣ сидѣли собѣ, якъ у Бога за дверьми, а коли уже разъ, — лѣтъ тому зо двѣстѣ, — напали Татаре ажь на Вѣдень, то и тогды они имъ рады не дали, а ходили наши люди кровь свою проливати, щобы Нѣмцѣ мали спокôй въ краю! Ты знаешь добре, якъ тогды польскій король Собѣскій ишолъ на тую войну и знѣвечилъ силу татарскую, а съ кѣмъ онъ тамъ ишолъ? Съ нашими русскими людьми, козаками. Поспытай тую нашу шляхту ходачковую, що жіе въ Самборщинѣ, въ Стрыйскихъ горахъ и скрôзь по краю, они тобѣ скажутъ все за короля Собѣского, съ которымъ ходили ихъ прадѣды Нѣмцѣвъ боронити. То не штука теперь Нѣмцямъ смѣятись изъ нашого неуцтва, изъ нашой нужды, не штука нѣмецкимъ колонистамъ робити собѣ всякіи порядки, коли они не знали нападовъ татарскихъ и, якъ разъ на самый край Нѣмеччины зайшли Татаре, то и тогды русская и польская рука ихъ избавила отъ ярма, которое мы двигали вѣками...

Никола. Но менѣ дивно, чомужь теперь наши люди не маютъ охоты до ничого лучшого, до доброй и всякой пожиточной працѣ, коли уже Татаре давно не нападютъ на нашъ край, а побиты Россіею на вѣки?

Онуфрій. Татаре исчезли, но привычка наша осталась. Передъ Татарами и нашъ народъ може еще розумнѣйшій и до працѣ цѣкавѣйшій былъ, якъ Нѣмецъ, но оттакъ черезъ тую нужду, бѣду, голодъ, наготу, черезъ тіи огнѣ и рабунки, стратилъ охоту до всякой працѣ и натура тая перейшла ажь на нынѣшнее поколѣнье! — И видишь, не лишь у мужика або маломѣщанина есть тая натура; она есть и въ высшихъ нашихъ русскихъ станахъ. Мы боимся и стыдаемся працѣ. Дивись, на примѣръ, на нашихъ священникôвъ. Который мае кôлькохъ сынôвъ, то каждого пхае найбôльше на священника, хотя часомъ не ма до того головы и охоты. До ремêсла, до купечества дати — стыдно; а у Нѣмця ничого не стыдно и Нѣмецъ, що мае великіи богатства, сына одного дае до купечества, другого, щó мае до науки голову, то до науки, бо у Нѣмцêвъ ніякая робота не есть стыдомъ. Я знаю, бо былъ у насъ при циркулѣ комисаръ Нѣмецъ, правдивый Нѣмецъ. То я у него разъ былъ съ листомъ. Прихожу, пытаю за комисаремъ, а противъ мене иде человѣкъ съ фартушкомъ, руки замаранныи столярскою политурою. Я пытаю его: „Чи есть панъ комисаръ дома?“ — „Есть“, — повѣдае. „А где?“ — „Та то я самый.“ — Я вѣрилъ и не вѣрилъ, но онъ завêлъ мене до покоевъ, а ôттакъ черезъ покои мы перейшли до токарни. — Тамъ, бачишь, колода до рубанья, а сокиры, а долота, а сверлики и всякое начинье, и варстатъ токарскій и всякіи

майстерства. Ему рукавы по-за лôкти закочены, а пальцѣ политурою чути, казалъ бы ты, звычайный токарь. — „На що пану комисареви того?“ пытаю его. — „Панъ комисаръ маютъ платню, та уже головою та письмомъ працюютъ, та на що собѣ здоровье збавляти?“ — Ой, мôй любый, сказалъ комисаръ, то лишь тая робота мене держитъ при житью и здоровью. Я що день маю свои годины, що собѣ роблю; отъ того я здоровъ, и для того мене не тягне ити куда инде, где не потреба!“ А я ему повѣдаю: „Наши панове, Поляки або Русины, то стыдались бы такой простой роботы.“ — „А у насъ, повѣдае онъ, въ нѣмецкомъ краю никто ніякой роботы не стыдаеся, а кто що умѣе, то собѣ то мае за честь. И каждый нашъ цѣсарь знае свое ремесло, и робитъ не лишь головою, но и руками, бо такая уже установа!“

Никола. А у насъ инакшая установа...

Онуфрій. У насъ такая установа: Ремêсникомъ мае быти якъ не Нѣмецъ, то хотя Полякъ, а купцемъ жидъ. За то мы бѣдныи. За то мы якъ бы не были народомъ, бо мѣщане — то жиды та чужинцѣ, а нашъ Русинъ ничого не знае, лишь по стародавному за плугомъ ходити, та идти на священника, або на учителя. Для того мы бѣдныи, що весь заробокъ иде въ чужіи руки, а чужіи народы збогачуются нашою працею. Мы найбôльшую честь повинны покладати въ працѣ, и каждый добрый отецъ русского роду, що мае дѣти, а мае о чêмъ, повиненъ ихъ давати до ремêсла, до купечества, щобы поволи и мы могли поставити нашихъ мѣщанъ и купцêвъ. Такъ давно было и у Чеховъ, а теперь Чехи уже всю торговлю выбили жидамъ изъ рукъ и розвинули великую силу въ працѣ и въ томъ, що гроши совокупили въ

велилiи сумы и соединенными силами виробили собѣ и богатство, и честь и славу...

Никола. То правда. А не знати, чи мы коли прiйдемъ еще также до богатства и до такой чести?

Онуфрiй. Прiйдемъ, любко! Богъ милосердный! Запôзднились мы, запôзднили, но, при доброй волѣ, при щирой працѣ всего докажемъ! Не пропаде нашъ народъ!... Онъ опамятаеся, залишитъ свою лѣнивую и ледащую натуру, просвѣтится возьмеся щиро до всего пожиточного. Земледѣльцѣ поправятъ свою господарку, повстанутъ на нашой красной земленьцѣ красныи села, красныи хаты, будынки, и лучшая худоба, и лучшiи статки и все поволеньки станутъ наши горнутись до ремêсла, до купечества, до промыслу, и возьмемъ еще верхъ надъ чужими; лишь до всего того треба помочи Божой, розуму, тверезости и твердого русского духа, щобы устояти на своемъ мѣстци и не боятись нiякихъ противностей!

Тѣмъ щирымъ желанiемъ кôнчу, любый, мою бесѣду, о тѣхъ четырехъ зêльяхъ, которыми я собѣ вычаровалъ долгiй вѣкъ и маетокъ. И ты годуй тiи зêлья щиро, а певно и ты дожiешь долгихъ лѣтъ и всякого добра.

Никола. Я теперь уже не той, що я былъ передъ пôлрокомъ. Перше я ишолъ за леда якою дурною бесѣдою, я мѣшался въ якую нибудь компанiю, я собѣ маловажилъ и молитву, и вѣру христiанскую, я не любилъ ничого читати, хотя я и до шкôлъ ходилъ, а вы менѣ показали иную дорогу и нею я пôйду, а певно не заблужу!

Онуфрiй. О, кобы то весь нашъ народъ пôшолъ тою дорогою! Кобы весь нашъ народъ взялся щиро до науки. Кобы сердце свое огрѣлъ

святымъ Письмомъ, кобы книжками просвѣтилъ свой умъ, кобы позналъ, где его истинное добро! Кобы отрѣкся піянства, и горѣлки и лѣнивства, а соединенными силами взялся до духовной и всякой честной працѣ, менѣ легче было бы умирати....

Никола. Я мѣркую, що богато нашихъ людей уже опаматалось. Кобы лишь начинали отъ тверезости, щобы цѣлыми громадами зареклись горѣлки!

Онуфрій. То не такъ скоро прійде до того. Но — молѣмся!

На тѣ слова всталъ Онуфрій, а за нимъ и Никола обернулъ очи свои къ образу Спасителя міра, сложилъ руки и такъ молился:

„Всемогущій Боже, щó Ты сотворилъ небо и землю со всякимъ дыханіемъ, умилосердись надъ бѣднымъ русскимъ народомъ, щобы онъ позналъ, на що Ты его сотворилъ.

Спасителю міра, Іисусе Христе, щó Ты отворилъ очи слѣпорожденному, отвори очи и нашому русскому народови, щобы онъ позналъ Твою Божую волю, щобы отрекся всего злого, щобы сталъ народомъ богобоязненнымъ, розумнымъ, тверезымъ, трудолюбнымъ и честнымъ!

Душе святый, щó Ты зойшолъ въ пятьдесятый день на Апостоловъ, прійди и вселися въ насъ, загрѣй сердця духовныхъ отецъ нашихъ и всего нашого народа, щобы свѣтло божественной науки розширилось на русской землѣ, а съ нимъ и всякое небесное и земное добро...“

Никола. „Аминь!“

Онуфрій. Такъ все, любко, молѣмся, не лишь за себе, но за всѣхъ и за весь нашъ любый народъ, а Богъ выслухае нашу молитву и дасть намъ то, о що его просимъ. Теперь уже конецъ на-

шого розговора. Я собѣ спочину, ты идешь до дому забавитись съ своею родиною. Якъ буде твоя воля, прійдешь знову коли, а я тобѣ еще богато-богато буду говорити, доки здужаю...

Никола. Буду васъ слухати и все еще спишу на памятку, щобы и другіи читали и одни щобы каялись, а другіи щобы учились, а всѣ щобы любились и одни другимъ помагали до свѣтла, науки и до всякого добра!

КОНЕЦЪ.

ЖЕРТВЫ

на домъ Общества им. Михаила Качковского во Львовѣ.

Отъ дня 17(30) цвѣтня по день 17(30) мая 1902 г. надослали впчт. гг.

Ив. Черкавскій, выслуженный проф. гимназ. изъ Львова, 50 г.; Вас. Пышко изъ Дорогошева вел. 1 к.; о. Сим. Дуткевичъ изъ Поддубецъ собранныи при богослуженью дня 3(16) мая по случаю знесенья паншины 4 к.; о. І. Гумецкій 50 г., Петръ Стрижикъ 20 г., Ив. Гашала 30 г., всѣ изъ Татаринова; о. Вл. Сойка изъ Цѣневой собранныи межи прихожанами 7 к.; Пав. Козакъ изъ Мильна суму 2 к. 60 г., собранныи на крестинахъ, а то: Н. Козакъ, Мик. Сухецкій, Вас. Кульчинскій, Ѳ. Яновъ,

Л. Козакъ, Іос. Була, В. Луцыкъ, П. Стефановичъ, по 20 г. и М. Марта Джуль по 30 г., Ив. Джуль, Гр. Безкоровайный, Катерина Козакъ и Розалія Клеменъ по 10 г., всѣ изъ Мильна.

Черезъ редакціи „Русского Слова“ и „Галичанина“ пожертвовали, начавши отъ 4 н. ст. сѣчня 1902, впчт. гг.: Петръ Тимчукъ изъ Доры 20 к.; Ан. Грега изъ West Pawlet (въ Америцѣ) 1 к.; Мих. Несторовичъ и Ив. Чорнобай изъ Пониквы вел. (складка на весѣлью) 3 к. 60 г.; Мих. Мыдлякъ изъ Котова 1 к.; о. проф. В. Копытчакъ изъ Тернополя 2 к.; Ал. Николинъ 1 к.; о. Іоаннъ Дуркотъ изъ Шляхтовой 2 к.; д-ръ Ем. Медвѣдскій изъ Новоалександріи въ Россіи 1 руб.; Петръ Корчинскій изъ Коломыи 2 к.; Дим. Мазѣй изъ Мысленичъ 1 к.; о. Дим. Ядлошъ изъ Дошницѣ 2 к.; Ив. Кондратюкъ изъ Пенякъ 1 к.; проф. Сев. Билинкевичъ изъ Черновецъ 2 кор; Мих. Ивасѣвка изъ Стебника 1 к.; Ол. Мимрикъ изъ Перемилова 10 г.; Ив. Васюта изъ Волчковецъ 1 к.; Ив. Сельскій изъ Новосѣлки скалатской 60 г.; Вас. Худицкій изъ Новосѣлки-скал. 40 г.; о. Іоаннъ Дорожинскій изъ Межирѣчья 2 к.; Ив. Пелешъ изъ Липны 1 к.; Прок. Кушликъ изъ Кропивника 2 к.; Петръ Кондюхъ изъ Соколи 1 к.; Мих. Илевичъ изъ Млыновецъ 1 к.; о. Іос. Красицкій отъ себе и прихожанъ въ Дерновѣ и Таданьи 4 к.; Тим. Федоровичъ изъ Заднишовки 60 г.; Стеф. Добушъ изъ Ульвовка 30 г.; Григ. Кондуръ изъ Грушова 40 г.; читальня въ Кадлубискахъ 2 к.; Илія Романовъ изъ Дѣдилова складку отъ членовъ читальни 6 к. 10 г.; Ор. А. Авдыковскій изъ Львова 38 к.; крамниця изъ Гаевъ-выжнихъ 1 к.; о. Л. Куницкій изъ Боратина 60 г.; Матв. Сеневъ изъ Горожаны вел. 40 г.; о. Іос. Менцинскій изъ Маластова 2 кор.; Дам. Пріймакъ изъ

Корчина отъ себе и жены 2 кор.; Ник. Гарисанъ изъ Зубкова отъ себе и жены 2 кор.; Ник. Павлюкъ изъ Окнянъ 20 гел.; Дим. Карпа изъ Питсбурга въ Америцѣ 1 кор.; Андр. Стемпурскій изъ Дрогобыча 1 кор. 16 гел.; члены читальни въ Торкахъ коло Сокаля 17 кор. 70 гел., на которую-то суму дали: о. Як. Корчинскій 1 кор., Ник. Барановскій 1 кор., Петръ Герасимъ и Николай Сенюка по 40 гел., Мих. Сенюкъ 50 гел., Мих. Тортина, латинникъ, 40 гел., Ант. Демичукъ, ок. богосл., 60 гел., Ром. Покотило 80 г., Мих. Басаликъ 20 гел., Мак. Барановскій 40 гел., Сильв. Барановскій 1 кор., Илія Вознякъ 20 гел., Пант. Шторгай 30 гел., Григорій и Петръ Шуляки по 20 гел., Исид. Грушецкій 20 гел., Ив. Вознякъ 40 гел., Иларіонъ Рубаха 20 гел., Филиппъ Жеребецкій 20 гел., Петръ и Емиліянъ Баласики по 20 г., Як. Новосадъ 20 гел., Θеодоръ Грушецкій 40 гел., Гром. Торговля 1 кор., Макс. Харкевичъ 20 г., Сев. Цебуля 1 кор., Θеодоръ Покотило 30 г., Ром. Барановскій 40 г., Вас. Колибчукъ 20 г., Стеф. Цебуля 20 гел., Фил. Кинащукъ 40 гел., Ром. Березюкъ 40 гел., Гр. Караванъ изъ Збоискъ 1 кор., Григ. Покотило 40 г., Анастасія, Софія и Анна Кинащуки по 20 гел., Тимко Барыла 30 г., Вас. Сухнацкій 20 гел., Ст. Помастко 40 гел., Ив. Сенюкъ 10 гел., Ник. Панасюкъ 40 г., Александра и Анна Панасюки по 10 г.

Доводячи о томъ до общой вѣдомости, центр. выдѣлъ Общества им. Мих. Качковского высказуе симъ впчт. Жертводателямъ искреннее благодаренье и проситъ Земляковъ не забывати въ будущности о посильныхъ лептахъ на власный домъ Общества во Львовѣ.

Отъ центр. Выдѣла Общества им. Мих. Качковского.

Во Львовѣ, 17(30) мая 1902 г.

Лѣкарская почта.

1) **А. Х. во Львовѣ.** Если кто въ дитинячомъ вѣцѣ хоровалъ на нежить кишокъ и дизентерію, то хотя тѣ слабости минулися, все-жь таки человѣкъ повиненъ цѣлое свое житье съ ѣдою быти осторожнымъ, бо кишки его уже не цѣлкомъ здоровы. Такъ и вы черезъ неотвѣтную діету впали теперь въ слабость, т. з. **хроничную обструкцію**, которая походитъ изъ ослабленья кишокъ. Отже на ту слабость не вôльно брати ніякого перечищающого средства, бо то еще бôльше лишь ослабляе кишки, а противно, повинны вы живитись діететично (смотри въ Календарѣ Общества им. Мих. Качковского на 1902 рôкъ мою росправу о поживной діетѣ), ѣсти при томъ много варенныхъ овощей (компоты изъ яблокъ и сливокъ), масовати живôтъ рано и вечеромъ, а въ крайнêмъ случаю взяти левативу изъ литры теплой воды.

2) **И. П. въ З., почта Завадка.** Ваша слабость не есть сухоты, не есть ракъ, ни запаленье нырокъ, чи тамъ пухлятина, а лишь то, щó вамъ лѣкари сказали: **запаленье нырковыхъ каналикôвъ.** Слабость тая може неразъ дуже доскулити. Найлучшая на то рада — легкая діета и избѣганье острыхъ стравъ и спиритусовыхъ напиткôвъ; противно, треба пити много минеральной воды, якъ: Билинской, Щавницкой, Obersalzbrunn, Salvator, въ лѣтѣ же ѣхати на лѣченье до Трускавця или Карльсбада, якъ то ординующій лѣкарь зарядитъ.

3) **Т. М. въ Р., п. Городокъ.** Есть люди, которымъ черезъ частое замочованье рукъ — якъ то говорятъ — **позсѣдаются руки.** Особливо бывае то у нашихъ газдынь, которыи при своей домашнёй

роботѣ не могутъ на-долго удержати рукъ сухо. Що-жь я маю вамъ радити? Найлучше было бы убратись въ рукавички и, мовь паня, ходити по хатѣ, та розказовати. Но що то у васъ неможливо, то раджу вашой женѣ, щобы по каждомъ замачанью руки дуже добре на-сухо вытерла ю и высмаровала глицериновою мастію, которую за кôлька крейцарôвъ дôстанете въ каждой аптицѣ.

4) **І. Ш. въ Б., почта Медыка.** На женскіи слабости трудно мнѣ въ „Лѣкарской почтѣ“ подавати рады. Я раджу вамъ поѣхати до Львова или на клинику, или до лѣкаря женскихъ слабостей, д-ра Сельского.

5) **М. К. въ З., почта Заболотцѣ.** Вы дякуете мнѣ за книжечку о слабостяхъ дѣтей та пишете, що пôсля той книжечки вылѣчили вы свою малую дитину изъ кôлькохъ слабостей. Тожь коли дитя теперь здорово, держѣтся строго тѣхъ приписовъ, якіи я тамъ подалъ о живленью 8—10 мѣсячныхъ дѣтей. Що-до вашого 11-лѣтнёго сынка, то, если ему въ шпитали получшаеся, задержѣтъ его тамъ еще троха, если же нѣтъ, то возьмѣтъ его до дому, доглядайте добре, та не посылайте черезъ зиму до школы.

6) **К. Г. въ Б., почта Пôдкамень.** Ваша слабость есть **сердцевая слабость.** Такъ показуютъ рецепты, которыи вы мнѣ прислали. Если-жь вы говорите, що тѣ лѣки ничого вамъ не помагаютъ, то походитъ то изъ того, що при томъ треба дуже шановатись, ничого не працювати, не ходити пôдъ гору, не бѣгати, не загрѣватися, а если и то не поможе, то положитися до постели, подъ голову подложити досыть высоко, та такъ спокойно перележати хоть тыждень. Еще лучше было бы, если бы вы удалися до шпиталю и тамъ тотъ часъ

перележали, то будете мати еще и лѣки пôдъ рукою.

7) **Н. П. въ К., почта Рудки.** У вашой матери походитъ **пухлятина**, здаеся, изъ запаленья нырокъ. Я могу вамъ на память лишь порадити купати хорую щоденно половину годины въ добре теплой водѣ, а по купели добре обкрыти, щобы зôпрѣла. Если-жь бы то черезъ двѣ недѣли не помагало, то найлучше буде, если хорую завезете до шпиталю въ Дрогобычѣ, то тамъ она скорше може прійти до здоровья.

8) **Е. Б. въ Л., почта Драгомірна.** Есть досыть много людей, которыи маютъ **непріятную вонь изъ рота**, или, якъ то говорятъ: „непріятный отдыхъ.“ Розличная може быти того причина. И такъ на примѣръ при острыхъ слабостяхъ, якъ тифъ, запаленье легкихъ, или хотьбы и инфлюэнца, есть звычайно языкъ сильно обложенъ, хорый не мае ніякого вкуса, а въ его ротѣ точно такое чувство, якъ бы кто тамъ клеемъ помастилъ. Тогда тому хорому звычайно чути изъ рота, а люди говорятъ, що изъ него „чути горячку.“ Однако бываютъ и такіи люди, щó то на видъ здоровы и даже маютъ апетитъ, а имъ дуже чути изъ устъ. Тѣ люди уживаютъ розличныи полоканья, хлоръ-кали, боръ, салициль, или купуютъ въ аптекахъ пахнущіи пигулочки и т. д., но все то звычайно ничого не помагае для того, що причина зла лежитъ или въ желудку, или въ носѣ. Если отже кто мае такую долегливость, та не знае, чи оно походитъ изъ желудка, чи изъ носа, то раджу лѣчити одно и другое. Пробуйте зразу домашніи средства: не ѣжьте сырыхъ и квасныхъ стравъ, а вмѣсто пива и горѣлки, пійте содовую воду. Также порадно есть купити собѣ въ аптецѣ за кôлька гелеровъ Bicarbon- soda

и того порошку заживати три разы денно по пôлъ кавовой ложечки въ келишку воды. Що-до носа, то треба роспустити троха звычайной соли въ стклянцѣ теплой воды и тую воду три разы денно втягати до обохъ дѣрокъ носовыхъ, такъ щобы потомъ тую воду ротомъ можно выплюти. То треба робити досыть долго.

9) В. Б. въ В., почта Сурохôвъ. По правдѣ сказати, вы не такъ дуже слабыи, якъ вамъ здаеся. Передовсѣмъ думаете вы, що вы хоры на груди, та коли хочете кашляти, то кашель сухій. Найлучшая на то рада — не кашляти, — бо черезъ напруженье могутъ васъ потомъ по правдѣ груди болѣти. Не уживайте ніякихъ аптечныхъ лѣкôвъ, ѣжте правильно и лишь легкіи, поживныи стравы (пôстъ для васъ шкодливый), высыпляйтеся щонайменьше 8 годинъ на добу, а до тяжкой физичной працѣ не берѣтся.

10) Д. П. въ Ч., почта Слобôдка лѣсная. Если вы, письменный чоловѣкъ, такъ дуже свое здоровье запропастили и слабость занедбали, то що-жь дивоватись людямъ простымъ, темнымъ? Васъ начала болѣти нога въ клубѣ; вы идете до парни; вамъ парня по правдѣ зробила легче, та вы заразъ по парнѣ идете $2^1/_2$ мили до дому пѣшкомъ! Чи то розумно? Пôзднѣйше начало вамъ добре пухнути, начало течи и сцѣпило ногу, — а вы на то берете посторонокъ и кажете собѣ тѣмъ посторонкомъ ногу тягнути, що вамъ отъ болю ажь свѣчки въ очахъ стояли! Чи то розумно? Отже, щобы вы теперь знали, якъ стоите, то послухайте: У васъ есть **запаленье бедрового склада**, въ полученью съ ропленьемъ (материзованьемъ) костей. Слабости сей вы уже дома не вылѣчите, бо кто знае, чи вы вашимъ посторонкомъ еще и не звихнули сво-

ей ноги. Отже одинокая рада на то — удатись до шпиталю до Коломыи, или на клинику до Львова. Если вамъ тутъ не помогутъ, то будете калѣкою на вѣки.

11) **С. Б. въ Л., почта Балигородъ.** У малыхъ дѣтей дуже часто **зливаеся голова**. Зразу робятся на головѣ и лици прыщики, та перемѣняются въ мѣхурчики, тѣ пукаютъ, изъ нихъ вытêкае гнôй, а въ кôнци лице и голову покрывае струпъ. Если вы маете дуже далеко до лѣкаря, то раджу вамъ свѣжій несолоный смалецъ насмаровати грубо на платочокъ и приложити тамъ, где треба, на одну добу. Потôмъ легко обтерти и зновь свѣжо приложити. Если бы то не помагало, то купѣтъ собѣ въ аптецѣ боровую масть, розмѣшайте ю на половину съ несоленымъ смальцемъ и робѣтъ такъ само. Черезъ цѣлый часъ лѣченья не вôльно тѣхъ мѣстць замочовати

12) **И. П. въ К., почта Калагарôвка.** Неразъ и найкрасшій **голосъ** нашого дьяка запропастится черезъ то, що дьяки своего голоса не шануютъ, лишь спѣваютъ и въ парнотѣ, и въ морозѣ, и поросѣ, и въ вѣтрѣ, и въ дощѣ. Раджу вамъ черезъ мѣсяць совсѣмъ не спѣвати, не курити ни файки ни цигаровъ, не ѣсти сырыхъ и квасныхъ стравъ, не пити горячихъ напиткôвъ, обвивати горло каждой ночи мокрымъ платочкомъ, а на день сухою хусточкою, и цѣлыми днями попивати слязовую гербату, осоложенную ледовымъ цукромъ.

13) **М. К. въ Г., почта Городенка.** У молодыхъ людей творятся дуже часто бôльшіи или меньшіи **гузы на тѣлѣ по-пôдъ ухами.** Они суть или твердыи или мягкіи; изъ нихъ вытêкае бѣлый гнôй и такъ не могутъ загоитись, а если трердыи, то най-

лучше ихъ оперовати, т. е. вырѣзати, бо щобы сами розôйшлися, на то малая надѣя.

14. Я. Б. въ К., почта Кривче. Наши люди не умѣютъ дбати о свое здововье; они ни въ живленью, ни въ одяганью, ни въ цѣломъ захованью не поступаютъ гигіенично. Неразъ середъ трескущихъ морозôвъ вижу хлопôвъ въ легкихъ сѣракахъ, та соломяныхъ капелюхахъ на головѣ, — и зновь въ горячое лѣто убираютъ кожухъ и великую баранковую шапку! Ну, а хотьбы и ваша донька! Богъ далъ людямъ день до роботы, а нôчь до спочинку, – а она иде въ зимѣ въ сильный морозъ и вѣтеръ о 10 годинѣ въ ночи на рѣку бѣлье прати, а потомъ еще зъ двѣ годины пораеся коло хаты, а змерзнувши добре, лягае на горячую печь спати! Чи то не самовôльное убійство? Не дивуйтеся отже, що она дôстала запаленья, а теперь вѣроятно впала въ сухоты. Листовно я вамъ ничого не буду радити, удайтесь до вашого лѣкаря.

15) Н. Г. въ З., почта Пасѣчна. Слабость такая любитъ отновлятися, для того недивно, що и вамъ отновилась. Вы конечно мусите удатись до шпиталю, бо суть слабости, которыи тôлько въ шпитали можно вылѣчити.

16) В. К. въ Т., почта Тернополь. Слабость вашой дѣвчины есть **запаленьемъ костей.** Она начинаеся звычайно дрощемъ и горячкою, потôмъ наступае въ мѣстци запаленья сильный бôль, зачервененье и опухненье шкôры дуже часто набирае матерія, шкôра пукае, матерія вытêкае, — и здавалось бы, що то уже буде конецъ слабости. Тѣмчасомъ слабость тревае безпрерывно, а кость въ серединѣ начинае псоватися. Слабость може тревати мѣсяцями, а силы хорой чѣмъ разъ бôльше нищатся. Тутъ вамъ не помогутъ ніякіи масти. Можно лишь

пробовати теплыи купели изъ пшеничного грысу (1 гарнецъ) и каменной соли ($^1/_2$ к.) щоденно черезъ 20 дней. Если-жь бы то не помагало то треба удатись до шпиталю. Слабость полягае въ тôмъ, що въ серединѣ въ нозѣ часть кости струпѣшѣла, такъ само, якъ часомъ заболитъ овочевое дерево. Якъ отже у деревины треба заболѣвшую часть вырѣзати, замастити, а деревина буде дальше овочи родити, такъ само и у вашой хорой треба болючое мѣстце чи то выскробати, чи вырѣзати, а щобы она того не чула, дасться ей попередно на спанье.

17) В. Р. въ С., почта Товсте. У молодыхъ людей случаеся дуже часто, що на ногахъ понизше колѣнъ набѣгае прищикъ, потôмъ побôльшаеся, выдѣляе изъ себе жолтавый гнôй и такъ въ короткомъ часѣ вытворится изъ того меньшая или бôльшая рана, въ которой серединѣ выростае дикое мясо. Суть то **шкôрныи туберкулы.** Такую рану можно на якійсь часъ мастями пригоити, однако она часто зновь отновляеся. Для того найлучшою радою на то есть операція, т. е. такую рану треба или вырѣзати, или выскробати, а операція та не есть ни небезпечная, ни болючая, бо хорому запускаеся пôдъ шкôру такую каплю, по которой онъ болю не чуе. Пытаете мене такожь о пораду на **нагнêтки,** бо говорите, що вы прикладали уже розличныи масти и ничого не помагало. Щобы нагнêтокъ выгубити, треба его напередъ легко зрѣзати, а потôмъ прикладати разъ на день плястеръ діахилевый, при чêмъ однако не вôльно на ту ногу убирати шкôряныхъ чобôтъ, лишь папучи. За кôлька дней корень нагнêтка пôднесеся такъ, що его можно ножикомъ пôдважити и усунути.

Въ Жолквѣ, въ мѣс. сѣчню 1902 р.

Д-ръ С. Дрималикъ.

Н-ръ.	цѣна	гел.
129. О закупнѣ русскихъ земель	„ 20	„
151. О книгахъ грунтовыхъ и о эвуд. катастр.	„ 30	„
180. Хоробы у коней	„ 24	„
132. Народныи повѣстки Толстого	„ 20	„
191. О печатныхъ книгахъ	„ 30	„
211. и 212. Поясненія Божественной Литургіи	„ 44	„
224. Доля школяря	„ 25	„
227. Донька пасѣчника и отчетъ изъ генер. Собранія	30	„
230. Забобоны и наука	„ 20	„
231-232. Кровавыи лѣта и Не туда дорога . .	„ 48	„
235. О Бразилии и другихъ, мало заселенныхъ краяхъ. Поученія изъ центр. выдѣла .	„ 24	
236. Бывало, а нынѣ и — О ревизіи катастра	„ 22	„
239. Молися,—Учися,—Трезвися,—Трудися. Стихи и пр.	23	„
240. Побѣда 10 кр. 241.—О эмиграціи. Отзывъ центр. Выд.	30	„
242. Гѣлый платокъ, повѣсть и Конч. кн. Романа,	30	„
243 О заразахъ и лѣченіи домового скота . .	„ 30	„
244-245. Кровавый танецъ	„ 30	„
248 Ксеня вôйтиха	„ 32	„
252. Коляды и набожныи пѣсни	„ 32	„
254 5. Пôзнай себе, буде зъ тебе	„ 50	„
259. Первыи Варяги, повѣсть, и Правила для управленія ссыпа збôжа при читальняяхъ	„ 40	„
264. О Общôмъ заробковôмъ податку. Где-що про нафту	„ 30	„
265. О живоплотахъ. Докладъ изъ дѣятельн. выдѣла и генер. Собранія	„ 30	„
266. Где-що о нашôмъ новôмъ поступованью въ цивильныхъ справахъ	„ 30	„
267. I. Повѣстки гр. Толстого, II. Стефанъ горою	„ 20	„
268. I. О садоводствѣ Ч. II.; II. Що мы говорили съ кумомъ о фонетицѣ?	„ 30	„
269-270. Галицкіи розсказы изъ часôвъ скасованья панщины и вступленія на престолъ Императора Франца-Іосифа I.	„ 50	„
272. I. Гриць Скульскій, повѣсть; II. Фонетично-этимологичный розсказъ	„ 30	„
273. О заразахъ и лѣченіи домашнёго скота Ч. II.	„ 30	„
274. Вôйтъ Глинякъ. (Повѣсть).	„ 24	„
275. Настуня, повѣсть. — Справозданье изъ дѣятельности центр. выдѣла и Ген. Собранія	„ 24	„
278—279. Гальшка, княжна Острожская . . .	„ 50	„
284. Букварь	„ 32	„

Н-ръ	цѣна	гел.
285. Памятная книжка въ 25-лѣтній ювилей Общества имени Михаила Качковского	„ 120	„
286. I. Съ Богомъ (II. изд.); II. Ген. Собраніе	„ 30	„
290. I. Козаки; II. На домъ Общества; III. Лѣкарская почта.	„ 40	„
291. I. Поученіе о поживленью, II. Лѣк. почта.	„ 30	„
292. I. Не то сонъ, не то правда. II. Здрада. III. Божіи суды.	„ 30	„
293. Зиновій Богданъ Хмельницкій. (Вторая часть „Козакôвъ“.)	„ 40	„
94—295. Русскіи Пѣсни	„ 40	„
96. I. Що розсказовала старая верба. II. Голодъ. Лѣкарская почта. Отзывъ въ дѣлѣ ген. собр.	„ 30	„
ОІ Процентъ отъ Бога. О конскрипціи. Жертвы. Сироты. Лѣкарская почта. Отзывъ. .	„ 20	„
Д—3. Зиновій Богданъ Хмельницкій Ч II. .	„ 40	„
4. I. Арендарь (драма). II. Лѣкарская почта	„ 40	„
6—307. Слабости дѣтей (II. изд.)	„ 60	„
08. По крутой дорозѣ. Отзывъ о генер. собраніи въ Бродахъ. Лѣкарская почта. Жертвы на домъ Общества.	„ 24	„
309—310. Календарь на 1902 г.	„ 60	„
311. „Запомороченная“, „Урлопники“, Генер. Собраніе въ Бродахъ и „О забобонахъ знахорахъ и знахоркахъ“	„ 30	„
312. О просвѣщенію и патріотизмѣ	„ 24	„
314—315. Новая господарка въ медовôй пасѣцѣ и где-якіи вѣсти изъ Общества	„ 40	„
316. Украина, безъ попа, хлопа и пана (Розсказъ). Жертвы на домъ и пр.	„ 40	„
317. Онуфрій Грушкевичъ, Чаровникъ (III изд.)	„ 40	„

Просимъ памятати!

При перемѣнѣ адреса или почты просимъ подавати также давную почту.

При заказахъ книжочокъ просимъ присылати гроши зъ горы, такъ якъ за послѣплатою высылаемъ только отъ сумы 10 кор., а то для того, щобы заказующихъ книжочки стоила меньше почта.

Уже выйшолъ выпускъ 7 Музыкальной Библіотеки о. М. Копка въ Перемышлѣ. Всѣ выпуски Библіотеки якъ и Самоучку нотного пѣнія, можно получити у о. М. Копка, катихита ул. сем въ Перемышлѣ.